Учиться нужно не писать, а видеть!
А. Экзюпери

Графоман № 3(51)-2022

Журнал для любителей словесности

Издаётся с 2010 года

Основатель — Николай Година

Редактор — Александр Мишутин

АВТОРСКИЙ СОВЕТ
Абдуллина З., Белобородова Е., Гаспарян К., Дубровина Н., Калугин В., Китаева В., Кухтурский А., Мякушко В., Рудковский М., Ружин В., Федосеенкова А., Хрипко П., Шалыгина М.

Стихи

Галина Афимова Я разгадываю тайну 6
Валентин Баранов И воскрешает души тишиною 7
Тамара Барейшина
Осмысленье 8
«“Ремонт велосипедов”...» 8
Олег Белоногов Мне рано жизнь сливать 9
Ольга Большакова А память баюкает детство 10
Елена Дуденкова Тишь такая над деревней 12
Наталья Емельянова От судьбы не сбежать 13
Николай Задорожный Басни 13
Ольга Карпенко Музыка сердца соединит 14
Константин Клепиков Тёмные аллеи — светлые глаза 14
Маргарита Кононенко
На свете много разных мест 15
Сидит на лавочке девчонка 15
Егор Молчанов Снова русская дорога 16
Анатолий Омельчук Приглашаем тебя в нашу глушь 16
Лидия Осминина
Ягодная поляна 17
Теперь без стука, теперь можно… 18
Иван Плетухин Здесь любимая Русь 18
Игорь Полинов Осень поздняя, сад завороженный 19
Александр Попов По жизни хожу босиком 19

Валентина Почтарёва Прости нас, Господи, прости 20
Татьяна Рубцова Нас осень-подруга в дорогу зовёт 21
Лора Стельмашук
Мой милый, августейший князь 22
Зелёный рай 22
Пролился аромат 22
Роза Тайгунова Разговор ведут душа с душой 22
Александр Фунштейн А Пегас всего один 23
Марина Шалыгина Иду и жизни дар лелею 24
Наталия Шишлева Сшить бы платье из счастья… 25
Ирина Шукшина-Фрик
Случай в поезде 26
Владимир Яковлев Всё кажется новым и чистым 27

Проза

Светлана Андриевская
Снежный человек 28
Елена Дуденкова
Иванова жизнь 31
Особый колорит 32
Валерий Богушев
Был день 33
Александр Златкин
Старый Лейба 37
Сергей Карпенко
Затемнение 41
Букет хризантем 42
Константин Клепиков
Соломенный рейс (продолжение) 44
Александр Кукушкин
Два Сашки (роман) 49
Ольга Кучерюк
Косы 52
Бусы 53
Александр Мишутин
Яблоки падают 55
Валерий Мякушко
Ностальгия 64

Сергей Салтыков
Русский запой 66
Оригинальная комбинация 66
Телефонный разговор 67

Вячеслав Тюнькин
Письмо 68
Без вести пропавший 69

Алла Федосеенкова
Двоюродные 70

Елена Шкунова
Письма Анубиса (продолжение) 72

Ирина Шукшина-Фрик
Закат 77

Донбасс

Елена Адинцова
Виктория Семибратская
Катюша 80

Михаил Афонин
Собака по имени Лава 82
Степная свадьба 84

Михаил Афонин Красным — сердце на блокнотике 85
Динара Гатауллина Разбуди меня так рано 87
Надежда Куликова Такое мало кто снесёт 88
Наталья Литвиненко На улице опять разбили дом 89
Владислав Русанов Нам полжизни ещё догулять 90
Виктория Семибратская Время не верить в плохие приметы 91

Челябинск — Донбассу

Алексей Баскаков Павшим — в небеса раскрыта дверь 93
Борис Беленцов Терпения кончается лимит 94

Наталья Дубровина
Кому горе и война,а кому-то мать родна 95

Наталья Емельянова
«Нас Луганск и Донецк попросили…» 95

Нэлли Кизилова
Своих Россия не бросает 96

Александр Фунштейн
Детство на Донбассе 96

Мемуары

Валентина Клименко

Неожиданная встреча 97
Незаполненный туесок 98

Людмила Куковенкова

Фартук с карманом 98
Звон благодатный 99

Олег Ник Павлов

Записки о детстве 100

Галина Черкасова

Прекрасное далёко… 104

Земля моя

Наиля Другова

Водопад «Мирный» 107

Александр Златкин

Мелодии старых русских городов 107

Ирина Костенко

Коленька 108

Анатолий Кухтурский

Районный центр Калмыково — Октябрьское 111

Станислав Чиликов

Царская дочь 113

Николай Шукшин

Счастливая 117

Детская комната

Юлия Найденко

Сникерс 122
Дуська 123

Наталья Сумина

Как Ирина и Артём Лизуна ловили 128
Как Ирина и Артём на русалок смотреть ходили. 129
Как Ирина плавать научилась 131

Юмор

Борис Беленцов

Стихи 132

Валерий Дивянин
Электромассаж с музыкой 133
Николай Задорожный
Критика по просьбе 135

Пробник

Светлана Другова Эта девочка верит в любовь 137
Александр Нагога Чтоб слово свободно дышало 138
Юлия Писаренко
Ещё горит моя звезда 138
Снег 138

Галина Афимова

Я разгадываю тайну

«Бабье лето»

На экране дразнит
Осень в разноцвет,
В ней я вижу праздник
Множеством примет.

Из эмоций мины:
Чувства рвутся в рай,
Свет горит рябиной
Весь Урал — наш край.

След в природе медный
Оставляет лист,
Дух стоит победный,
Солнышком лучист!

И во всём сакральноть,
Всё смотрел бы, пел,
Горизонт на дальность
Негой жаркой сел.

А пока что сладка
Дивная краса:
Осени повадки
Нам не предсказать!

* * *

Уходит ярко осень,
За драму не держи!
Расчешет рыжи косы —
Растают миражи.

Гармонией — в балансе!
Ценю её красу:
Пейзажи как на Марсе —
Пленительный ресурс.

И чары все — загадки:
Без тучек синь небес,
Играют листья в прятки,
Восторгом дышит лес.

Убор охристых красок
Цепляет видом глаз,
И лик дивит прекрасный:
Не нужно лишних фраз.

И длится любованье!
Погод сторожевой
Царит в моём сознанье
Приятие душой!

Пробуждение

Сирень ещё не распускалась,
Из окон видно всё вокруг.
С утра мне что-то размечталось...
На стуле кукла — милый друг;

Весёлый лик как неизбежность —
Подарок искренний, с душой,
Свидетель тайн и грёз кортежных.
Мне с нею очень хорошо.

Без куклы было бы скучнее,
Хоть неживой совсем предмет.
Творима духом и идеей,
Несёт она свой смысл и свет.

Сирень войдёт в цветную пору,
Благоуханьем восхитит,
И кукла-прелесть люба взору,
Черт притягательных магнит.

Сирень и кукла — миг на радость,
На пробужденье интерес!
От них энергия зарядом
Ко мне спускается с небес.

Грустные мысли

Мотив — естественный отбор:
Кто слабый, тот уходит.
Но тут выходит коленкор:
Живёшь — здоровый вроде,

Слабеют руки, ноги, стать,
Энергия — куда-то?
Ушла, как в прошлом: вся на гать,
Одна душа — куратор.

Иду к себе, и хорошо:
Нашла себе и нишу,
Хоть и багажик небольшой,
Люблю я, где «потише».

Вконец себя я обрела!
Но тайна за порогом:
Сияет рай, там ночь светла,
Мы ходим все под Богом.

А в смерти явно что-то есть,
И все хотят внезапной!
Когда все дни о смерти весть,
Захочешь жить так жадно!

* * *

Розовеет на востоке:
Зарождается заря,
Прячет небо серым оком
Звёздный искрами азарт.

Мысли снова в космос мчатся,
Не дают услады мне:
Я как доктор, сыщик Ватсон,
Нить связую в тишине.

Я разгадываю тайну
Человеческой души,
Как носитель личных файлов
Не достигла всех вершин.

Мир волнует за порогом!
Я устала вдруг любить:
Войны, ложь и смерть итогом
Не дают спокойно жить.

Дать бы людям всем сознанья
Информацией с небес,
Что от зла одни страданья!
Жду я, жду я благовест!

г. Копейск

Валентин Баранов

И воскрешает души тишиною

* * *

Ты умолкнешь опять, как раковина
Последнего слова.
И такая неодинаковая,
Вернёшься снова.

Ты нарочно обманешь зрение,
И, колючая, словно ёрш,
Вновь в какое-то измерение
Недоступное перейдёшь.

Но глаза твои, синью вымыты,
Всё равно проскользнут в меня.
Буду снова тобою вымотан,
Сто одним приключеньем дня.

Будут мысли мои разрозненны,
И не станет во мне ума;
Красотою, сравнимой с розами,
Вдруг разнежишь меня сама.

Ты иконою неподвижною
Стихнешь, голову наклоня...
Смолкну, лаской твоею выжженный,
Словно ночь красотой огня.

* * *

Всё понимает вода,
Если прождать на мосту
Встречи в глубокую ночь.

Плавает звёздная даль,
Опережая мечту.
Но ничему не помочь.

* * *

Долго стою у двери
Значит, там нет никого.
Годы... не то, что вчера...
Прошлое как повторить?
Мстительна эта пора.

* * *

Что может дать ещё день,
Если уже города
Всю растеряли любовь.

И в суетливости дел,
Что они ищут всегда?
Небо не чуя собой.

* * *

Господи, кончилась жизнь!
Нет ли чего-то ещё?

Яблони грезят в саду
Так ослепительно в май...

Время — единственный счёт;
Он-то и сводит с ума.

* * *

Всё — только мысль о тебе...
Чтоб я ни делал с утра,
Или куда бы ни шёл.
Эта ловушка разлук...
Сколько несёт децибел
В дверь неожиданный стук...

* * *

Опять июль, которому молюсь
За то, что нет на подвиги охоты:
Как мелко всё, известное давно...

Я исчерпал сомнительные квоты.
Мне волноваться больше не дано.
Лишь вечность есть, где я не тороплюсь.

* * *

Потянется шептаньем снегопад
В разлуке бесконечности небесной.
Никто не знает, почему он рад
Случайной жизни, дальше неизвестной.
Никто не знает, кто он. Век молчит,
Никто не правит суетной страною,
Пока снежинка лёгкостью томит,
И воскрешает души тишиною.

* * *

Лишь время — терпеливый гений.
Надменна радость дум любых.
Кто горд от прежних размышлений,
Тот бесполезен для других.

Что мысль — лишь поза заблужденья,
Потеха новым временам.
Она — о том предупрежденье,
Что вновь не всё понятно нам.

* * *

Надо летать не спеша,
Если, конечно, орёл.
Спешка — орлиный позор.

Медленно грезит душа.
Выше, душа — это взор.

* * *

Много ли выгоды — жить?
Радость — лишь выход из грусти.
Жизнь не имеет причин.
К тайне её величин,
Кто нас допустит!?

* * *

Я перешёл на ту сторону,
Где тишина как шёлк.
Где разделились поровну:
Кто говорит, кто смолк.

Там, где луна развинчена
И истекает свет.
Если наукой вычислен
Бог, то ответа нет.

Всё, что даёт провинция:
Воздух да гордость звезд.
Этот ночной единственный
Жизни моей гипноз.

Если понять умеючи,
Колоколов раздор,
Всё остальное — мелочи,
Всё остальное — сор.

Я перешёл на ту сторону,
Где уже разум строг.
Всё, что любви не стоило,
Не принимает Бог.

г. Касли

Тамара Барейшина

Осмысленье

День рожденья — итог,
Осмысленье, обновленье.
Завтра новый день придёт,
То есть — жизни продолженье.

Ждут событья впереди,
Словно катер у причала.
Снова солнышко взошло,
Где-то птица прокричала,

И потащит, понесёт:
Будут штормы, непогода,
Буду двигаться вперёд,
Даже если нету брода.

Пусть бушует, пусть несёт:
То находки, то потери.
За излукой счастье ждёт,
Только надо очень верить.

Тихой гавани не ждать,
А к чему-нибудь стремиться.
Душу в пепел обжигать,
Чтоб из пепла возродиться.

Окунулась вновь в дела,
И команда поддержала.
Хорошо, что не одна
Я у этого причала.

* * *

«Ремонт велосипедов» —
Написано неловко.
Ремонт велосипедов —
И здесь нужна сноровка.

Вдруг колесо спустило,
То нужно накачать.
А если цепь слетела,
Надеть — не подкачать.

Экологичный транспорт,
Хочу я вам сказать,
Но надо лишь на трассе
Умело управлять.

И заправлять не надо,
И простенький на вид.
Ты знай крути педали,
И он вперёд летит.

г. Пласт

Олег Белоногов

Мне рано жизнь сливать

Шпион

Диск луны туманно светел,
Но растаять не успел.
Встал не то, чтоб на рассвете:
Гимн петух ещё не пел.

Сгрёб одежду всю в охапку,
Извернулся весь, как йог,
Чтоб не потревожить бабку,
И тихонько за порог...

С неба звёзды мягко светят,
Псы на шорохи ворчат...
Не дай бог, узнают дети
Вместе с дюжиной внучат!

Тут попробуй объясниться
Или как-то доказать,
Что не могут у девицы
Быть печальными глаза...

В огород, не хрустнув веткой,
Вышел, мне сам чёрт не брат,
Знать, не зря служил в разведке
Много лет тому назад.

Выдохнул остатки лени.
Покружив, запутал след.
Срезал ветки у сирени
И собрал из них букет.

Оглядел окрестность робко,
Избегая людных мест,
И едва заметной тропкой
Дунул прямо через лес.

Весь в росе, озябший крайне,
Отыскал знакомый двор,
Быстроногой, лёгкой ланью
Маханул через забор.

Пса свининкою приветил,
Спрятал в воротник лицо,
Примостил живой букетик
На высокое крыльцо.

И обратно ушлым вором,
Ловок и нетороплив,
Притаившись у забора,
Глазом к дырочке прилип.

Понемногу посветлело.
Алым пламенем горя,
В небо серое несмело
Поднимается заря.

Чу! От клацанья засова
Развалилась тишина.
Дверь, не скрипнув, образцово
Разошлась. За ней — она!

В глазках копятся слезинки,
Что им благостный рассвет?
Косы спрятала в косынку
И... увидела букет!

На калитку оглянулась,
Подняла с крыльца цветы
И заметно улыбнулась,
Приоткрывшись для мечты.

От сирени в небо снегом
Потянулась бирюза,
Из сиреневого неба
Солнце прыгнуло в глаза!..

Всё! Домой! В росе колени,
Птицы в ветках свиристят.
Может, жизнь любовь отменит,
Чувства боли не простят.

Может, будет всё несладко,
Запахнётся к сердцу дверь,
Беды в дом вползут украдкой...
Может быть! Но не теперь!

Только вот чуть-чуть печально,
Что крадучись, словно вор,
В чью-то жизнь, в чужую тайну
Заглянул через забор,

В нарушенье всяких правил
По душе живой прошёл,
Ничего в ней не исправил,
Но на сердце хорошо!

И в руках такая сила,
Хоть леса косой коси!
Как бы мне тебя, светило,
Не свернуть с твоей оси!

Байкеры в небесах

Послушен руль.
Дал полный газ. Тверда моя рука.
Свист ветра слаще свиста пуль,
Скажу наверняка.
Минует байк за краем край,
Да будет он здоров!
Ад на пути ждёт или рай?
А вдруг тепло и кров!

Лечу вперёд.
Меня догнать стремятся облака.
Им проще: им не страшен лёд.
Я поднажал слегка.
Смотрю наверх: средь облаков
Не байкер ли возник?
Махнул рукой и был таков,
Остался только блик.

Притормозил.
Исчез мираж. Смотрю на небеса:
— Ну кто там пальцем мне грозил? —
Вдруг слышу, голоса,
И вижу байков ровный строй.
Похоже на парад.
И крик: — Ответь-ка нам, герой,
А кто тебе был рад?

Кого ты спас?
Кого любил? Кого ты ревновал?
Чьё фото, как иконостас,
Ночами целовал?
Кого собою прикрывал
Под проливным дождём? —
И вдруг как выстрел наповал:
— Тебя-то мы и ждём! —

Послушен руль!
Дал полный газ. Исчезли облака.
Свист ветра слаще свиста пуль,
Скажу наверняка!
Минует байк за краем край.
Мне рано жизнь сливать!
Что ждёт в итоге: ад иль рай?
Мне попросту плевать!

Я видел свет!
Я знаю сам, куда лежит мой путь.
Пусть впереди потоки лет,
Пробьюсь когда-нибудь!
Однажды под напором дня
Любая ночь пройдёт!
Но, если кто-то ждёт меня,
Он не напрасно ждёт!

г. Челябинск

Ольга Большакова

А память баюкает детство

Вавилов ключ

Мой деда, Вавилов Григорий —
Исток моей плоти и крови,
Большие и сильные руки —
Он жизнь, будто песню, сложил.
И был он задумчиво строгим.
Обязана я ему многим,
Но слишком мы редкие гости,
Родные у милых могил.

Дед сено косил знойным летом,
И был он в работе поэтом,
И дерево в кружево ловко
Уменьем своим превращал;
Степенно садился обедать,
Борща с пирогами отведать.
А в сердце без всякой уловки
Вселенную нашу вмещал.

Живёт в роднике его имя.
И пьют эту воду поныне,
И силу даёт та водица,
В день знойный прохладу даёт.
А память баюкает детство,
Ведь столько досталось в наследство —
Всё лучшее в нашей Вселенной:
И труд, и любовь, и полёт.

Хлеб

Лёд и холод.
Лютый голод.
Осаждённый белый город.
Хлеб, в котором жмых и солод,
Хлеб, живому жизнь дающий,
Хлеб блокадный, хлеб насущный...

Со стола сметаю крошку
Я в раскрытую ладошку,
Как сметали жизни ради
Их в блокадном Ленинграде.

Краткая автобиография

За Levis с нас фарца гребла лопатой.
Не знали мы ни «фанты» и ни «пепси».
Мы жили от зарплаты до зарплаты.
Не слышен саксофон был в наших песнях.

— Шумел камыш, — пел папа
с расстановкой, —
Каким ты был, таким ты и остался...
Всё делал с чувством, толком и сноровкой,
Да только в жизни мало продержался.

Качался маятник у друга под часами.
Кукушка куковала-надрывалась.
И как ни били, как ни лупцевали,
Ребро в ребячьих драках не ломалось.

Я девочка-припевочка Кыштыма.
Была и недотрогой, и заразой.
Жизнь била часто. Но плохое — мимо:
Я никого не предала ни разу.

* * *

Открыла тебе своё бедное сердце,
как крышку старого пианино,
над которым висит картина
с деревьями цвета красного перца.

Прислушайся — клавиши зазвучали,
не так, как чёрно-белые гаммы —
громким выстрелом из нагана —
мелодией радости и печали.

Возьмёшь в собеседницы вечеров,
серых, как брюхо постаревшей волчицы?
Времени нить будет сквозь пальцы сочиться
с веретена придуманных нами миров.

Осень

Утонули ноги клёна
В ярко-жёлтой пене листьев.
Лишь вчера стоял зелёный,
А сегодня золотистый.
И, скупым теплом обласканный,
Призадумался он крепко.

Сиротливой чёрной ласточкой —
Позабытая прищепка.

Качели

Верните, качели в далёкое детство,
Где есть коммунальное добрососедство,
Где окна открыты, и двери открыты,
Где пахнет вареньем и едким карбидом,
Где сока тебе не долили немножко,
Где соль и в стаканчике чайная ложка,
Где «классики» криво рисуются мелом,
Где девочки в праздники в фартуке белом,
Где в дом ты несёшь бедолагу-котёнка,
Где гордо сияет звезда октябрёнка,
Где папа и мама ещё молодые,
Где куклы и санки, и горки крутые,
Где мчат тебя санки, и мчат тебя лыжи,
Где ты с каждым годом становишься выше!

* * *

Никак не согреюсь у этого горя... — Огня!
— И печка разинула красную пасть.
И треском поленьев немного пугает меня
И тем, что на платье мне искорка может упасть.

А печка под вечер растоплена именно мной.
Гляжу в её доменный пламенный мир.
Он ярок и жарок, и мне непонятен: иной!
Вот так же пугаюсь, когда открывается тир.

О чём же расскажет полено (трагический жест),
Сгорая в жестоком огне и судьбину кляня?
О том, что тепло от печи как спасительный шест —
Наверное, всё же поддержит немного меня?

Кому-то везёт, а кому-то всегда шах и мат.
Но только бы дальше вела Ариаднина нить!
И я не ищу — кто же в бедах моих виноват,
А просто пытаюсь тепла попросить и его сохранить.

г. Кыштым

Елена Дуденкова

Тишь такая над деревней

Да, не мёд мне с тобой...

Да, не мёд мне с тобой, не мёд —
Только сердце к другим не льнёт;
Всё надеется, всё пытается,
Может, что-то у нас да исправится?
Может, можно ещё по-хорошему,
С невозможного до возможного?
Да, не мёд и тебе со мной.
Только вот не бежишь к другой
Не за ласкою, не за верностью —
Так от ревности, для примерности.
И живём вдвоём! всё-то мёда ждём!
Пуд за пудом соль в решете толчём:
Ты меня коришь, я тебя виню!
Всё ко мне спешишь!
Разве я гоню?

Одиночество

Опустел почтовый ящик,
только жухлые листочки
Носит осень в настоящем,
вместо сына, вместо дочки.
По утрам озябший ветер,
лезет в форточку погреться...
Ни ответа, ни привета...
Тяжек камень возле сердца.
Спит котёнок на припечке,
да щенок скулит за дверью,
стонет старое крылечко...
Тишь такая над деревней,
Тишь, густая, как сметана —
Хочешь, режь её ножом!
Там, где синие туманы,
Дети в городе большом,
Суетою утомлённы —
Быт, работа и семья,
Где уж там о маме вспомнить?
И приехать знать нельзя...
Мать тихонько угасает:
Словно свечка на киоте,
одиночество съедает...
Наказали? А за что так?!

Окрошка

В тот день не удалась окрошка!
А тут и гости на порог!
Ну, пожеманились немножко,
И съели с рыбою пирог...
Потом салаты и нарезы
Поели с шумным интересом,
А после мятую картошку,
Ну блин! не удалась окрошка!
Вино допили, даже водку,
Заели луком и селёдкой...
Я, охмелевшая немножко,
Им рассказала про окрошку!
Решалось бурно это дело,
Но зрелищ публика хотела.
Мне самогон соседи дали,
Окрошку гости уплетали,
Поев, попив, благодарили
Что в гости, мол, не зря сходили,
Всё было вкусно понемножку...
Но лучше всех была окрошка!
Вот так вот степень опьяненья
Меняет в корне чьё-то мненье!

* * *

Я критиков не нанимала!
Цензура мудрых не страшит!
Не так пишу и рифмы мало?
А сколько вложено души?
Ехидно жмётся, взор свой щуря,
Сейчас укусит! мой собрат,
Его ехидство по натуре:
Он нас талантливей стократ,
Зачем опять иду к закланью?
Ведь знаю — снова осмеют!
Но где-то там, на подсознанье,
Не одолеют! не сомнут!

г. Троицк

Наталья Емельянова

От судьбы не сбежать

Как многие ...

Я жив ещё?! А может быть, и нет...
Как холодно. Как страшно. Как ужасно!
Как хочется сказать смертям всем «Нет!»
Не волен я... На небе звёзды гаснут...

А дома... Дома ждёт меня семья...
Отец и мать с молитвой засыпают.
Жена, Людмилка, дочка, сыновья...
Неужто больше их не повидаю?

А между тем ясней все небосвод,
И скоро солнце озарит всё поле.
Ах, если б я подняться сам бы мог!
Но не могу и гибну поневоле...

Дай, Боже, сил! Дождаться бы своих.
Дай, Боже, сил! Дожить бы до рассвета.
Дай, Боже, сил! Мне б увидать моих:
Жену, детей, родителей сим летом.

...Как многие, тогда он не дожил.
Как многие, тогда он канул в лету.
Но сколько вложено им было сил
В заветную весеннюю Победу!

Победный май — ценою моря слёз!
Звук метронома и салют победный,
Кровавые гвоздики — память грёз
О том, о чём мечтали наши деды.

* * *

Пламенем ярким рассвет разгорается,
Звезды сгорают в этом костре.
Мне это пламя безумное нравится —
Нету прекрасней его на земле.

Солнца лучи через мрак пробираются,
Рвут его в клочья, совсем не щадя.
Утро в владения ночи врывается,
Ночь подмигнула ему, уходя.

Эстафета Победы

Наши деды ковали победу,
Каждый грезил ею во сне
И спортивную эстафету
Посвятили победной весне.

Подвиг наших дедов не замнётся,
Каждый будет помнить о нём.
И на площади вновь соберётся
Стар и млад майским праздничным днём.

Будут вновь ликовать за победу,
За тот мир, что был обретён.
По традиции вновь эстафету
Проведёт в честь победы район.

Пусть спортсменов сменяют другие —
Поколений то связь и времён.
Май победный... Деньки золотые.
Мы салют в небо снова пошлём.

Повороты судьбы

Пыл души не унять, не закрыть на засов,
Не вернуть время вспять, отмотав ход часов.
Если чувство в душе, если в сердце оно,
Значит, поздно уже, значит — так суждено.

Значит, будешь любить, значит, будешь
страдать.
Так тому, значит, быть — от судьбы не сбежать.
Но иначе судьба может всё повернуть,
И однажды вдвоём вы продолжите путь.

с. Чесма

Николай Задорожный

Басни

Награда

Чиновники авторитет имеют,
Творят препоны, не робеют.
Теперь у них такой манер,
И вот вам маленький пример

За честный труд да поощренья ради
Стал Бурундук отмеченным наградой.
В делах он бескорыстным был,
Медаль, конечно, заслужил.

Но Бурундук не получил награды:
Вверху Барсук чинил ему преграды,
Поскольку не имел такой награды сам.
Вот и трудись на благо Барсукам.

*

Таких примеров у нас много есть,
Пожалуй, все не перечесть.
Теперь награды получают впрок,
Преграды кто нам ставит поперёк.

Осёл-начальник

Назначили на днях Осла
Начальником «Ремстройсела».
В приказе том курьёз произошёл,
Но как заважничал вдруг наш Осёл!
Идёт он по селу — не замечает
Ни Лошадей, ни Птиц и ни Козуль,
Тем более Свиней-грязнуль.
И на поклоны их совсем не отвечает.
Но на дороге вдруг встречает
Начальника «Ремстроя» области — Козла!
И этот факт преобразил Осла
И что тут стало с гордецом!?
Он задрожал и завилял хвостом.
И даже ростом ниже стал.
Куда и подевалась его спесь?
Он лебезил, он тяжело дышал,
И низко-низко головой кивал
И только повторял:
«И-Есть! И-Есть!»

*

Мораль проста — без лишних слов,
Она бичует вот таких «Ослов».
Узнают ли они себя иль нет,
Когда увидят в басне свой портрет?

г. Челябинск

Ольга Карпенко

Музыка сердца соединит

Прелюдия

Ах, как трепетно играл рояль,
Рассыпаясь на высоких звуках,
То в любви, то в таинстве, то в муках
Унося в мечтательную даль.

Осторожно вторили басы,
Задавая ритм и в такт вздыхая,
И как будто плавно колыхая
Волны моря цвета бирюзы.

Разливалось, пело всё кругом —
На крещендо — солнце засияло,
Каждой нотой музыка блистала,
Наполняя целый мир теплом.

Песня у костра

Ярко-голубой июльский вечер.
На озёрной глади солнца блик.
Обещает вечер у костра нам встречу,
А вокруг сосновый бор притих.

Лишь костёр взовьётся на поляне,
Зазвучит гитары перебор,
И украсит песня вечер долгожданный
У подножия Уральских гор.

У костра наш круг сильней сплотится,
Станет сердцу каждого светлей.
Дивный летний вечер будет долго сниться
В сутолоке серых будних дней.

Нашу песню дорогой подругой
Каждый назовёт и сохранит:
Лишь её затянем, вспомним мы друг друга —
Музыка сердца соединит.

г. Челябинск

Константин Клепиков

Тёмные аллеи — светлые глаза

* * *

Когда нет любви —
Тревожно и больно,
Всё откладываешь
На «потом»...
Словно в сердце твоё
Раскольников
Ударил своим топором...
Право имею
Иль тварь дрожащая
У пропасти на краю?
Буду любить тебя настоящую,
Единственную, свою...
Непохожую и необычную,
Светлую как луна,
Славную, сладкую, грешную,
С которой — вся ночь без сна...
Мне не забыть твои локоны
И чуть шальные глаза;
Влажные губы, улыбку кроткую
Буду помнить всегда...

* * *

Рельсы на шпалы упали
И убежали вперёд.
Смогу позабыть едва ли,
Наш с тобою полёт.
Это было недавно,
Как казалось, вчера,
Губы твои шептали:
«Я навеки твоя»
А сегодня я снова
Одинокий брожу,
И мне слышится слово
В полумраке — «люблю».
Чувства мои уснули
И утонули на дне
Я не знаю, смогу ли,
Вновь вернуться к тебе?
И поезда простучали,
Вдаль забирая года,
Мы с тобою расстались,
Может быть, навсегда.

Старый дом

Дом стоит у дороги,
Уже двести лет,
Наблюдая тревоги,
Встречая рассвет.
Потрескалась крыша,
Разбито окно.
Стены плесенью дышат,
Разрывая бревно.
Разворочены ставни,
Всё травой заросло,
Это было недавно,
Столько рек утекло...

* * *

На свете много разных мест
но посетить почту за честь,
страну такую лишь одну,
о ней мечтаю, встречи жду!

Там чтут традиции и труд,
там добросовестно живут.
Сосед соседу только друг!
Воров там нет, лгунов, хапуг!

Там друг за друга как один
и кодекс чести там един!
Необычайная страна,
ведь справедливая она!

Но не купить туда билет,
такой страны на карте нет...

Завалился фундамент,
Покосился забор,
Очень сложный экзамен,
Достоять до сих пор...
Несмотря на тревоги,
Солнце, ветер и град,
Дом стоит у дороги
И я этому рад.

* * *

Тёмные аллеи — светлые глаза,
Отразилась в небе парка бирюза.
Мы с тобою больше вместе не живём —
Дрожжевое тесто станет калачом.
Платье у невесты шито серебром,
Расставанье с честью будет скрыто сном.
Ни к чему стенанья, горькие слова,
Музыка звучала струнами звеня.
Тёмные аллеи — грустные глаза,
По щеке сбегает чистая слеза...

* * *

Обнимая тебя, я смеюсь,
Своему мимолётному счастью.
Почему же в глазах твоих грусть
Отразилась, как туча в ненастье?
Мы знакомы с тобою давно,
Нам известны секреты любви;
Всё на свете за нас решено,
И расписаны наши мечты...
Светит солнце и падает снег,
Воет ветер и капли стучат.
Но усвоить нам стоит одно:
На Земле о любви — говорят...

г. Южноуральск

Маргарита Кононенко

* * *

Сидит на лавочке девчонка,
плетёт веночек для себя,
а жизнь её сплошная гонка,
нелёгкий путь её судьба!

Уже на склоне своих лет,
в альбом случайно заглянула,
и память вмиг её вернула,
в воспоминанья юных лет.

Как в парк Челюскинцев ходила,
как город Ленинград любила.
Крутые в жизни повороты,
преодоления и взлёты.

Всем помогала, как могла,
старалась, для людей жила.
Друзей, родных ей не вернуть,
как краток жизни был их путь...

с. Хомутинино

Егор Молчанов

Снова русская дорога

После дождя

Золочёным коромыслом
В небе радуга-дуга.
Пахнет свежим, пахнет чистым,
Как всегда после дождя.

Снова лужи, снова грязно
На лесной моей тропе.
И на небе снова ясно;
Ясно, как и в голове.

Отрезвляющий мышленье —
Летний дождь порой с грозой,
И дающий просветленье,
И дарующий покой.

И на листьях снова слёзы,
Снова вымыты дома.
Чувствуешь душою грёзы
От села и до села.

Снова русская дорога
Убегает в небосвод.
И старуха у порога
Снова ждёт и снова шьёт.

Золочёным коромыслом
В небе радуга-дуга.
Нет предела светлым мыслям
От села и до села...

Милая Родина

Черные брусья старою кладкою
Избы нарисуют простой силуэт.
Шепчут сирени песни украдкою,
Пламенем алым вспыхнул рассвет.
Вновь зацвели деревни сибирские,
Пахнет цветами маленький сад.
Колокола зазвонят монастырские
За грозной стеною высоких оград.
Чувствую сердцем я Родину милую,
Будто бы снова хочу я домой.
Снова поманит неведомой силою,
Снова меня поведет за собой.

Майские ночи

Майские ночи до ужаса кроткие,
Словно бы днём не гремела гроза.
Птиц переливы песен короткие,
Милая ночь, ты, как прежде, седа.
Милые звёзды, что светят играючи,
Вами усыпан здесь весь небосвод,
И великан, луну поднимающий,
Утром вас в сумку опять соберёт.
Милое поле ещё не засеяно.
Грозно с холмов поднимается лес.
Солнцем ты, ночь, будешь развеяна,
Будет развеян и запах чудес.
Ночь, ты моя старуха седая,
Вновь закрываешь ты книгу свою.
День проживу, тебя ожидая,
И новую, чудную сказку твою...

г. Тверь

Анатолий Омельчук

Приглашаем тебя в нашу глушь

Старая дача

Мы спешим по широкой дороге,
И весёлые песни поём.
Нас сегодня родни — очень много,
На свидание с дачей идём.

Вот пришли мы! Ну, здравствуй, старушка!
Сразу видно, что нас ты не ждёшь:
Ох и ветхая стала избушка,
И забор никуда твой не гож.

Вспоминаю, когда молодые
Приезжали к тебе с детворой.
Мы счастливые были такие,
Будто рай посетили земной!

Поделюсь я с тобой по секрету:
«Не забыта ты нашей семьёй,
Мы починим тебя этим летом,
Засияешь ты вновь красотой».

Приглашение в баню

Если душу свою вдруг поранил,
И почувствуешь: стал ты недюж —
Посети деревенскую баню,
Приглашаем тебя в нашу глушь.

И душа вдруг твоя встрепенётся,
Станет бодрой и нежной опять.
И как мама во сне улыбнётся,
Что захочешь её ты обнять.

Долго пьянкой родных ты тиранил,
Пировал от души пять недель.
Лучше веник тебе мы запарим,
Чтоб прошёл побыстрее твой хмель.

Отворишь от парилки ты дверцу,
И на камни водичку плеснёшь.
Ты очистишь и душу, и сердце,
Жизнь прекрасна — вдруг сразу поймёшь.

Привет, Танюша!

Я шлю вам привет свой, Танюша!
Забыть вас навеки — нет сил.
И злая тоска гложет душу,
И белый свет стал мне не мил.

Танюша! Родная Танюша!
Я больше не в силах молчать:
Любовь меня скоро задушит,
И я продолжаю страдать.

Приснился мне сон очень странный:
Я с вами гулял при луне!
Ваш голос, родной и желанный,
В прохладной звучал тишине.

Проснулся я на рассвете,
И сон моментально пропал.
Но вас наяву я не встретил
И больше во сне не видал.

Наша грусть

К финалу мы все понимаем:
Настанет для всех скорбный час;
Душа нашу плоть покидает,
И жизнь угасает у нас.

Но дух мой летает по свету,
Весь мир перед ним обозрим.
Я с неба шлю людям приветы,
Достатка желаю всем им.

Мне хочется также прощенья
У близких людей попросить:
«Ко мне не питайте презренья,
Я дружбой могу дорожить.»

Тебе, дорогая подружка,
Хочу на прощанье сказать:
«Ты стала давно уж старушкой,
Но сердце моё не унять.»

Люблю я родную планету,
Любуюсь я алой зарёй.
Мне близко и дорого это,
Хоть я и в могиле сырой.

Отчий дом

Что в мире я? Мельчайшая частица;
С превратностью судьбы давно знаком.
Я прилетел сюда, как с юга птица,
Чтоб посетить родительский свой дом.

В нём теплилось и радость, и тревога,
И детский смех, звучавший у ворот.
Он для меня судьёй был очень строгим,
А в трудности — совсем наоборот

Наш отчий дом и старенькие рамы,
И над столом зелёный абажур.
А во дворе я слышу голос мамы,
Она с любовью кормит наших кур.

г. Челябинск

Лидия Осминина

Ягодная поляна

Лес раздвинулся поляной,
Будто в сказочном кино.
Воздух сладостно-духмяный
Опьяняет, как вино.

Солнце, брызгая лучами,
Красит ягоды, цветы.
Нет милей — души не чаю —
Первозданной красоты!

Бабочки, шмели и мухи —
Всё снуёт, всяк цвету рад.
Так пленительны их звуки,
И сверкающий наряд.

От красы той замираю,
Становлюсь и глух, и нем.
На поляне собираю
Я клубнику — сразу ем.

Отгоняю тонкой веткой
Золотистых ос и пчёл:
Норовят поставить метку,
Хоть на них совсем не зол.

Внемля крику хищной птицы,
Устремляю в небо взор.
Проплывает вереницей
Облаков сплошных узор.

Оторваться нету мочи:
Кружит коршун удалой
Круг за кругом, плавно очень
Поглощаясь синевой.

В синеве небес просторных
Пласт — России милый дом,
Где живётся всем просторно,
Пусть гремит, но только гром.

Вновь по ягоды пойдём.

Памяти А. В. Неклюдова

Теперь без стука, теперь можно...

Теперь без стука войти можно...
Но как волнуется душа!
И память снова вороша,
Смотреть на вещи очень сложно.

Всё тот же стол, всё то же кресло,
Застывший лист календаря...
Здесь грусть незримою завесой
Закралась, душу теребя.

Общаться громко невозможно,
Листать альбомы осторожно.
Все разговоры приглуша,
От стенда к стенду чуть дыша —
Утраты боль ещё свежа.

г. Пласт

Иван Плетухин

Здесь любимая Русь

Трудяга и герой

Мой город рабочий
От пят до карнизов.
Он явно не Сочи,
Пронизанной бризом,
И пахнет не морем,
Не ветром солёным,
А потом рабочим,
И сталью калёной.

Он варит её
В коронованных домнах,
Парящих, шипящих, как горы огромных,
Как сам этот город, пронизанный светом,
Частенько летучею дымкой одетый.

А дальше —
Стальные, тяжёлые слитки,
Идут по стране, по планете, чтоб влиться
В индустрию строек, в доходное дело,
Чтоб жизнь на планете цвела и кипела.

Работает споро,
С уральским размахом,
И ближние горы в посконных рубахах,
Его берегут от ненастий и зноя,
Российского парня — трудягу, Героя.

Мой причал

Я живу для тебя,
Наслаждаюсь, любя,
Через явь и роскошество снов.
Я любуюсь весной,
И твоей красотой,
И пою свои песни без слов.
В них заложен успех,
Труд и масса утех,
И безбрежных лесов широта.
В них желанья мои,
Где поют соловьи
И гнездится души доброта.

Мне с тобой хорошо,
И готов я ещё
Вместе век по дорогам шагать,
Где и радость, и грусть,
Здесь любимая Русь —
Мой причал, моя Родина-мать.

Я молодость не растерял

Я молодость пока не растерял,
Держу её в своей душе, в запасе:
Там моя суть,
Мой нравственный причал,
Моя судьба в своём заветном часе.

Её я как зеницу берегу,
Когда с друзьями иль на ниве личной:
Лечу ли в небе, еду иль бегу,
Я весь в её соблазнах и привычках.

Она мне машет изредка рукой:
— Смелее, мол, мой друг, смелее.
В застойный день разбудит мой покой,
В тяжёлый час умело успокоит.

И дарит мне свой яростный накал,
Прилив любви к своей большой Отчизне,
И в сердце созревает капитал,
Который помогает в этой жизни.

п. Новосинеглазово

Игорь Полчнов

Осень поздняя, сад завороженный

Подкралась осень

К нам подкралась вплотную осень,
Пролистнуть вновь решила лето.
Вид в простуженных лужах сосен
Не зелёный — серого цвета.

Хоровод завела с калиной,
Стаи птиц прогнала куда-то;
Перекрыла озёра тиной,
Синеглазых, больших когда-то.

Забросала листвой оконце,
Не сдержать золотую снова.
И не с той ноги встало солнце,
Не по нраву земли обнова.

Холодком под рубашку влезла,
От прохлады невольно ёжусь.
Раскуражась дождём нетрезво,
К нам надолго пришла, похоже.

Дум-трава

Осень поздняя, сад завороженный;
Он, как сердце моё, замороженный.
Боль души, знать, дана в назидание,
Коль не думал о ней я заранее.

Мой мирок — хмурость, стынь,
серость зольная.
От людей не прошу, жаль невольную.
За прикрытую ложь, обещания —
Для себя не ищу оправдания.

Выйду в степь, затяну песнь старинную,
Дум-траве поклонюсь я с повинною.
Над засохшей, густою осокою
Вознесется она белым соколом,

Чтоб услышала даль неохватная,
Как уходит тоска семикратная.
Растечётся, расплещется зряшное,
Станут глупыми ссоры вчерашние,

Облегченье придёт благодатное:
Посулит, как пойти на попятную,
На колени упасть да покаяться,
Чтобы мне, горемыке, не маяться.

Белые пчёлы

На Покров застыли все лужи,
Вид деревьев провинциален,
Но кому-то, видимо, нужно,
Чтобы двор был весь накрахмален.

Налетели белые пчёлы,
Нос и щёки жалят не в шутку.
Закалённые, значит, счёл я,
Раз кружатся пятые сутки.

Затянули «сотами» крыши,
На стрехе висят языками.
Может, это «пасечник» свыше
Их послал на землю снегами:

Снежурой натешившись в волю,
Белый «мед» разлил в злую стужу...
Залечив вчерашние боли,
Снег бальзамом мне лёг на душу.

г. Троицк

Александр Попов

По жизни хожу босиком

* * *

В двадцатом и Христа, и Маркса предали.

* * *

Двадцать первый — молод по годам,
По чувствам;
Я бы дорого ему отдал
За своё отсутствие.
Ладно, пойду домой,
Тут отчего-то грустно.
Двадцатый — мой,
Весь: от истоков до устья.

* * *

Качаюсь на качелях,
Кричу, что есть мочи:
— Из черни я, из черни,
Времени чернорабочий!
Ничей я, ничей я,
Невесомость нутром чую.
Качаюсь на качелях,
Времени бег гримирую.

* * *

Нас на линейку выставили
От запада до Востока.
Этот мир мы выстрадали,
А толку?
Два ушиба об истину,
Две ошибки...
Нас на линейку выстроили
Длиной в одну улыбку.

* * *

Ты погоди, друг, не шуми,
Год-другой у жизни выжди —
Превратятся строки в швы,
Стихи — в заплаты твоей жизни.

* * *

Прозой, шагами, стихом
Плоть до крови закручивая,
По жизни хожу босиком,
Дни наизусть заучиваю.

г. Челябинск

Валентина Почтарёва

Прости нас, Господи, прости

Долюшка

Бабья долюшка —
Беги в полюшко.
В травке поваляйся,
Слезами умывайся.

Нету в полюшке
Горше долюшки.
Молитву шепчи,
А потом молчи.

Встань на ноженьки,
Беги по дороженьке;
Соседок скликай,
К себе приглашай.

Достань из печи
Булки да калачи,
Квасу, картошки —
Всего понемножку.

Радость встречай,
Всех угощай.
Радость общения —
Твоё угощение.

А потом падай
Перед святой лампадой,
Проси прощения
За свои мучения.

Заступнице помолись,
До пояса поклонись...
Злая доля
Осталась в поле.

Перед Богом грешница,
В миру — утешница.
Мать и жена —
Во всём одна.

Прощение

Неумолимо дни идут,
Нам не вернуть часы мгновения;
Опять нас в прошлое зовут,
И просим мы за всё прощения.
Прости нас, Господи, прости
За то, что мы не раз грешили
И, умирая от тоски,
Совсем ненужное вершили.
Меняли жизни светлый рай
На темноту обмана ада.
В последний миг сказав — Прощай! —
Мы ищем, где горит лампада.
Как тяжело грехи нести,
Мы просим вновь судьбу иную:
— Прости нас, Господи, прости! —
Распятье я в слезах целую.

Молитва

Молитву бабушка творит
Перед святой иконой,
А внучка рядышком стоит
И смотрит удивлённо.

Что шепчет бабка, не понять,
Кресты кладёт с поклоном,
О чём-то просит Божью мать
Перед святым престолом.

Тут внучка книжечку взяла
И рядом с бабкой стала,
И потекли её слова:
Всё говорит, что знала.

Всё чаще «мама» говорит,
И крестится наивно.
Молитву с бабкою творит,
Всё это ново, дивно...

Пусть непонятны те слова,
Что внучка лепетала —
А вера в девочке жила,
И Божья Мать всё знала.

Пошли ей, Матушка, любовь
И укрепи то чадо,
Подай ей больше нужных слов,
Таких — какие надо.

Пусть вера в девочке живёт,
И пусть она ей дышит.
Я знаю, время то придёт,
И всё Господь услышит.

Божья милость

От чего начинается
Божия милость?
От дома, порога,
От сказок, что снились,
От рук, что качали
С песнею зыбку,
От солнца, от мамы,
Что дарит улыбку;
От полюшка с хлебом,
От речки текущей,
От тучки и неба,
От дали зовущей;
От верных друзей,
Что в беде не оставят,
Добра не жалеют
Хоть самую малость.
Вся милость идёт
От Божницы в дому.
Там Благость живёт,
Жизнь давая всему.
И Божья идёт
От того благодать,
Ты только сумей
Всё понять, распознать...
И хлеба кусочком
Со всеми делись,
Бегущая строчка
С названием — Жизнь!

г. Чебаркуль

Татьяна Рубцова

Нас осень-подруга в дорогу зовёт

* * *

Одолела подруга бессонница.
Не заснуть, хоть всю ночь молись.
В голове пронеслась быстрой конницей
Бесшабашная, грешная жизнь,

Застучала в висках непрошено,
Раны старые бередя.
Я как всадник, судьбою сброшенный,
Заманила в тупик колея.

Поутру голова низко клонится.
Выйду в поле встречать зарю.
Ухватившись за гриву красную,
Ночь с бессонницей прогоню.

* * *

Краса неземная от края до края.
Нас осень-подруга в дорогу зовёт.
Колёса стучат, а мотор подпевает,
Златая листва украшает капот.
Берёзки и ёлочки слева и справа,
Как будто сестрицы в обнимку стоят.
Палитрою яркой на солнце играют,
И в звуках осенних кружит листопад!

Метель

Разгулялась в снежном море,
До земли деревья клонит:
То девицей захохочет,
То старухою застонет.

Не стучи в резные ставни,
Не скули голодным волком.
Уходи с пути-дороги:
Не сбивай возницу с толку.

Не пугай колючим взглядом,
Насылая злую стужу.
Полно властвовать, чертовка!
Не губи младую душу!

с. Чесма

Лора Стельмашук

Корзина чудо-лета

* * *

Мой милый, августейший князь,
Под летней маской август-всадник.
Заслужен всех похвал, кружась,
Вступил в права достойный латник.

По-царски, щедро, не скупясь,
Награды дарит по заслугам.
Он лихо мчится, не таясь,
Благоуханно по округам.

Густит копытом аромат,
Духмяных трав, цветов блаженство.
И хлебосольно во стократ
Безбедность шлёт, «моё степенство».

Зелёной гривою тряхнёт
Вселенский конь, как бы играя.
Орехов урожай падёт,
Медовых яблок, как из рая.

Рукой махнёт — и звездопад,
Другою — отведёт ненастье.
Мой август, соверши обряд:
Заворожи меня на счастье!

Зелёный рай

Дождей июньских завесь,
Рутина срочных дел,
День чёрно-белых клавиш
Пунктиром заскрипел.
Вернуло солнце в сказку —
Мой сплав в «Зелёный Рай»!
Весь Мир в другой раскраске
Открылся невзначай...
Я в семицвет взлетела
По голубой тропе!
Разливом чувств вскипела,
Как стая голубей!
Отрадно ликованье —
— Душа лети, порхай!
Не зря реки названье,
Совсем простое — Ай!
Притёсные фасады,
Пещер сквозных прогал.
Сухие водопады —
Ступенями из скал.
Ночной костёр, палатки,
Дыхание реки.
Туман наутро сладкий —
Замри и не вспугни...

* * *

Пролился аромат
Из летнего кувшина
На ткань времен. Накат
Букетом луговины.
Рассыпала свой цвет
Корзина чудо-лета
В песок времен. Пропет
Гимн радужных сонетов.
Накроет ткань времен,
В песке густом увязнешь.
Ты вспомни летний сон —
С тоскливым сердцем сладишь...

г. Троицк

Роза Тайгунова

Разговор ведут душа с душой

Лето

Соберу я по крупицам лето,
И сотку из них красивый плед:
Будет состоять он из рассветов
И цветов, что сорвала в букет;
Будут нити в нём из рек и ветра,
Будет пряжа в нём из солнечных лучей;
Я вплету в него побольше света
Нежных, тёплых, ласковых ночей.
Это будет плед воспоминаний:
По крупицам лето соберём.
И зимой, как будто на свидание,
В сотканное лето попадём

* * *

Кто-то ищет счастье далеко,
А оно здесь рядышком живёт;
И, ныряя в чувство глубоко,
Ил со дна он только соберёт.
Кто-то ждёт того, кто не придёт,
Мимо проходя любви своей,
Закрывая к счастью крепко дверь,
Ждёт тепла он от чужих огней.
Кто-то слышит всё, но не поймёт,
Что же говорит ему другой.
Кто-то молча за руку возьмёт —
Разговор ведут душа с душой.
Кто-то все забудет и предаст,
Может, даже грязью обольет;
Ну а кто-то жизнь тебе отдаст,
«Очень я люблю тебя», — шепнёт.

* * **

— Меняться — очень сложно.
Ещё сложней — менять
Привычный образ жизни:
Ведь проще обвинять.
Винить во всем супругу,
Родителей, детей...
И, бегая по кругу,
Живешь ты жизнью чьей?
Чьей жизнью проживаешь?
Ты о такой мечтал?
Иль просто привыкаешь
К тому, что ты создал?

А ты возьми, попробуй
Хоть что-то изменить;
Сменить на радость злобу
И что-то отпустить.
Подумай о желаниях,
Хотелках и мечтах;
Забудь об отрицаниях,
Развей обиды в прах.
Ты посмотри: несложно
Меняться и менять.
И новое, возможно,
Привычным может стать.

с. Миасское

Александр Фунштейн

А Пегас всего один

Повод для санкций

Наш город стал однажды знаменит,
Не потому, что он особый город:
К нам прилетел большой метеорит
И вся земля о нём узнала скоро.

Мы, русские, вам это не простили;
А Байден, тот от зависти вспотел:
Он к нам на съёмки в Голливуд летел,
Вы хитростью его перехватили.

Мы требуем: немедленно вернуть!
Покоя не дадим вам днём и ночью!
Мы санкций вам объявим, просто жуть,
Хозяйство ваше разлетится в клочья!

Как это русский мужичок посмел?
Жаль, наши парни постарались слабо,
Он к нам, он к нам в Лос-Анджелес летел,
А прилетел в какую-то Челябу.

Америка, умерьте аппетит!
Не трогайте Россию-недотрогу,
Иначе к вам такое прилетит,
Что быстро улетите в гости к Богу.

О Сталине и после него

Он был жесток. Закон и право
Себе он в руки положил.
И личной славой, и державой
Весьма ревниво дорожил.

Рождались новые заводы,
Дарили урожай поля,
И тысячи «врагов народа»
Сырая приняла земля.

Он тайно всё же верил в Бога,
Но в гневе был ужасно дик.
Добра и зла он сделал много,
Он был ужасен и велик.

Он умер. Встали эпигоны:
Почти слетали на Луну,
Носили звёзды и погоны
И порастратили страну...

Сейчас настало время роста:
Расправить плечи, выгнуть грудь!
Но это так, друзья, непросто,
Нелёгким будет этот путь.

* * *

Вот опять промчалось лето,
Год добрался до седин.
Сколько в мире нас, поэтов?
А Пегас всего один.

Он, трудяга, ниву пашет
Нам, чтоб сеяли добро.
На иных крылами машет:
«Лучше брось своё перо,

А займись другой работой:
Сей хлеба, сажай сады
И с улыбкой будет кто-то
Принимать твои плоды».

Да, проблем сегодня масса,
Не опишешь всё подчас.
Нелегко, друзья, Пегасу
Поле вспахивать для нас.

г. Челябинск

Марина Шалыгина

Иду и жизни дар лелею

* * *

Белые голуби крыльями
Хлопают под окном.
Сторожем строгим, всесильным
Солнце обходит дом.

Белые ночи. Не спится.
В памяти белой воде
Плещут крыльями птицы,
Белые крылья везде.

В белом тумане равнина —
Прошедшего века сон:
Мария. Екатерина.
Убиенный Пантелеймон.

Варвара, Василий, Надежда —
Русские их имена,
Белые их одежды,
Вечная память — война.

Кроткие, терпеливые,
Немогущие солгать,
Счастливые и несчастливые —
Исполать им всем, исполать! —

Белыми плещет крыльями
Голубиная рать.

* * *

Ледяной узор,
Шорох снежных крыл,
Занесённый двор,
Обновлённый мир.

Из окошек свет,
И сквозь снегопад —
Сон ли это, нет —
Поспешает брат.

Оглянулся вдруг:
— Не иди за мной,
Пусть удержит, друг,
Тебя мир земной.

Я ж бесплотный дух,
Лишь неясный след,
Снега лёгкий пух,
Невесомый свет.

Помахал рукой
И уходит вдаль,
В глубину, покой,
Памяти печаль.

* * *

В течение часа ожидается снег.
По течению ночи к устью её поплывёт.
Будет дворником ловить его ЖЭК,
Но снег и пойманный (ко всему
привыкаешь) живёт.

Пусть запрет на свободный полёт или бег,
Пусть впереди безвестная смерть.
Скученный у заборов наблюдает наш век,
Пытается стать камнем и онеметь.

Снаружи лёд-камень, внутри сохраняет тепло,
Под собой дыхание травы, корней:
Жизнь им отдаст — таково назначенье его,
Уходит в землю, соединяется с ней.

Март 2022

...Вот и март...
И. Бунин

Новостные вскрываются реки.
Набухают усталостью веки.
Вскачь летят цифровые номады.
Разнородны обманов монады.
Хмарь, туман. И подвальные крысы.
Крови сырость. И выстрел! И выстрел...
Нашей крови живучая алость.
Наша память — что было и сталось.
Наши степи. И смерти. И снова
Нашей памяти верное слово.

* * *

Уважаю стекло.
Живёт оно тысячу лет.
Даже если пулями его иссекло,
Оно ловит осколками свет.
Можешь бить его молотком,
Топтать, гнать по дороге пинком,
Мельчайшие брызги его
Повсюду блестят тайком.
Стеклодув-стеклодел
Радость в стекло вложил,
Вдувал в него жизнь,
Глядел
В сплетение огненных жил.
Испытанное огнём,
Не боится стекло ничего,
Веселье упрямое в нём,
И смерти нет для него.

* * *

Умер дедушка Гарегúн.
Был он в тот вечер совсем один.
Младший внук направился к северáм,
Младший сын — в Москву по важным делам.
Дочь пришла, нашла его у стола,
Там, где бывший букет стоял, как метла,
Со дня юбилея деда стоял
И, хоть нравился деду, но всё же мешал.

И восплакала вся родня:
— На кого, отец, ты оставил меня!
И меня! И меня. Всех нас! И меня...
И стучали в грудь, каждый себя виня.
Шесть сынов, одну доченьку он родил.
Вынослив, как вол, всех тянул до седин.
Надо было — и шёл воевать.
Строил. Ломал, если надо ломать.

Что надо — растил, что не надо — полол.
Глину месил, лучины колол.
На руднике медном смены стоял.
И пел, и шутил, нянчил и обнимал.
Сказало начальство — и на Урал
Поехал семьёй, вновь у меди стоял.
И вот пламя потухло, и гул утих.
Не на родине умер, в горах иных.

Хоронили соборно в Уральских горах,
А хотелось бы там, где родимый Арцах.

Впрочем, дедушке целый мир
Доброй родиной — солнечным лесом был.
А правнук деда, тёзка его Гарегúн
На чисто русском твердит: православный,
де, я армянин.
Вот наши два неба, два склона горы.
И солнце, и лес — от Бога дары...

* * *

В тени деревьев вешним днём
Иду и жизни дар лелею.
И пусть я не преодолею
Предел, в котором мы живём,
Благодаренья возношу,
За мне оказанную милость,
За то, что я на свет явилась,
За то, что я люблю, дышу.
А горечь жизни вся в вино
Сладчайшее на диво настоялась,
И сожалеть лишь мне осталось,
Что зря расплещется оно —
Ключей, увы, не передать
От кладовых моих заветных,
И только сонмом слов приветных
Во сны мне может прилетать,
Когда — утомлены трудом,
Дорогой ли, сложив котомки —
Уснут искатели-потомки
В тени деревьев вешним днём.

г. Кыштым

Наталия Шишлева

Сшить бы платье из счастья...

* * *

Солнце купается утром,
Прохлада и тишина.
Все пробуждает, вздыхает,
Рождение нового дня.
Вот поволока тумана,
Ветер молчит у воды.
Трепетно брезжит рассвет,
Слышно дыхание Земли.

То за речкой

То за речкой солнце разольётся,
На родимой русской стороне.
Там казак лихой по полю мчится,
На могучем вороном коне.

Он летит, как ветер быстрокрылый,
Повидать казáчку за рекой.
Ту зазнобу с ясными глазами
Да с красивой чёрною косой.

Как пойдёт казáчка да на речку
С коромыслом, ой, наперевес.
Почерпнуть студеную водицу,
А казак казачку поджидает здесь.

По тропинке с бережка крутого,
Красна девица идёт к реке.
А за нею казачок удалый
Напоить коня ведет к воде.

Ты лети, казачья песня, птицей,
Через речку в дальние края.
Расскажи о нашей о станице,
О казáчке с нашего села.

* * *

Сшить бы платье из правды,
Чтобы больно не было всем;
Сшить бы платье из мира,
Чтоб война ушла насовсем;
Сшить бы платье из лета,
Чтоб не мерзла душа...
А ещё сшить бы платье из счастья —
Не снимала б его никогда.

с Увельское

Ирина Шукшина-Фрик

Случай в поезде

1.

Дремал дедок, как кот Мурлыка,
Маршрут укачивал слегка.
Напротив тетка, словно тыква:
Сочна, бокаста и крепка.

Красавец с выправкой военной
На полке, что, как раз, над ней,
Приятный с виду, здоровенный,
Домой спешит на десять дней.

А сбоку мать и пацанята —
Никак детей не усмирить.
Шумят подросшие галчата,
Всё смотрят, как бы нашалить.

Сменяют золотые колки
Деляны, сжатые давно,
Озёр синеющих осколки
В окне вагонном, как в кино.

Все познакомились немножко,
Достали каждый свой припас:
У тетки яйца и картошка,
У деда шаньги про запас.

Без промедленья и огласки
Достал мужик еды для всех:
Душистой краковской колбаски,
И с ней имел большой успех!

Здесь были пирожки уместны,
Мной извлеченные на свет,
Конфеты фабрики известной
И к чаю маковый рулет.

Мамаша курицу достала
И малосольных огурцов,
Лучка зеленого и сала —
Стол для обеда был готов.

Ушла стеснительность, вздыхая,
И грусть, дремавшая в тиши.
Все оживились, предлагая
Друг другу снедь от всей души.

Путь каждого из нас неведом,
Никто не знает никого.
Знакомство лучше за обедом —
В дороге так заведено.

2.

Куда чей путь и чем означен,
И кто чем в жизни озадачен...
Смотрю, делиться стал народ,
Не только тем, что лезет в рот.

И потекли здесь разговоры,
Перетекающие в споры,
О жизни, детях и про старость.
Здесь даже Байдену досталось.

И потихоньку стало ясно,
Что жизнь в плацкарте так
прекрасна:
Нет стариковых дочерей,
Которые Горгоны злей.

Отдав все детям, почему-то
Старик остался без приюта.
Кочует от одной к другой,
Неведом мужику покой.

Смущаясь, женщина сказала,
Что от войны детей спасала...
В Донецке — сущая беда!
Бежали. Едут в никуда.

Совсем испортилась погода,
Там плакала сама природа
Над их судьбою невезучей —
Дождь за окном из черной тучи.

3.

И вдруг сказала тётка ясно:
«Поехали ко мне домой!
Там будет все у нас прекрасно!
Ты — станешь братом, ты — сестрой.

Уж год прошёл и две недели,
Как схоронила мужа я.
Живу на свете еле-еле:
У нас бездетная семья.

В селе всегда полно работы:
Есть дом большой и огород,
Но без детей пусты заботы,
И радость в доме не живёт.

Мы, пораженные, молчали.
Не захотелось больше есть.
В тот миг мы чётко осознали,
Что состраданье в людях есть!

Что в ней красивой, настоящей,
Не избалованной судьбой,
Побитой жизнью, работящей —
Есть нежность, доброта, покой.

Военный, мне не показалось,
Мамаше помощь предложил.
А чтоб она не отказалась,
Ей в сумку денег положил.

Они на станции Самара
Сошли одной большой семьёй.
Ломая лёд судьбы, Тамара
Вела своих гостей домой.

Жизнь может быть весёлой, строгой,
Беспечной, ласковой и злой,
А встреча — общей стать дорогой,
И даже общей стать судьбой.

Стоят родные на перроне.
Мне выходить. Вот мой вокзал.
Я точно знаю, что в вагоне,
Не зря нас вместе Бог собрал!

г. Челябинск

Владимир Яковлев

Всё кажется новым и чистым

* * *

Я на тебя смотрю, я подле и умру.
Ты так нема была, когда я был незрячим.
Ещё была зима прозрачна наяву,
Ещё всё было лживо в настоящем.

А в воздухе опять застыл минор
И нас заманивал не превращать обратно
Ту безысходность в долгий разговор,
И немота была звучней стократно.

Привязанность смешна, когда вся жизнь
насквозь
Пронизана немыслимой задачей.
И в череде тех дней ни дня не обошлось
Без знания, что может быть иначе.

* * *

Туман. И кажется, свежо.
И кажется, что в переходах
Соседних арок всё легко,
И новый день как бы спросонок
Не ведает, что будет в нём,
И тусклых окон пробужденье
Указывает на проём,
В котором теплится волненье.
Невозмутимая чреда
Всё успевающего люда
Вершит насущные дела.
И утро движется повсюду.

* * *

Я делаю вид, что живу.
И вновь исчезающий ветер
С дороги сметает листву.
Какой-то бумажный пакетик
Сперва шелохнётся слегка,
Потом, как бы вслед ожиданьям,
Сомнёт его чья-то нога,
И он своего оправданья
Не скроет. Вокруг всё молчит,
Всё кажется новым и чистым.
И, может, здесь кто-нибудь жил,
И прикрывался той жизнью.

г. Озёрск

Светлана Андриевская

Снежный человек

Мало ли в мире чудес, о которых слышали многие, а видели избранные? Одно из таких чудес планеты — «снежный человек», он же Йети. Однажды летом его нашли в горах на Южном Урале. Это была сенсация!

Ранним июньским утром комплексная экспедиция учёных Ильменского государственного заповедника выехала из Миасса в Саткинский район к самому высокогорному в Европе озеру Зюраткуль. Кроме пожилого водителя Василия Кузьмича в УАЗе — видавшей виды «буханке» — мчались: кандидат наук, знаток насекомых энтомолог Борис Валентинович, специалист по птицам орнитолог Валерий Семёнович, фотограф Александр Александрович, а попросту — Сан Саныч, охотовед Михаил, молоденький ботаник Паша и геолог Гена. Предстояло примерно три часа нелёгкого тряского пути по горным увалам Урала.

Поначалу ехали молча. Солнце весело прыгало за окнами, то скрывалось за вершинами дикой тайги, то протягивало яркие лучики к заспанным лицам. Михаил вытянул ноги, заложил руки за рыжую вихрастую голову и, хитро прищурясь, поинтересовался у сидевшего напротив него худенького геолога Гены:

— Геннадий, что думаешь, как там наш «лось», не удрал ещё?

«Лось» — огромный, недавно обнаруженный со спутника геоглиф, что крупнее самой большой фигуры из найденных в пустыне Наска, в Перу, одна из загадок таёжного Урала. Кто и когда сделал широкие рвы, похожие на огромного зверя, зачем выложил камнями? До сих пор было не известно. Гена снял тёмные очки, протёр стёкла:

— Куда он денется, рогами в озеро упёрся, копытами к вершине. Я в этот раз на Белые Останцы пойду, на «Медведей», как их местные называют. Сделаю «променад» по хребту Зюраткуля, с высоты и пригляжу за «лосярой»!

— Не боишься там, на хребте, снежного человека встретить? Местные говорят, будто видели его лежки: ветки кустов, заплетённые косичками. Прошлой зимой сфоткали огромные следы на свежем снегу, — подначивал товарища охотовед.

— Не верю я в эти сказки: ни в инопланетян, ни в Деда Мороза! Нету никакого снежного человека! — Гена замахал руками, будто отбиваясь от роя мошкары.

— А кто, по-вашему, такую огромную фигуру «лося» соорудил, что только с космической высоты и увидишь: великаны что ли или динозавры какие-нибудь разумные? — включился в разговор Валерий Семёнович...

УАЗик продолжал трястись по разбитой колее, а между учёными завязалась долгая и страстная дискуссия, кто во что верит-не верит, с научными обоснованиями своих мнений и теорий.

Так, за разговорами домчались до поворота на лесорубский посёлок Магнитка. До сих пор не вымолвивший ни слова водитель Василий Кузьмич притормозил у обочины, вытер рукавом пот с полноватого смуглого лица, обернулся к пассажирам:

— Мужики, перекур на пять минут. Аппаратуру хорошо закрепили? Впереди «тёщин язык», такие, сукины дети, крутые горные виражи, ухабы — протрясёт не хуже, чем в лихорадке. Так что держись, кто за что может, хоть зубами за воздух!

И точно, последние километры пути машина шла по ухабистой лесорубской дороге, словно по стиральной доске в форме ленты Мёбиуса. Наконец, экстремальный «серпантин» привел к подножию хребта Зюраткуль.

Тормознулись в намеченной точке, минутах в двадцати ходьбы от озера. Все с облегчением вывалились из машины, поразмяли ноги. Стоял крепкий запах хвои и цветущих трав. План обычный: ставить палатки, выгружать аппаратуру, подкрепиться и — по своим маршрутам, за работу! Из походных рюкзаков достали термосы с чаем, кофе, бутерброды, кильку в томате, пирожки от любимых жён, заветные фляжки с «горячительным».

— Кузьмич, ужин за тобой! — после лёгкого перекуса Михаил похлопал по плечу крепко скроенного шофёра Василия.

— Лады, я с котелком на «ты», готовить умею, — не возражал водитель, по совместительству сторож стоянки и кашевар.

— Ну, мы по горам, по долам, а ты тут хозяйничай. Смотри, без пригорелок!

Специалисты разбрелись каждый в свою сторону: искать, наблюдать, описывать...

Борис Валентинович — высокий, стройный мужчина средних лет, опытный энтомолог, специалист по чешуекрылым. Рюкзак с сачками и ловушками для бабочек — за спину, фото-

аппарат — на плечо, очки в толстой оправе — на нос. И вперёд — по заветным полянам. Здесь в траве он надеялся встретить редких бабочек из Красной книги, например, Аполлона, Адмирала, Махаона. А если подфартит, то и неизвестные виды попадутся!

Геолог Гена отправился по ручьям.

Охотовед Михаил широко зашагал в сторону озера.

У орнитолога Валерия Семёновича, бывшего «закрытого» спеца по ракетам, нынче важный заказ из Москвы! Позолоченные купола колокольни Ивана Великого регулярно страдали от ворон. Эти неуёмные хулиганки повадились кататься с куполов как с горок, сдирая когтями тонкий слой позолоты — весёленький вороний аттракцион! А учёным не до смеха, они устроили «мозговой штурм», придумали пугать каркуш, паразиток этаких, грозными криками пернатых хищников. Призвали на помощь орнитологов, мол, срочно нужна запись птичьих голосов. Для этого и приехал на Зюраткуль.

Валерий ловко поднялся по скалистому выступу поближе к гнезду кречетов. Начал настраивать аппаратуру для записи криков этих красивых стремительных птиц. Всё было готово к работе, когда вдруг орнитолог уловил странные звуки — то ли скрежещущие вопли, то ли громкоголосые стенания и вой. Это не может быть птица, точно! Но и не медведь, не лось... Чуткие пальцы орнитолога сами собой нажали кнопку записи. Странные звуки повторились, эхо отрогов хребта разносило их ещё какое-то время...

...Водитель остался сторожить лагерь, поддерживать огонь в костре и варить кашу. Для начала пошёл-за валежником — ох, и красота вокруг! На поляне цветистое разнотравье, шмели гудят, бабочки нектаром наслаждаются; рядом в ельнике — прохлада, тишина, только негромко пересвистываются какие-то пташки. Благодать!..

Первыми вернулись на стоянку фотограф с ботаником. Печальные морщинки на лбу Александра и его седая взъерошенная борода навевали мысль о вселенской грусти. Пашка молча с досадой сбросил чёрную бейсболку с головы куда-то в высокую траву. Они зря намотали километры в поисках «ботанической добычи». Боевой настрой упал.

Ароматно пахло кашей с тушёнкой и какими-то экзотическими специями.

— А что, может, накормим Пашку да сгоняем его в магазин за чекушкой, как самого молодого? — предложил подошедший Михаил. Он снял с плеча карабин, стал развязывать рюкзак в поисках чашки с кружкой.

Сказано — сделано. Выдали Паше тарелку с кашей. Пока он шустро орудовал ложкой, скинулись на десертный «выпивон». Сан Саныч вызвался в сопровождение, так что и его накормили «первым эшелоном». Снабдили сумкой, деньгами, ткнули указательным пальцем в сторону посёлка: «Давайте, без задержек, поскорее возвращайтесь!»

Надо сказать, что Павел был не просто какой-то там ботаник, а специалист по орхидеям. Дилетанты от ботаники думают, что на Урале не растут орхидеи. Как бы не так! Растут, аж около 30 видов! Размером, ясен пень, поменьше, чем в тропиках.

Идут наши ботаник с фотографом в посёлок, а на пути — скромная орхидея Любка двулистная. Наконец-то улыбка фортуны! Чтобы ботаник-фанат не свернул с пути ради редкого экземпляра орхидеи? Да не может такого быть!

— Шура, греби сюда! Смотри, какое чудо! Снимай со всех ракурсов!

— Без вопросов, подгребаю!

Кадры получились удивительные — словно делали портрет бородатого деда в белой высокой шапочке. Через пару километров — оп-па! Тайник сердцелистный. Эту скромнягу орхидею тоже запечатлели. И опять получился портрет цветочного человечка — забавного, с нежно-сиреневым парашютиком. Но и это не всё! На долгом пути к магазину, как сговорившись, появлялись то дремлик болотный (дама в чепчике и пышной юбке), то яркий венерин башмачок. Напутственное «возвращайтесь скорее» явно не получалось и было напрочь забыто...

Солнце клонилось к закату, когда на стоянку вернулся довольный, уставший Борис Валентинович. Он присел на пенёк, скинул кроссовки, вытянул уставшие ноги, с удовольствием потянулся, мечтательная улыбка надолго поселилась на его лице.

— Как успехи? — спросил Кузьмич.

— Удачный день! Нашёл Мнемозину — редчайший экземпляр бабочки. Вот, глянь-ка! Какова красотка?.. К сумеркам зажгу фонарики, расставлю ловушки на ночных пяденицы...

Вскоре появился Валерий Семёнович, снял с плеч видавший виды рюкзачок, бережно поставил аппаратуру в коробку, обвёл взглядом коллег, повёл длинным носом в сторону костра. Пристально посмотрел на кашевара.

Вслед за Валерием, не прошло и пяти минут, вернулись сотню раз помянутые фанаты орхидей. Экспедиция наконец-таки в полном составе расположилась у костра. Темнело. Роса на траве и деревьях замерцала новогодними огоньками. Фонарики-ловушки, пляшущие

языки костра, тёмные разлапистые ели — лес стал таинственным, сказочно-мистическим. Странные тени мелькали за спинами сидящих у костра.

Каша удалась на славу! Наваристая, ароматная. Как ни просили Кузьмича, он не выдал тайну добавленных трав-приправ. Уплетали за обе щеки, только «писк за ушами стоял».

Вдруг затрещали сухие сучья, послышались приближающиеся шаги. Все навострили уши. Медведь? Михаил потянулся за карабином, Гена вытащил из-за голенища охотничий нож... На яркий свет костра вышел высокий незнакомец, брюнет в ярко-оранжевой кепке с длинным козырьком.

— Привет честной компании. Можно к вам?

— А ты кто таков будешь?

— Я Николай, корреспондент местной газеты. Услышал от лесника про вас. Кое-как догнал.

Александр пригляделся, узнал вновь подошедшего, тот мелькал среди журналистов на каком-то городском празднике. Фотограф пододвинулся, освобождая коллеге место на поваленном бревне:

— Садись, дорогой, гостем будешь. А сигареткой угостишь, так и в хозяева запишешься!

Василий снял с огня кипящий котелок, заварил чай с душицей. Подкормил полешками огонь, принялся разливать ароматный лесной чай по кружкам. Беседа у огня, да под чаёк (чекушка, кстати, тоже лишней не была), славно ладится. Пошли анекдоты, истории, разговоры. В том числе, о реликтовом лиственничном лесе на хребте Лукаш, о болотах времён Великого оледенения на плато хребта Нургуш.

Валерий Семёнович вдруг вспомнил загадочные звуки:

— Мужики, я сегодня слыхал на хребте совершенно дикие вопли. Не человечьи, не птичьи. Какой-то непонятный зверь!

— Мы тоже слышали эту какофонию, — поднял брови Пашка.

— И я. Это точно не лось, не медведь, да, собственно, никто из моих «подопечных» так не голосит, — Михаил подбросил хворосту в костёр.

— И я слыхал. Может быть, это правда, что здесь Йети водится? — поддакнул Гена.

Над поляной повисло молчание. Ночные голоса леса прерывались чмоканьем от задумчивого прихлёбывания горячего чая. Гость-корреспондент поспешно достал из широкого кармана кожаной куртки блокнот, карандаш, что-то торопливо застрочил...

Экспедиция вернулась на базу. Жизнь и работа пошли своим чередом.

Как было Николаю после встречи с очевидцами не опубликовать в газете столь необычную историю (кое-где разбавляя её своими домыслами и теориями, кое-где вспоминая подобные случаи)? Конечно, статья Николая в местной газете об уральском «снежном человеке» стала сенсацией, всколыхнула читателей! Она даже была перепечатана в областной газете, а затем и в центральной! Кто-то под её впечатлением отправился в поисковые экспедиции за Йети на хребты Лукаш, Нургуш и Зюраткуль. Но, увы и ах, напрасно! Ни «снежного человека», ни каких-либо его следов не нашли, как тщательно ни искали. Возобновились разговоры-гипотезы про связь Йети с инопланетянами, про таинственные параллельные миры...

...Василий в тот памятный вечер помалкивал, задумчиво разглядывая Млечный Путь. Не единожды у костра и потом, через годы, он вспоминал июньский чудесный день. Вспоминал, как учёные разбрелись искать, наблюдать, описывать, а он остался кашеварить и сторожить лагерь. Тишину нарушали лишь пересвисты птах. Прелестно! Мечта начинающего трубача-любителя. Здесь ни соседи, ни тёща — никто не возразит, не раскритикует, не помешает научиться шикарно играть на новенькой трубе! Василий достал из багажа блестящий на ярком солнце инструмент, расправил плечи, приложил мундштук к губам. Ох уж эти новички! Труба кашлянула, страшно буркнула, внезапно басовито захрипела, распугивая птиц и зверушек. Странный звук понёсся по тайге, отскакивая дробным эхом от отрогов горных хребтов, многократно отражаясь и усиливаясь гладью озера. Ничего, ничего, терпенье и труд всё перетрут. Всё получится! Кузьмич очень старался. Иногда даже получалось что-то, отдалённо похожее на мелодию. Потрубив в своё удовольствие, он спрятал инструмент. Эхо облегчённо вздохнуло — не каждый день случается концерт начинающего трубача, идеально похожий на мифический голос Йети!

г. Челябинск

Елена Дуденкова

Иванова жизнь

Иван женился. Женился через год тяжёлого и мутного вдовства. Ему наконец повезло. Судьба улыбнулась вдруг тепло и ласково. Об этой женщине он мечтал всю свою сознательную жизнь, ещё со школьной скамьи. Мечтал как о жар-птице, как о несбыточной сказке. А сказка эта любила другого, вышла замуж, Ивана не спросив, и уехала с мужем из родного села куда-то далеко, на его родину. Уехать-то уехала, а в снах Ивана появлялась и всегда такая радостная, смеющаяся. Иван просыпался утром необычно молчаливым и весь день ходил под впечатлением сна.

Он и дочь свою первую Алкой назвал. Жена не возражала, только вздохнула глубоко и печально: женщины всегда чувствуют, есть ли что у мужа за спиной. Жена была в меру славная, добрая, в меру хозяйственная и ворчливая в меру. Спокойно, без напряга прожил Иван с Лидой двадцать лет. Думал, век с ней доживёт — так нет: ушла в одночасье, умерла от серьёзного приступа, а вроде особо и не хворала. Ну, в деревне с этим обычно мало считаются: паши, пока ноги носят.

Старшая Алка уже замужем была и внука показать успела, а младшая в городе в техникуме училась, вот и гореванил Иван один. Хозяйство без хозяйки хирело, дома стало серо и тоскливо. Иван к бутылочке чаще припадать стал — вроде выпьет и горе, в полгоря и сон лучше.

Вот в один из таких снов и явилась опять ненаглядная Алка. Хохочет, на щеках ямочки, рыжие кудряшки ветер треплет и спрашивает она будто бы:

— А что, Иван, меня не сватаешь! Вроде влюбился. Смотри, опять проворонишь.

Иван аж проснулся от удивления. Что это за наваждение такое? Пошёл к соседке, бабе Клуне, спросить, как сон-то его понять? Она очки со лба сняла и сурово ему так говорит:

— Меня накой спрашиваешь? Её и спроси, она вон у сестёр гостит.

Иван вспотел даже от неудобства. «Извини, говорит, баба Клуня, за неудобство». А сам бегом к магазину, там сестра Алкина работает, может, что и разузнать получится. А в магазине у прилавка Алла стоит задумчивая, постаревшая, волосы уже не рыжие, ямочек на щеках не видать, а вот глаза васильковые, ясные. Иван к ней, сам потом удивлялся, откуда это у него взялось, а Аллу разговорил так, что та вечером его к сестре пригласила для дальнейшего разговора.

Иван баню истопил, в доме порядок навёл, новый свитер, дочери подарок, надел, одеколоном сбрызнулся, сала копчёного шмат, туес мёду, тушёнки домашней банку трехлитровую да медовухи канистру прихватил — и в гости этаким то фертом понёсся. Ну, как он — так и его приветили. Хорошо посидели, попели, повспоминали, похохотали, вроде и не было меж ними двух десятков лет прожитых лет. Договорились, что перед Рождеством вечер небольшой сделают.

Алла смеётся:

— Что же ты раньше думал? Почему не подошёл ко мне, ведь самой неудобно себя предлагать. А ты гордый, пройдёшь и не посмотришь — значит, не моё. Я за другого замуж и пошла.

Пошла-то пошла, да что-то не зажилась замужем, хоть мужа бывшего не винит. Вот только детей у них не было, а только с другой у него дочь подрастает.

Так Иван и осчастливился: живёт с любимой женой, души в ней не чает. Дом весь сияет, как перед праздником, Алла волчком крутится, всё успевает. А тут — на тебе, срочно в техникум вызывают. За своими делами сердечными Иван о Танюшке позабыл, а там, видно, что-то неладно.

Уехал утром, вечером вернулся чернее тучи. Алла с вопросами: что да почему? А он чуть не плачет:

— Танька родила, в роддоме лежит, парень от неё отказался. А — сама? Сама ещё ребёнок! Зачем ей эта обуза — учиться надо, а тут руки ноги связаны. Велел ей приплод оставить в больнице, а та ревёт, не соглашается.

Алла так и ахнула:

— С ума ты спятил, чучело огородное, от внучки отказываешься. Лида-то что бы тебе сказала, встань она из могилы хоть на минутку? Что у тебя поить, кормить девочку нечем? Нет! Давай-ка собирайся: поедем внучку забирать, у меня ещё руки не отсохли, вынянчу. Танюшке и так горько, а ты вон чего насоветовал! Нет, чтоб поддержать...

И поехали на другой день. Машину наняли, в магазин заехали, все детские причиндалы купили, цветы и шампанское прихватили — и в роддом. Был тяжёлый разговор с

главврачом: они уже документы подготовили. Наконец-то Танюшку и кружевной свёрток им отдали.

До дому доехали — полный дом родни, все охают, Ивана поздравляют, стол накрывают. Одеяльце развернули, а там — крохотная девчушка, кулачок сосёт. У Ивана неожиданно слёзы к горлу подступили:

— Маленькая ты моя. Да я тебя никому не отдам! Все силы приложу, а на ноги подниму.

— Правильно, правильно, — по спине его Алла гладит, — вместе поднимем. А ты, Танюшка, учись. Всё в жизни бывает, но только предавать никого не надо, особенно близких.

И уже за столом, после первых тостов, Танюшка обняла Аллу и, заплакав, сказала:

— Мне так плохо было: мамы нет, папа никого видеть не хочет... Я думала, что теперь никому не нужна, а тут ещё ребёнок... Спасибо вам, тётя Алла. Я ещё вчера не знала, где сегодня ночевать придётся. А девочке вы имя дайте, я с любым соглашусь.

— Давай! Давай!— зашумели гости. — Называй внучку, чтобы мы знали, за кого следующий тост поднять!

— Ну, тогда за Зою, — сказала Алла. — Маму так мою звали, хороший она человек была. У меня детей не было и не будет, и поэтому я хочу, чтоб её звали Зоя, и чтоб всё доброе, что было в моей маме, перешло к ней.

— За Зою! За Зою! — шумели гости.

А маленькая девочка, только что получившая имя, спала на руках у деда. Рядом сидели юная мать, богом данная бабушка, и много родных и добрых людей. Значит, её детство защищено и будущее обещает быть светлым.

В эту ночь Иван спал особенно крепко, а во сне увидел Аллу: молодую, с рыжими кудряшками, и ямочками на щеках — она танцевала, прижав к груди его внучку.

— Иван! Иван! — напевала она. — Смотри, какая славная у нас дочь! Иван проснулся; лежал, вспоминая снова и снова свой сон.

— Ну, что ж: дочка ли, внучка ли — всё одно радостно на душе. Вроде и годы в запасе есть — вырастим.

Алла за стеной запела колыбельную, качая зыбку с ребёнком. Танюшка, проснувшись, спросила, не пора ли кормить дочь. Иван заулыбался: вот оно какое счастье — это колыбельная песня жены, скрип зыбки в ночи, надёжный уют дома и ещё осознание того, что ты никого не обидел, не предал и не стыдно тебе за свои поступки ни перед кем. Людям в глаза можно смотреть открыто и честно.

Особый колорит

Умирают деревни, стираются с лица земли. Старики — на погост. Молодые — по городам разбредаются. А ведь столько теряется. В деревнях все друг друга, если не до седьмого, так до четвёртого колена знают. Девку замуж хорошие родители в захудалый род не отдадут. И ещё одна особенность: по фамилии редко кого зовут, больше по прозвищам. И до того эти прозвища прилипают — из поколения в поколение передаются!

Приехала как-то погостевать наша деревенская тетёха, у них там всё запросто. Есть в городе знакомые, знать, и заночевать будет у кого. Встретились мы у рынка. Сидит Савишна на железном парапете: один беляш жуёт, а второй в руке держит. Беляш уже и на куртку прослезился, которая и так замурзана. Окликнула нас, поздоровались.

— Вот, — говорит Савишна, — лешак в гости приволок: с мужиком погавкались, я и уехала: пусть один со скотиной управляется. Да вот кольцо ещё одно себе прикупила, хоть какая-то радость.

А колец-то у неё — ну, нет свободного пальца... Хотела я ей брякнуть, что, мол, неплохо бы гардеробчик обновить, а то ведь — солоха солохой. Да муж, догадавшись, под бок локтём ширнул.

— А айда-ко, Савишна, к нам гостить, — муж мой любезность оказывает. А я молчу: эка радость на весь вечер. Муж второй раз повторил приглашение. Тут и мне неудобно стало:

— А и вправду — идём-ко к нам в гости, — говорю.

Соскочила Савиха, побежала гостинцев прикупить, ну, и бутылочку белой не поленилась прихватить.

И вот сидим мы на кухне за столом, я закуску быстрёхонько накидала. Гостья уже хоромы наши обследовала, языком поцокала:

— Хорошо-то у вас как. Ну её к лешману эту скотину: полтора миллиона лежит у меня в загашнике. Коров, лошадей продам, овец, птицу на мясо и в городе квартиру или дом,

как у вас, купим. Вот только решить надо, в каком: у вас в Троицке, то ль в Карталах, ну, а может, в Варну переедем, там не хуже, чем в городе...

— Смотри, — вступает мой муж в разговор, — в городе на две пенсии жить будете: столько денег, как в деревне на скотине — не заработаете. Да и мяса уж столь не будет. Всё с купли. Пока силы есть, живите в деревне, в город всегда успеете.

— И то верно, — Савиха согласилась.

Савиха рассказывает, чуть захмелев:

— Синьор с Синьориной вчера отношения выясняли, он ей в глаз заехал. А что? Её барбоскины, босота скаженная, сено сожгли?

Вступаю в разговор я:

— Синьор-то ведь эту Синьорину с одним пацаном вроде взял?

— Ага, — хохочет гостья. — А та к матери съездила, ещё троих угланов приволокла.

— Так ведь выгонит её Синьор! — ахаю я.

— Не выгонит; она у него в доме такой марафет навела, какого отродясь и не было. Да и варит она хорошо, мы уже пробовали — будут жить. Синьор-то теперь по-цыгански своих барбоскиных воспитывает: сначала, отлупаздит, а потом на улицу гулять, — заливается смехом Савишна. — А Дьяку у нас полгода было, — продолжает гостья, —Дьячиха-то с похорон пила, до того, что поросята коров сосали А чё, молоко-то дойки рвёт, а поросятам есть нечего... Как вымя не порвали? Дочери со всеми своими гуманоидами наехали отца поминать, весело у них, гуляют, хорошо поминают. Дьяк-то, поди, в гробу, как на сковороде, вертелся... Пека вот тоже с перепоя помер, всё богатство копил, мать выжил. Та к дочери в Заречное уехала, а теперь вернулась. Такой дом, скота полон двор, да и без Пеки тихо ей будет.

А мы, мы как дома побывали: смешно, интересно, бесхитростно, повеселила нас гостья от души. Поди, всю ночь Барбоскины, гуманоиды и поросята, на коровьих дойках висящие, снится будут! Живёщь в городе, что у соседей творится — не знаешь, на улице мало с кем знакомы, а здесь — такое богатство, такой колорит.

Гостья уехала. Ну, теперь вся деревня будет знать, как встречали её, как принимали...

г. Троицк

Валерий Богушев

Был день

Погода снова установилась. В тайге тёплый южный ветер осыпает с лиственниц на каменистую землю мягкие золотистые иглы. Солнце пригревает почти по-весеннему, хотя уже близится середина сентября. В эту пору обычно начинаются морозы и выпадает снег.

В конце августа по всем признакам было ещё лето, но за неделю лиственницы пожелтели, приобретя золотистый оттенок, и все удивительные краски подлеска, состоящего из островков бледно-зелёного, красного, белого мха, фиолетового, зелёного и ярко-красного багульника, рубиново светящихся на солнце кустиков голубики, ярко-зелёной черники и встречающихся кое-где дикой смородины, малины и шиповника вместе с выступающими повсюду из земли коричневатыми камнями и глыбами, причудливо расписанными серым лишайником, постепенно поблекли и перестали так радовать глаз.

Потом задул сивер, обдавая посёлок прохладным дыханием Северного ледовитого океана, и принёс колючий моросящий дождик. Ещё через два дня, когда я собирал закоченевшими пальцами голубику в мокрой и неприветливой тайге, ветер неожиданно замер, стало очень тихо, и на чутко стоящую с непокрытой головой тайгу посыпался первый снег. И легко можно было поверить, что пришла настоящая зима.

Но это первое, всё в прорехах, снежное покрывало не пролежало и трёх дней, как подул тёплый ветер с юга, и вернулась золотая осень.

Во всяком случае, самый безрассудный приезд в этот суровый край мог окупиться удивлением от столь необычных и изменчивых явлений природы. Некоторое время назад как реакция на однообразие и скуку будней и недовольство заурядной участью появилось желание перемен. Почти все знакомые и незнакомые в НИИ завидовали мне, когда я собирался в небольшой посёлок у Полярного круга: кто ожидающему испытанию неведомого, кто предстоящему повышению заработков. И все осуществилось само собой, без какого-либо вмешательства.

Работа у меня начинается без пятнадцати девять. Я прихожу в маленький домик, где размещаются производственно-технический отдел и отдел главного механика геологоразведочной экспедиции. Здороваюсь, сажусь за стол, раскладываю бумаги, что-нибудь пишу и подсчитываю — чаще всего отчёты и сводки о расходе электроэнергии и горючего, а в свободное время — количество дней до отпуска и заработанные деньги. Все, включая троих начальников и троих подчиненных разного ранга, тоже что-то пишут с озабоченным видом.

— Мозг экспедиции! — хвалит нас забежавший по делам начальник участка Николай Хабибулович, оглядывая всех и доставая сигарету.

— Раньше здесь размещался склад тёплых вещей, — охотно отозвался, отрываясь от чтения, Илья Волков, числившийся старшим инженером по бригадному подряду и заместителем главного инженера по технике безопасности. — Потом сделали бичарню. Теперь ПТО и ОГМ, а скоро будет министерство геологии.

Все смеются и отрываются от дел.

— Ну, ладно, дай сигаретку, — подходит к Хабибулычу Гаязов, главный энергетик. — Перекурить надо.

— Я вам покурю! — говорит из своего угла главный механик Ринат Анатольевич. — Приказ читали?

—Там написано, что курить не разрешается в помещении ПТО, а про ОГМ ничего не сказано — значит, у вас можно, — доказывает старший инженер по бурению Лобов и в самом деле переходит на нашу, огээмовскую, половину, закуривая и пуская клубы голубоватого дыма.

Я, главный механик и инженер по новой технике Бобров Саша из Армавира начинаем возмущаться, но курильщики легко переводят всё в шутку. По части юмора у них дела обстоят лучше нашего. Наверное, курение развивает чувство юмора. Задыхаемся от дыма, зато настроение улучшилось.

Раздаётся телефонный звонок. Бобров поднимает трубку, слушает.

— Гаязова к Сибирко, на ковёр, — объявляет весело.

Лобов подходит к Гаязову и, неожиданно нагнувшись, дотрагивается до его коленей.

— Дрожат!

— И-интересно, чего ему н-надо? — заикаясь больше обычного, говорит главный энергетик и выходит.

Исчезают куда-то Ринат Анатольевич и Николай Хабибулович. Зато появляется Дегтярюк, начальник отдела снабжения, страстный курильщик.

— Меня женщины из своего отдела выгоняют, так я к вам покурить пришёл, — чистосердечно признался он. — Лобов, у тебя сигареты есть? Через две недели из Ленска привезут, отдам.

— Для хорошего человека ничего не жалко, — доставая из ящика стола пачку «Ростова», отвечает Лобов. — Ну садись, рассказывай.

— Чего рассказывать?

— Как до такой жизни докатился?

— А-а... Ты видел, какой Шульц канал сделал?

Мне в окно хорошо было видно, как создавался этот «канал». Целый день арендованный у строителей импортный бульдозер «Катарпилар» сновал по двору под руководством главного инженера ремонтно-строительного управления Шульца, перемещая горы грунта.

— Так это канал? А я думал, начали новую трубку разрабатывать, — засмеялся Волков.

— Что же это за канал? — сердито проворчал Лобов. — Вся вода в нём скопилась, машины через двор проехать не могут.

— Сибирко ко мне вчера вечером заходит, говорит: «Дегтярюк, поедешь в командировку в Мирный, закупи гусей — в этот пруд запустим, подсобное хозяйство будет».

Смеёмся. Дегтярюк закуривает сигарету из одолженной пачки и уходит.

Полчаса все сосредоточенно работают. Никто не мешает. Вдруг распахивается дверь, входит молодцеватый старик небольшого роста в видавшей виды фуражке и кирзовых сапогах. По лицу видно, в молодости был хулиганом.

— Кто здесь занимается рационализацией? — спрашивает он, без приглашения садясь на стул возле двери и оглядывая нас так, будто большой начальник.

— Я, — ответил Бобров неуверенно.

— Значит, вы здесь сидите, — сказал старик в фуражке удовлетворенно. — Однако в цехе я вас ни разу не видел.

— Я был вчера там в моторном у Завьялова.

— Да? — с сомнением промолвил гость. — А я вас не видел.

— Вы хотите подать рацпредложение?

— Ну, подавать пока рано. Надо сделать, а потом писать все эти филькины грамоты. Я хотел бы узнать, у вас есть стотонный пресс или домкрат? На худой конец, сорокатонный?

— Александр Васильевич, — обратился молодой инженер к Лобову, — есть у нас такое оборудование?

— Нет. Мы заказали сорокатонный домкрат, но не для цеха.

— Надо бы поспрашивать в других организациях. Бывает, что выбрасывают оборудование лишь из-за того, что где-то сальник пробило. Да я бы сам всё восстановил. Такой пресс нам вот так нужен! При нашем нагреве до девятисот градусов ковку штанг только таким давлением и можно производить. Тогда и ломаться не будут, и производительность увеличится. Шутка сказать, обыкновенную звёздочку от трактора я целые сутки делал. А тут у вас никому нет дела, какой-то мёртвый угол образовался. Все думают только, как бы больше денег получить, а до производства руки не доходят.

Он кончил, и мы молча обдумали последнюю фразу, смакуя её очистительную правду.

— Спасибо, мы рассмотрим ваше предложение и сообщим вам, — как можно мягче ответил Бобров.

— Да, подумайте. Я токарь-фрезеровщик, фамилия моя Кружилин, — отрекомендовался он и вышел.

Все посмотрели на закрывшуюся дверь и снова уткнулись в бумаги с просветлёнными лицами.

Пришёл Внуков, начальник закрывшейся шахты, бывший начальник рудника, не выполнивший плана. В экспедиции отвечал за самые разные вопросы от курсов помбуров до подписки на газеты и журналы.

— Ты у нас занимаешься бригадным подрядом? — спросил он у Волкова.

— Нет, я теперь тэбэшник, а не инженер по бригадному подряду, — с хрипотцой ответил Волков.

— А кто занимается подрядом?

— Все подряд.

Внуков ушел, появился Гаязов.

— Ну, что вас Сибирко вызывал? — спросил Бобров.

— Да всё н-насчёт трансформаторной подстанции. Сейчас д-должна Топтыгина с Удачного п-подъехать акт подписывать.

Топтыгина — инспектор энергонадзора.

Вернулся главмех. Обращается ко мне.

— Я говорил с Сибирко, он договорился с магазином. Тебе надо будет подойти к заведующей и взять двадцать банок консервов лососи. Вот деньги. Потом найдёшь коробку и отошлёшь в Братск вот по этому адресу. Иначе нам электрокотлы до второго пришествия не сделают.

За время работы в экспедиции я только этим не занимался и с радостью взялся за новое дело.

Волков посоветовал:

— Надо дать РД[1] на завод: «Лососи в собственном соку нет, можем выслать кильку в томатном соусе»...

До обеда отправлял посылку.

Вернулся на рабочее место — никого. Пришла уборщица с ведром и шваброй в руках. Поставив все стулья на столы, вышел на улицу. Солнце буквально ослепило. Постоял немного, чтобы осмотреться.

Вокруг было необычайно безлюдно, только неподалеку, в тени двухэтажного здания стоял на крыле «Урала» электрик Юра Козлов и что-то делал, склонившись над открытым капотом. Около него остановился проходивший мимо начальник экспедиции, из той породы людей, которых уважают и побаиваются за один только внушительный внешний вид.

— Что, Юра, ковыряешься? — спросил он с отеческой лаской.

— Да вот подсоединяю к генератору неродное реле регулировки. Приходится, Александр Григорьевич, быть на все руки мастером.

— Это такая работа, что не от рук, а к рукам прилипает.

— Нет, скорее, к голове.

— Вот! И я хотел сказать то же самое. Через руки — к голове.

Начальство обычно не часто беседует с подчинёнными, живет недоступными для народа интересами и занято какими-то особенными делами. Все к этой высокомерной отстраненности привыкли и воспринимают как должное. О «папе», как называют за глаза начальника

[1] РД — радиограмма.

экспедиции, даже последние «бичи» говорят уважительно, несмотря на его крутой нрав. Для этого достаточно нескольких невзначай оброненных фраз или грубоватой шутки.

Посмотрел на часы — время обеда, и направился в столовую. Весь посёлок, в котором кроме геологов жили ещё алмазодобытчики и строители, можно пройти за пятнадцать минут вдоль и поперёк, а до бревенчатого здания столовой вообще рукой подать.

В просторном обеденном зале стоял приглушенный гомон, стук ложек и вилок о тарелки. Чистота и порядок идеальные, характерные для всего северного общепита. Большое разнообразие закусок из свежих овощей (своя теплица в поселке), блюда приготовлены почти по-домашнему. Чтобы утолить жажду, на третье взял два стакана охлажденного порошкового молока.

Остаток перерыва провел в электромастерской, где среди стеллажей с разобранными электродвигателями, проводами, реле и прочими запчастями любили сидеть на скамейке забегавшие поболтать бурильщики и водители. В воздухе всегда приятно пахло сгоревшей изоляцией. Виктор Васильевич Кораблинов, худощавый мужчина среднего роста, сорока двух лет, бригадир, разбирал очередной электрочайник, которые приносили ремонтировать почти ежедневно. Этих чайников за одиннадцать лет работы на Севере прошло через его руки великое множество. Я ни разу не видел, чтобы он брал за ремонт деньги или спиртное.

И этого бескорыстного доброго человека с твердым взглядом голубых глаз и острым языком еще пару лет назад вся экспедиция знала как горького пьяницу. Жена с двумя детишками находила его порой где-нибудь под забором и уводила домой, пряча глаза от людей. Почему он столько лет пил и как сумел без всякого лечения, лишь по слову, данному себе, стать абсолютным трезвенником — загадка. Сам он охотно и с осуждением рассказывал о своем забулдыжном прошлом. Золотые руки и ум, обогащенный житейским опытом, притягивали окружающих.

Толик Толубаев и Юра Козлов пили из эмалированных кружек обжигающий чай. Предложили и мне, но после молока не хотелось. Электрики вели беседу на излюбленную тему: в экспедиции слишком много дармоедов, которые ничего не производят, а деньги получают. И если бы так только тут, а то ведь, по закону подобия, по всей в стране.

— А я, по-вашему, тоже дармоед? — решил выяснить общественное мнение рабочего класса.

— Ты — нет, — ответил Толик, — когда не сидишь в конторе, а с нами работаешь.

— Какая разница? — возразил Кораблинов. — Его разве в электричестве копаться в институте учили? Государство на образование деньги затратило, а где отдача?

— И деньги, между прочим, народные! — уточнил Юра, размачивая сухарь в чае.

Чем я мог перед ними оправдаться? Они были не просто товарищами по работе, но и полномочными представителями народа, чьи деньги ушли на мое обучение.

— Я же не виноват, что тут нет работы в точном соответствии с моей специальностью.

— Так поезжай туда, где есть, — безжалостно отрубил Виктор Васильевич.

— Если бы все было так просто.

— Чего же проще: делай то, чему тебя учили.

— Даже если за работу мало платят?

—А, думаешь, я всегда зарабатывал как сейчас? Даже на Севере с двойным коэффициентом и пайковыми поначалу получал меньше, чем на последней работе в Новосибирске.

— Ну ладно, со мной понятно, — не сдавался я. — А как же вы ремонтируете чайники в рабочее время?

— Это другой случай. Такая у нас работа: то сидим без дела, а то зимой в пятидесятиградусный мороз сутками по столбам лазим, обрывы устраняем.

Посмотрел на часы — пора на рабочее место...

Во второй половине дня в домик ПТО и ОГМ зашёл начальник связи Свинцов, самый горемычный человек в экспедиции. Он круглый год сам лазил по крышам и столбам, проводя телефонную связь, ставил антенны, менял и ремонтировал телефонные аппараты, налаживал связь с буровыми, — словом, работал больше всех, зато и больше всех получал ежедневных разгромов у начальства.

— Утром на одиннадцатую буровую ездил, — сообщил он, проверяя работу телефона на столе у Боброва, — Буровики там собаку научили. Скажут: «Как Сибирко ругается?» Она: «Гав-гав!» «А Наталья Бабочкина?» — «Гав-гав-гав-гав!»

Бабочкина работала диспетчером.

После Свинцова зашел Блинов, буровой мастер.

— Я вентилятор списываю, — сказал он Лобову. — Все нормальные вентиляторы стоят сто девяносто два рубля, а этот — четыреста, точно такой же, только другого года выпуска.

— А ты не заметил, там кончики лопастей позолочены? — пошутил Лобов.

— Пойдём в кабинет по технике безопасности сходим, — предложил мне Волков.

Я охотно согласился.

В том же кабинете располагался председатель разведкома Крашников. Но сейчас его место пустовало. Я покопался в профсоюзной библиотечке, нашел среди множества политических брошюр «Мёртвые души» и стал читать, пока Волков писал свои бумаги. Через полчаса он закончил и обратился ко мне:

— Бубнов рассылает из Якутска инструкции по технике безопасности, не глядя. Прислал на днях РД: «Сообщите, как провели изучение инструкции о предупреждении снежных лавин в горных районах». Я ему ответ дал: «Инструкция изучена. Присылайте лавины». Откуда у нас горы?!

В комнату вошла Вера, молодая и обаятельная художница, специализирующаяся по плакатам и объявлениям. У нее простое, типично русское лицо. Я с удовольствием поболтал с Верой о том о сём, наблюдая за таинством рождения объявления о профсоюзном собрании. Текст, написанный синей и алой гуашью, влажно блестел на белом ватмане.

Когда буквы высохли, Вера бережно свернула своё произведение в трубочку и понесла в контору.

Волков подошел к столу председателя разведкома.

— Посмотри, какое лежит заявление.

Заявление было от бухгалтера. Она жаловалась на проживающего над ней начальника отдела труда и зарплаты, который по ночам организует пьянки и рубит мясо в три часа утра. Внизу Крашников написал наискось: «Проведена беседа».

Когда обо всем переговорили и выдохлись, я спросил:

— Вера замужем?

— Была. Ребёнок у неё трёх лет.

— А чего с мужем разошлась?

— Ну, он тоже художник... Тициан! Я-то его не знаю, картину видел на выставке, рядом с Врубелем висит. А она так... плакаты рисует.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я не знаю, предполагаю.

«Что такое не везет и как с этим бороться?»

Похоже, на Север едут не только за туманом или «длинным рублем», но и зализывать житейские раны...

После работы, поужинав в столовой, прошёл по дороге до конца посёлка и свернул на тропинку, круто спускающуюся среди каменных глыб и обступивших с обеих сторон ярко-жёлтых лиственниц к реке.

Одиночество, дикая природа и тишина действовали умиротворяюще. Забывалась суета дня. Душа становилась восприимчивой к радостям бытия. Появилось ощущение безграничных сил и вера в осуществимость самых дерзких планов — возвращения любви, покорения столицы, «тихой славы» в доме у моря.

Вот и река. Прозрачнейшая вода шумит на перекате. Развожу костёр на берегу, сажусь рядом. За дальней сопкой наполовину уже скрылось красное солнце, огонь, пожирающий ветки, становится всё ярче. Весело трещит костёр. Река стремительно несёт студёные воды к Ледовитому океану.

г. Воронеж

Александр Златкин

Старый Лейба

Папа слишком молодой, он ушёл очень рано и мне трудно разобраться, глядя на его фото, насколько он понимает меня. А прадед, мудрый Лейба, понимает всё, как и я понимаю его. Он рассказывал мне, как нужно читать Книгу, поясняет мне притчи Соломона, Экклизиаста и рассказывает, как нужно читать пророков. Он говорит об Изгнании, о предопределении, о нашем назначении в жизни. Он верил, что во всём есть смысл. Во всём. Даже там, где его трудно найти, он есть, должен быть.

И я согласен с ним в том, что всё не случайно в нашей жизни. После разговоров с ним спокойнее и увереннее смотришь не только в будущее, но и в прошлое. Я не рассказывал ему, как он умрёт. Думаю, что человеку, проникшему в тайны бытия, не так уж и важно, когда уходить. Важно как. Вот Сократ спокойно перешёл в другой мир, раз так всё произошло. Был готов к этому и Лейба. Ему тоже предстояло пройти этот тягостный и страшный

путь, но он был готов, раз уж так все вокруг сложилось. Он ещё не знает того, что знаю я об этом пути, но он готов ко всему. А когда приходят сомнения и неуверенность, он берёт Книгу и черпает из неё свои силы, смотрит в небо, выглядывая в нем что-то, нужное ему, и говорит с кем-то там.

Я смотрю на очень старую и ветхую фотографию. Я не ждал, что когда-нибудь увижу лицо этого человека. Я никогда не встречал его прежде ни в каких фотоальбомах, не знал о его судьбе, судьбе человека, убитого на краю расстрельной ямы на окраине местечка на Брянщине вместе с несколькими сотнями соседей по улице, не успевшими уехать на восток. Мне прислали его фото по электронной почте и, увидев его лицо на мониторе, я радостно засмеялся, таким родным и давно знакомым он мне сразу показался. Что-то неуловимо фамильное было в его лице. Нос похож и не похож, глаза в окружении морщин смотрели не то с улыбкой, не то, стесняясь своих морщин, говоря, вот такой я был, уж не обессудьте. Улыбка во всем его облике, рубашка в клеточку под пиджачком. Одна пуговичка расстегнулась, и никто не подсказал во время фотографирования об этом Лейбе. Сам недоглядел, а жены, моей прабабушки, уже не было тогда в этом мире. Седые пряди вьются из-под чёрной кипы, легкая бородка на груди. А самое главное — прищур и взгляд. Взгляд настолько близкого и родного человека, что сразу я стал с ним разговаривать. И произошло чудо, он мне ответил. И разговорился, видно, намолчался за все эти годы-десятилетия.

Вот такой был Лейба: сапожник и философ, как почти все сапожники на белом свете. Хитрован с прищуром и полуулыбкой стесняющегося своей ветхости старика. Высокий, худой, с седой бородой и пушистыми пейсами из-под тёмной кипы, сутуловат, как и положено сапожнику. Лейба, жизнелюб и женолюб, глаза из-под тяжёлых век смотрят вроде на тебя и в тоже время как будто в себя, рассказчик притч, сказок, анекдотов и толкователь КНИГИ, как все сапожники. Ведь о чём еще размышлять, пока делаешь свою работу, как не о смысле бытия? Если вообще есть смысл на земле.

Я обниму Лейбу, прижму его голову к себе. Я хочу долго говорить с ним и узнать то, что он знает, понять то, что он понимает о добре и зле, о любви и ненависти, о верности и вероломстве. О своих корнях ещё со времени праотцов, о женщинах, которых он любил, о его сыне, моём деде и его пути. О том, как он пережил уход из жизни сына, как пережил уход на войну внука. На него накатывает Время свои волны, сбивают его и он рассказывает о материнской любви, о заботах своей бабушки, когда он бегал босоногим мальчиком по теплой пыльной дорожке у дома. О том, как забилось его сердце при виде чернокосой девушки с длинными глазами в окружении пушистых ресниц. Пусть он негромким чуть надтреснутым голосом рассказывает и поясняет мне Книгу, мечту о Городе, в который когда-нибудь обязательно нужно вернуться. Хотя, кто знает, есть ли действительно такой Город, не сказка ли это наивных мечтателей? Но Лейба верит в мечту, как ребёнок и всё думает, что можно понять Тайну. Вот, например женщины, странные и удивительные создания, умеющие дарить жизнь. Как меняется походка, осанка, даже взгляд приобретает какую-то особенную загадку, когда женщина ждёт ребенка, как они красивы тогда, эти женщины, как они красивы всегда! Господь сотворил их, как меру Красоты в нашем мире.

— Лейба, Лейба, ну как можешь ты, находясь на пороге, говорить и думать о таких вещах?

— А о чём ещё думать на пороге, как не о лучших творениях Бога? И успеть ещё раз сказать: спасибо Тебе, Господи!

— Спасибо и тебе, Лейба! Мне в моём тоже более чем серьёзном возрасте важно понять чувства перехода, чувства «на пороге», когда настанет мой час Решения. Как это было, Лейба? О чём ты думал в это время, что происходило в твоей душе, когда всё началось?

Лейба так долго живёт на белом свете, что уже не очень понятно, зачем вся эта сутолока и беготня вокруг, зачем нужно куда-то уезжать, убегать. Пусть всё будет, как будет. С ним. А Таня, невестка, конечно должна была с детьми уходить, уезжать. Тем более, что старший внук, ничего никому не сказав, взял и убежал на фронт. Не сиделось ему! А ведь ещё и семнадцати не исполнилось. Вся улица удивилась, когда Пашка-сосед сказал об этом. Сын тоже когда-то уходил на войну, ещё ту, при царе и, хоть и вернулся, но после плена болеть стал, кашлять. Ещё бы, бежал из плена от тех ещё немцев, зимой реку переплывал, вот и носил в себе эту простуду с тех пор. Она и свела его в могилу раньше времени, раньше, чем надо бы. Прости, Господи! Оставил четверых детей сиротами, тут невестке и досталось! Да и мне тоже... Жена вообще этого не перенесла, а Лейба еще крепкий, поможет детей на ноги поставить! Старший вон какой вырос, высокий, ловкий, девушки оглядываются, в Лейбу. Взял и убежал на войну на третий день, что теперь с ним, кто знает... Никому не сказал дома, не попрощался, а я ждал, чувствовал это и ждал. После него пол-улицы ушли в военкомат записываться. Где они все сейчас?

Младших вот нужно было увозить отсюда обязательно. Все так говорят. Те, кто помоложе и покрепче, все уезжают. Бросают дома, огороды, кур и кошек. И уезжают. Дети уже не такие маленькие, помогут Тане, если что. Шустрые, особенно близнецы. Отца они почти не помнят, отцом им стал дед, старый Лейба.

Сейчас в доме тихо, дети подбежали в последний момент, поцеловали в пушистую щеку так, словно они собираются ненадолго в лес за грибами или на речку ловить пескарей. Только старшая, совсем взрослая почти, смотрела испуганными глазами и молчала. Конечно, она всё уже понимает. Всё, да не всё. Только бы у них было хорошо! Невестка справится, она сильная. Всегда была готова командовать кем угодно, после смерти сына и особенно после того, как не стало жены, Таня взяла все хозяйство в свои руки. Это хорошо. Женщинам всё виднее, они умные. А уж Таня-то разбирается в том, что происходит на белом свете, молодец! Лейбе это не очень-то и интересно. Они, молодые, все, конечно, знают, но не понимают главного.

Хотя, ЧТО ЕСТЬ ГЛАВНОЕ В МИРЕ? Читать мудрую книгу вечерами, после работы, слушая при этом детские крики во дворе и сознавать, что в этом и есть счастье человеческое. Но сейчас она, невестка, понимает, что с ним только хлопот прибавится. Куда ему на девятом десятке бежать?

Теперь все спокойно на душе, дети уехали, он один в пустом доме. Вот только кошка рядом устроилась и как-то особенно добросовестно и самозабвенно вылизывает свою правую заднюю пятку. Хорошо! Вечер тёплый, август в этом году, как и всё лето, выдался жарким. Яблок много и некому их собирать и есть. Нужно бы насушить, ведь хлеба нет и непонятно, когда он может появиться, этот хлеб. Ну, хоть яблочко помягче пожевать. Яблок много в этом году, с голоду не умру, всё будет хорошо, Бог даст!

Лейба выходит на крыльцо. Яблоки лежат в мураве и на грядках чуть поодаль, он берет то, что ближе, белое с чуть подбитым бочком, сквозь кожицу светится сок. Хорошо! Что-то нарушило тишину как будто чуть слышный рокот моторов со стороны Беловодки. В такой тихий вечер слышно далеко, а в городе сейчас всё примолкло. Да и спать уже пора, чаю попить, Книгу почитать, подумать, помолиться на ночь и полежать. Устал что-то.

Утром Лейбу разбудил рев, треск и гудение разных двигателей. Вначале шум наплывал словно издалека и затухал где-то за садами и заборами. Лейбе не хотелось подниматься, да и не интересно было ничуть, что там случилось. Пусть сами разбираются! Потом шум раздался совсем близко, как будто с выстрелами. Лейба оделся и, держась за спинку стула, шаркая, пошёл уже к окну, как резко и грубо кто-то заколотил в калитку, пиная её сапогами. Та еле держалась на брезентовых петлях и без упрямства, с охотой даже свалилась на мураву, придавив за ночь опавшие яблоки. Пока Лейба поднимался, насколько возможно торопясь, в двери уже стучали так грубо и нетерпеливо, что понятно было: эти имеют право на всё.

Кричали, ругались, ударили, но не больно, а так просто, что бы обидеть, показать, что могут бить при желании. Толкнули, сказали, что нужно пришить к одежде желтый магендовид. Хорошо, у меня есть желтая ткань, ведь я сапожник, а жена и невестка были портнихи. Я пришью так, что всем понравится и все будут довольны! Сказали, чтобы не ходил дальше вон той улицы, а то убьют. Но Лейба и так туда не ходил уже давно, куда ему, с его-то ногами добрести до дома Рахили! Это раньше он... Эх, да что тут говорить!

Ушли. Дальше по улице, шумят, кричат, веселятся, как будто есть что-то весёлое во всём этом. Где-то я такое уже видел или почти такое. Или не видел, не мог видеть, но точно знаю, что ТАКОЕ было.

«ВИДЕЛ Я ВСЕ ДЕЛА, КАКИЕ ДЕЛАЮТСЯ ПОД СОЛНЦЕМ, И ВОТ, ВСЁ — СУЕТА И ТОМЛЕНИЕ ДУХА!»

А время едет и Лейба с кошкой живут потихоньку, Лейба запивает сушеные яблоки кипятком, залитым на заготовленные с лета смородиновые листья. Хорошо! Вот только нет никаких известий ни от Тани с детьми, ни от старшего. А может, и хорошо, что нет вестей, значит они далеко от всего этого и от ЭТИХ, без сердца и совести. Прости, Господи, но «КРИВОЕ НЕ МОЖЕТ СДЕЛАТЬСЯ ПРЯМЫМ, И ЧЕГО НЕТ, ТОГО НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ».

Каждый день где-то в городе стреляют. В кого и зачем, Лейба не знает. Ему кажется, что кто-то просто балуется, по-детски шумят, хулиганят. Ведь не в людей же стреляют люди.

Заходили соседки с улицы. Все встревожены, заплаканные глаза, напуганные до смерти. Спрашивают, как быть, что делать, бежать или не бежать. Что тут ответить? Был бы Лейба хоть на двадцать лет помоложе, ушёл бы в лес, к своим. А теперь вот сидит Лейба на скамейке у дома, опираясь на свою палочку, вспоминает КНИГУ, собирает разбегающиеся мысли, пытается понять логику происходящего и знает точно, что никуда не побежит. Можно было бы спрятать у себя кого-нибудь в погребе, но здесь все на виду, найдут, только рассердятся ещё больше. Можно и самому огородами и тропинками уйти незаметно за за-

рослями крапивы и лопухов в знакомый лес за городком. Но в доме кошка, она не поймёт его ухода, да и зачем уходить?

Шумят, а Лейба ещё не всё понял в том, что происходит, не разобрался во всех смыслах этих событий. Он, этот смысл обязательно должен быть, ведь Бог ничего не делает случайно, должен быть замысел. Нужно время, чтобы разобраться и тишина, чтобы осмыслить, а вокруг шумят, торопят, ждут советов.

«ВСЕ ДНИ ЕГО — СКОРБИ, И ЕГО ТРУДЫ — БЕСПОКОЙСТВО: ДАЖЕ И НОЧЬЮ СЕРДЦЕ ЕГО НЕ ЗНАЕТ ПОКОЯ. И ЭТО — СУЕТА!»

Суета, конечно, но что сделаешь! Нужно успокоить, если не получается объяснить, ведь уныние — грех и Лейба говорит с растревоженными женщинами, смотрит на них своими ласковыми с улыбкой и любовью почти обесцвеченными годами глазами старого женолюба. Прости меня, Господи! Жена покойная ревновала и ругала за то, что так на женщин смотрит Лейба. А как же на них еще смотреть можно? Да и ревновать по большому счету было не за что. По большому счету.

Прошла осень, проходит зима. Нет известий от родных, да и как они могут эти новости добраться до них? Выходить за дом Гирша нельзя, а сюда никого не пускают. Люди болеют, голодают, ждут новостей и решения их судеб. По слухам везде убивают евреев, война идет и не видно никакого конца ей. Говорят, что могут всех куда-то отправить, прикажут собраться и пешком, на подводы, в вагоны. И куда? А главное зачем? А тут ещё зима такая холодная... Но нужно жить. ЧЕЛОВЕК НЕ ВЛАСТЕН НАД ДУХОМ, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬ ДУХ, И НЕТ ВЛАСТИ У НЕГО НАД ДНЁМ СМЕРТИ, И НЕТ ИЗБАВЛЕНИЯ В ЭТОЙ БОРЬБЕ, И НЕ СПАСЁТ НЕЧЕСТИЕ НЕЧЕСТИВОГО.

Утром рано послышался шум от домов справа. Крики, треск калиток и дверей, которые не открывают, а выламывают. Что там? Началось? Или что-то началось, или просто шумят от избытка сил и глупости, прости их, Господи! Шум ближе. Нужно встать и одеться, приготовиться к чему-то очень серьезному. Кошка встревожилась, но придется тебе, милая как-то самой разбираться, без Лейбы. Нужно положить ей в мисочку остатки мятой варёной картошки, она съест. И обязательно оставить приоткрытой двери, пусть заходит, когда ей захочется домой. Что ни говори, а она, кошка, хозяйка! Пойду открывать, снег немного сыпал ночью, это хорошо! Непонятно почему, но будем думать, что хорошо. Нужно быть спокойным, ведь соседки смотрят и думают, что я всё понимаю и знаю. Я СКАЗАЛ: «Я БУДУ МУДРЫМ»; НО МУДРОСТЬ ДАЛЕКА ОТ МЕНЯ.

Кричат, что нужно куда-то ехать. Улыбаются при этом как-то криво, глаза недобрые, смотрят на сторону, не в глаза. Убийцы не любят смотреть в глаза. Совесть? Не думаю, скорее что-то профессиональное. Совестью здесь не пахнет. СМОТРИ НА ДЕЙСТВИЕ БОЖИЕ: ИБО КТО МОЖЕТ ВЫПРЯМИТЬ ТО, ЧТО ОН СДЕЛАЛ КРИВЫМ?

Гонят к машинам всех. Женщины несут детей или держат их за руки, не кричат, и дети молчат. Настоящее горе молчаливо. Но все надеются, что и вправду их куда-то сейчас повезут. Лейбе тяжело, да что там тяжело, просто невозможно забраться в кузов грузовика. Его толкают в спину прикладами, и такое чувство, что готовы пристрелить прямо у машины. Но женщины, хрупкие обессиленные женщины помогают ему забраться в кузов. ВО ДНИ БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОЛЬЗУЙСЯ БЛАГОМ, А ВО ДНИ НЕСЧАСТЬЯ РАЗМЫШЛЯЙ... О чем можно размышлять, Господи, в эти дни несчастий, если нет на это сил и совсем не остается времени. Может быть, лучше было бы остаться в доме с кошкой и просто подумать в тишине о путях, которые Господь готовит для человека?

Ехали недолго в сторону Новой Кисловки. Приехали. Откинули брезент с кузова и закричали, чтобы все спускались, выходили, выпрыгивали, выползали. Увидели большую поляну, за ней молоденькие сосны, перед которыми краснели кусты вербы с запушившимися золотистыми почками. Весна. А на поляне свежевырытые ямы. Все поняли сразу. Женщины заплакали, завопили, прижали к себе детей, дети заплакали вместе с матерями и бабушками.

Лейбу столкнули с машины, но ему удалось подняться. Женщины как будто уступали ему место, и он оказался впереди всей этой смятенной толпы. Краснорожий полицай показал стволом своего автомата куда нужно идти. Лейба пошёл первым по прошлогодней спутанной траве к яме. Женщины сопротивлялись, просили о чём-то, умоляли, просто кричали и плакали. Лейба не знал, как их успокоить, и не было ни времени, ни возможности что-либо сказать им. Он ясно понимал, что пришло его время уходить. Страшно не было, скорее нетерпение, смешанное с любопытством. Сейчас завершится этот путь и за ним будет другой, на котором он встретит, наконец, жену и сына, и родителей и всех-всех, кто уходил перед ним за его долгую жизнь. А о внуках он узнает и оттуда, наверное, сразу же, а то уже нет сил выносить это безвестие. Ему и так, и так уходить, а как успокоить остальных? Да и нет времени уже ни на что. Господи, я в твоей воле! И КТО СКАЖЕТ ЧЕЛОВЕКУ, ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ НЕГО ПОД СОЛНЦЕМ?

Потом Лейба услышал треск и легко и свободно пошёл к свету, с облегчением понимая, что теперь-то ему откроются нераскрытые, нерешённые и неосознанные даже ещё вопросы. И ВОЗВРАТИТСЯ ПРАХ В ЗЕМЛЮ, ЧЕМ ОН И БЫЛ; А ДУХ ВОЗВРАТИТСЯ К БОГУ. Рядом, успокоенные и красивые, шли женщины с детьми.

Вот о чём говорил со мной Лейба, пока я смотрел в его глаза на старой фотографии. А я рассказал ему о том, как жили люди, которых он любил все эти годы. Хотя он и так всё знал, старый мудрец.

г. Санкт-Петербург

Сергей Карпенко

Затемнение

Судебный пристав Ганнибал Иванович Унылов, крупный сорокалетний мужчина с румянцем на щеках, пришёл в поликлинику, чтобы пройти медицинскую комиссию. Начав с флюорографии, и, пройдя всех врачей, он вернулся в рентген-кабинет за результатом обследования.

— Можно? Мне бы забрать заключение рентгенолога.

— Фамилия?

— Унылов Ганнибал Иванович.

— Так... ага, вот вам-то я и хотел сказать... — начал рентгенолог, седой человек с пышными усами, — понимаете, не всё у вас в порядке с лёгкими.

— А что такое? — Унылов насторожился.

— Есть у вас там затемнение небольшое. Снимок я отослал терапевту. Пройдите к нему, пожалуйста.

Ганнибал Иванович, упав духом, медленно поплёлся к терапевту.

«Надо же, затемнение какое-то. А вдруг это — опухоль, рак?!» — Он испугался своих мыслей, спина взмокла от холодного пота, который прошиб его в эту минуту, рубашка прилипла к телу.

— Можно? — постучав в дверь кабинета врача-терапевта, Унылов приоткрыл её.

— Да, проходите, — сказал терапевт, молодой энергичный мужчина лет тридцати. Не поднимая глаз на Ганнибала Ивановича, он продолжал что-то писать.

— Моя фамилия Унылов Ганнибал Иванович. У меня флюорография показала затемнение...

— А, так это вы. Обнажайтесь до пояса, — подняв глаза на Унылова, сказал терапевт.

Ганнибал Иванович дрожащими руками стянул с себя мокрую от пота рубашку и тут же почувствовал такой озноб, что даже зубы его слегка застучали.

Врач принялся выслушивать его фонендоскопом, повторяя:

— Дышите, глубже дышите, не дышите... — Закончив, он сказал: — Можете одеваться.

— Ну что, доктор? — с опаской спросил Унылов.

— В вашем дыхании никаких хрипов я не слышу. Дыхание ровное. А как сами чувствуете себя?

— Да я ничего не чувствую, доктор. Ничего такого... ненормального.

— Понятно. Ну идите. Завтра с утра, сдадите анализы крови. Дня через два будет готов результат. Потом ко мне на приём.

Выйдя из поликлиники, Унылов побрёл на ослабевших вдруг ногах домой. Мир перед его глазами был чёрно-белым, все краски сразу поблекли. Жене он решил пока ничего не говорить, подождать результаты анализов.

Два дня Ганнибал Иванович чувствовал себя как во сне, выполняя обычные дела машинально, не задумываясь.

Встревоженная жена, видя, что муж чем-то озабочен, участливо спрашивала:

— Ганя, что с тобой? О чём ты всё время думаешь?

Унылов отвечал:

— Всё в порядке, дорогая, не волнуйся.

Единственная дочь Уныловых несколько лет назад вышла замуж и уехала в другой город, редко давая о себе знать, поэтому для супруги муж был единственным светом в окошке.

Её не устраивал такой ответ Ганнибала Ивановича, и она вновь принималась расспрашивать его.

Тогда Унылов шёл к дивану, ложился на спину и, закрыв глаза, притворялся спящим.

«Эх, — думал он, — может, я умру скоро. Дайте же мне спокойно пожить остаток дней, без этих дурацких вопросов». Однажды он проговорил это вслух, и стоявшая рядом с диваном жена с ужасом уставилась на него.

Взглянув на неё, Унылов вдруг подумал с неожиданной злостью: «Ты-то наверняка себе другого найдёшь. Не захочется одной быть. Все вы одинаковы».

Спохватившись, он сказал:

— Да понимаешь, надоело всё...

— Ах, тебе и я надоела?! Я всю жизнь тебе посвятила, всю молодость тебе отдала, а ты?! Неблагодарный!

Жена залилась слезами и ушла в другую комнату.

«Чёрт! — думал Унылов. — Когда же это всё кончится?!»

На следующий день он шёл в поликлинику решительным шагом, думая: «Будь что будет!»

Дома он оставил записку жене, где объяснил всё, сказав о затемнении в лёгких.

— Ну что же... — начал терапевт и улыбнулся, — анализы у вас хорошие. А затемнение... На двух снимках перепутали фамилии, вашу и некоего Угрюмова Г. И. К сожалению, такое у нас случается. Но теперь, слава Богу, разобрались. Так что никакого у вас затемнения нет. Не беспокойтесь.

«Бедный Угрюмов», — пронеслось в голове Унылова.

Дома у порога его встретила заплаканная жена:

— Ганнибал, как ты мог скрывать?! Прости меня за вчерашнее, я же не знала... Что же теперь делать?

— Успокойся. Нет никакого затемнения... — начал было Унылов, но жена не дала ему договорить.

— А твоя записка?! Я чуть с ума не сошла! Тебе доставляет удовольствие издеваться надо мной?! Изверг! Кровопийца! — крикнув это, она ушла в комнату, хлопнув дверью.

Унылов пошёл было за ней, но остановился перед закрытой дверью, из-за которой доносились истерические рыдания супруги. И вдруг ему стало жаль, что затемнения в лёгких у него нет.

Букет хризантем

— Молодой человек, купите цветы, — услыхал Черепахин и остановился. Глянув в стороны, он никого не увидел рядом с собой и подумал: «Наверное, это мне предлагают». У края тротуара сидела на складном стульчике худенькая старушка, протягивала ему букет белых хризантем и заискивающе улыбалась:

— Один вот остался, купите, пожалуйста.

Черепахину цветы были не нужны, но вдруг жалко стало эту старушку, неизвестно сколько времени просидевшую на ноябрьском холоде. Да ещё ему польстило обращение «молодой человек», что было редкостью для его сорокалетнего возраста, и он, достав деньги, купил букет.

— Спасибо вам, молодой человек. Пусть всё у вас будет хорошо, — пожелала ему добра старушка и, сложив стульчик, заковыляла прочь.

— Спасибо, — ответил Черепахин и задумался.

«Куда бы это букет употребить...» — решал он.

Черепахин был давно уже в разводе и о супружеской жизни вспоминал редко, но всегда эти воспоминания оставляли в душе неприятный осадок. Когда-то они с однокурсницей по институту легкомысленно вступили в брак и жить стали у её родителей.

Черепахин тогда познал столько обид и унижений, сколько другому не выпадет за всю жизнь. Благодарив судьбу, что не послала им ребёнка, он сбежал оттуда через полгода, и бывшие родственники этому особо не препятствовали.

Больше у Черепахина отношений с женским полом не было. Конечно, он, как все, хотел семью, детей, но каждый раз воспоминания о браке отбивали это желание. Работал он инженером в управлении железной дороги, где было много женщин, и коллеги даже пытались знакомить его с кем-то из одиноких дам. Но обычно эти знакомства тут же и заканчивались, где начинались. Ни одна из них так и не смогла пробудить интерес Черепахина к своей персоне.

— Так и умрёшь холостым, а перед смертью и душу облегчить некому будет, — говорил ему инженер Мичурин.

— Лучше холостым, чем несчастным, — отвечал Черепахин.

Ноябрьский холод пробирал до костей, и Черепахин почувствовал озноб. Он как раз проходи мимо небольшого кафе и решил зайти туда, выпить кофе и согреться.

Народу в кафе было мало: две парочки да одинокая женщина. Черепахин сразу почему-то обратил на неё внимание. Это была симпатичная блондинка лет за тридцать, в синем платье, которое удивительно шло её синим глазам. Это-то обстоятельство и привлекло внимание Черепахина. Он занял столик по соседству с ней, положив на него хризантемы, и заказал кофе. «Наверное, ждёт кого-то», — глянув на блондинку, подумал Черепахин. Блондинка на него не посмотрела, лишь взглянула на хризантемы. «А ведь она думает, что я кого-то жду», — пронеслось в голове у Черепахина, и он пожалел, что купил этот букет.

Минут через двадцать блондинка встала, подошла к гардеробной и, взяв там пальто, стала одеваться. Черепахин быстро допил кофе, рассчитался и тоже пошёл к гардеробной, чуть не забыв на столе букет, но вернулся и взял его. Когда он оделся, её в кафе уже не было, и он, выбежав на улицу, так и не смог увидеть её в ноябрьских сумерках. Досадуя на себя, он даже мысленно сострил, что его фамилия сегодня сослужила ему плохую службу. Весь вечер он думал об этой блондинке. Думал о ней и на работе днём. «Как же найти её теперь?» — вертелся в голове вопрос. И тут он придумал.

После работы он купил в цветочном киоске букет белых хризантем (первый букет стоял в воде дома) и пошёл в то же самое кафе, где увидел её накануне. Он просидел там весь вечер, почти до закрытия, но блондинка так и не появилась. На следующий день всё повторилось, но букет Черепахин покупал у той же самой старушки.

Увы, опять блондинка не появилась в кафе. Черепахин понимал, что другой возможности найти её у него нет и опять вечером пошёл в кафе, купив букет у старушки. И вновь его ожидало разочарование: она не появилась там.

Квартира его была заставлена букетами белых хризантем. На другой день он опять пошёл в кафе вечером.

— А, постоянный клиент, — приветливо улыбнулась старушка: — Чего-то вы грустный, что-то случилось?

И Черепахин всё рассказал этой старушке и описал эту блондинку, и пожаловался, что не знает, как найти её теперь.

— Да это же моя соседка Люба, — сказала старушка.

— А она замужем? — надеясь на чудо, спросил Черепахин.

— Нет, у неё муж погиб лет пять назад, он был полицейским. А она так и не вышла замуж с тех пор. Живёт с дочерью-студенткой. Работает учителем в школе. Хорошая женщина, добрая. Всегда поздоровается, спросит о здоровье. Не то, что есть такие, знаете, рядом живут, а идут и тебя не видят. А в кафе она, конечно, ходить каждый день не будет, — старушка улыбнулась и добавила: — Ну что, пойдём, покажу, где её искать.

Черепахин смутился, ему казалось неудобным вот так идти к незнакомому человеку. Он замялся.

— Пойдём, говорю. А то упустишь своё счастье, — ещё раз предложила старушка: — Только вот цветы-то я уже все продала.

Пока они разговаривали, у неё купили два последних букета прохожие.

— Ничего, я сейчас до киоска сбегаю. Вы уж подождите, пожалуйста.

— Конечно, подожду, беги.

* * *

Надеюсь, читатель избавит меня от необходимости описывать конец этой истории. Могу только сказать, что у Черепахина и Любы всё хорошо.

г. Челябинск

Константин Клепиков

Соломенный рейс

Слушая его, я одновременно продолжал крутить головой по сторонам, пытаясь, всё-таки, обнаружить что-то необычное. Ну, допустим, медведя, хотя вряд ли, да и не очень-то хотелось бы, а вот волка, или лису было бы интересно понаблюдать, ну, зайца на худой конец хотя бы...

Кроликов я насмотрелся, когда отец непродолжительное время работал директором кроликофермы в Снежном, а вот зайцы встречались реже.

Оружия у нас с собой, кроме топора, пары вил, да моего перочинного ножа, никакого не было, о чём я слегка жалел: неплохо было бы шмальнуть с розвальней на полном ходу. Ну, пусть хоть не по лосю или козлу, которые, в отличие от волков, кабанов и медведей, ещё обитали в наших местах, а просто в воздух, в белый свет как в копеечку! Тем более что навык стрельбы из отцовской «тулки» по кувшинам и банкам на заднем дворе у меня был. Хорошо, что отец об этом не догадывался.

Только бабушка, живущая по соседству, раскусила творимый мною произвол и как бы удивлялась, рассказала матери, что гром гремит без дождя и даже в снегопад... Мать, слушая её, тоже удивлялась такой аномалии. Ружьё родители вскоре продали.

Сейчас же ничего и никого необычного не было, был день как день, мороз и солнце. И надо сказать мороз крепчал, иней осыпался под напором ветра, несла позёмка, переметая санный след.

Мы проехали березняк, а затем углубились в борок. Сосёнки были особенно хороши в снегу и инее, почти как в сказке «Морозко»; берёзки были не менее хороши в своих хрустальных подвесках. И вот вдали показалось лесное озеро Мартинькино, почти полностью занесённое снегом; но в центре, как зеркало, блестел овал льда, а по краям шевелились ветром жёлтые камыши и с коричневыми шишками — рогоз. Я здесь купался года два назад и сейчас пытался вспомнить: какая здесь вода по своему составу — солёная или щелочная, и насколько она пригодна для рыбы?

Но какая разница теперь, когда отец сети уже поставил и мы здесь...

Лошадь, чуть скользя, скашивая оглоблями дугу, осторожно передвигаясь по заснеженному льду, по кромке, вывозила нас медленно к противоположному берегу.

— А сети где?! — удивлённо и нетерпеливо обращаюсь я к отцу, не понимая, как они могут здесь стоять, когда кругом лёд и снег.

— А вот сейчас подъедем, и увидишь, — невозмутимо, и чуть улыбаясь, докуривая очередную папиросу, ответил отец.

Лошадь продолжала свой ход, упорно вытягивая нас к назначенной цели.

Вот здесь бы и пригодились подковы, подумал я, вспоминая летний разговор с отцом, когда он топором подрубал в очередной раз копыта, а затем чистил подошвы специальным ножом, при этой процедуре, на моё удивление, лошадь вела себя очень спокойно, даже несколько благосклонно, полностью доверяя своему хозяину.

Отец тогда объяснил мне, почему он не подковывает Машку: считал подковы излишними, необязательными для не строевой лошади.

А я, наблюдая за всеми этими процедурами, почему-то вспоминал прерии, индейцев и мустангов, у которых, по рассказам Майн Рида и Фенимора Купера, отрастали огромнейшие копытища, что не мешало им быть дикими и необузданными, интересно, смог бы отец их подрубить?

Тогда я об этом ему ничего не сказал — и вот мучаюсь до сих пор, всю жизнь!

— Всё, приехали! — говорит мне отец, забирая у меня вожжи и заворачивая лошадь ближе к камышам.

Вот наконец мы на месте, сходим с саней, подпрыгивая, разминая затёкшие за дорогу ноги, сбрасываем на лёд корм лошади, охапки сена, соломы и немного овса. Она воспринимает это как должное, продолжает спокойно жевать всё предложенное, при этом пробуя ещё ухватить и камыши.

Отец вновь закуривает, достаёт топор, мешок и неторопливо идёт от камышей, вдоль берега, а я всё с возрастающим любопытством, скользя, бегу за ним.

Он останавливается и начинает сначала ногами, а затем и руками разгребать снег, и тут я постепенно начинаю соображать, в чём подвох — под снегом проявляются небольшие лунки, которые уже схватились новой коркой льда, сквозь которые торчали концы дратвы от сетей.

Продолжение. Начало в «Графоман» № 2(50)-2022.

Пазлы сложились: я бросил взгляд дальше по курсу — и заметил несколько полузасыпанных лунок, которые тянулись вдаль, вдоль камышей.

— Ну что, теперь тебе понятно, как сети зимой ставят? — добродушно, с улыбкой поинтересовался у меня отец.

— Кажется, да — здорово придумано! — с восхищением и уважением ответил я.

— Мы так с дедом ещё рыбачили... — продолжил немного с грустью он.

— А нас не арестуют за браконьерство? — с некоторым опасением поинтересовался я, в душе понимая, что мосты уже сожжены.

— Не арестуют, а наоборот, наградят! — со смехом отвечает он. — Мы же лунки пробиваем, чтобы рыба не задохнулась.

И начинает топором пробивать лёд в лунках, освобождая верёвку, выкидывая на поверхность осколки льда и снежную массу голыми руками.

Я пытаюсь ему немного суетливо помогать, хотя у меня, в отличие от отца, руки на морозе быстро замерзают, но я изо всех сил пытаюсь скрыть это.

Отец же, засучив рукава, продолжает долбить и выгребать одновременно, постепенно продёргивая и освобождая сеть.

У него не было фаланги пальца — результат аварии в шахте.

Отец был призван в армию в 1953, Сталинский призыв. Служил 3,5 года в инженерных войсках, под Красноярском. Принимал участие в строительстве шахт для стратегических ракет.

Дважды попадал в аварию, его засыпало строительными лесами и породой.

Оторвало фалангу на мизинце. Были и другие, более серьёзные травмы. Он говорил, что на нём всё заживало как на собаке. Подробности не рассказывал, объекты были секретные.

После армии он не любил перловку и красную икру, которыми их кормили как на убой, мисками. Почти как в известном фильме.

Пытаюсь вспомнить, на какой руке, и не могу, прошло уже столько времени.

Наконец показалась первая рыба, это был сырок, для наших болот редкость, в основном мы добывали его с родственниками на Дуванкуле, но тот был крупнее. Мне больше нравится не слишком крупная рыба почему-то.

Вытащили сеть, затем таким же образом вторую, с большим количеством рыбы. Отец был явно доволен, даже забыл про своё курево, настолько увлёкся процессом.

Я же вообще при появлении каждой рыбины подпрыгивал и присвистывал, настолько азартно было это зрелище.

Сети мы сразу складывали в мешок, надеясь выбрать чуть позже или дома.

И вот, когда мы приступили к травлению третьей, последней сети, раздался треск, нет, не льда, а мотора, и вдали, у подлеска, показалась чёрная точка, которая стала постепенно увеличиваться, превращаясь в снегоход с наездником.

Человек при приближении оказался не простым, за его спиной торчал ствол, мы с отцом переглянулись. Мне показалось в его взгляде некоторое недоумение, даже смущение, но он продолжал работу.

— Ну чего встал, давай помогай! — с некоторым раздражением бросил он мне.

— А кто это? — обеспокоенный внезапным визитом поинтересовался я, готовясь к худшему.

— Подъедет, увидим.

Я бросил взгляд на топор, который валялся чуть поодаль, сжал в кармане перочинный нож, понимая, что всё это несерьёзно, бесполезно, если в деле участвуют профессионалы, а где-то в глубине души, я понимал, что до таковых сам пока не дотягиваю. Вся надежда была на отца, в котором я не сомневался, несмотря на критическое отношение к некоторым его взглядам на жизнь, да и спортивная форма уже вызывала вопросы, слишком много курил, задыхался, не умел плавать, в отличии от меня, но жизненный опыт компенсировал всё... Чтоб показать своё полное пренебрежение к надвигающейся опасности, я развернулся к непрошеному гостю спиной. Мне показалось, что отцу моя лихость понравилось.

— Здорово, рыбаки! — раздался, после того как заглох мотор, вполне себе дружелюбный голос.

— Здорово, — спокойно, чуть приподняв голову и продолжая выбирать сеть, ответил отец.

Я также поздоровался с вооружённым бродягой, узнав в нём нашего агронома, который был заядлым охотником и даже, когда-то имел условную судимость за браконьерство, что меня несколько успокоило, уж он-то точно не позарится на нашу добычу.

— Ну, как улов? — поинтересовался он, направляясь к нам, одновременно снимая меховые краги и доставая сигареты, лицо его раскраснелось от мороза, ветра и быстрой езды.

— Да есть немного, около ведра будет, — ответил, вставая ему навстречу отец, протягивая для приветствия руку и беря предложенную сигарету, хотя предпочитал папиросы марки «Волна», «Север», в крайнем случае «Беломор», но видимо не мог отказаться из приличия.

— Ну и правильно, надо его вытаскивать, а то всё равно задохнётся к концу зимы, — произнёс тот, глядя на трепыхавшегося в сетях сырка.

— А ты, я смотрю, тоже промышляешь? — показывая на снегоход, спросил отец.

— Да капканы решил проверить, но почти ничего: небольшая лиса да заяц... — с некоторой досадой ответил гость, прикуривая сигарету и с удовольствием выпуская дым. — Приманка съедена, наверное, росомаха пакостит, мать её ити, вроде бы её следы были...

Я пригляделся к снегоходу и увидел притороченный к багажнику мешок, в котором возможно, и находились тушки несчастных животных, а также висели капканы, ограбленные хитрым разбойником, который бы, впрочем, не побрезговал и жертвами капканов...

Мне однажды приходилось летом сталкиваться с этим зверем. Я шёл с покоса с литовкой на плече и увидел, как мне показалось, барсука, который передвигался несуразной, кособокой, прыгающей походкой к болоту Коновальскому. Какой-то лохматый, облезлый, не полосатый, нетипичный барсук.

«Видимо, неправильными бывают не только пчёлы», — подумал я.

И, как опытный следопыт, решил подкрасться с боку, с литовкой наперевес, навстречу ветерку, но после того, как чудище ощерило пасть гиены в мою сторону, у меня пропало всякое желание препятствовать его передвижению.

Мне раньше казалось, что барсуки более добродушные существа, но, видимо, постоянное покушение всех, кому не лень, на целебное сало окончательно испортило их характер, успокаивал себя я тогда, чёрт с ним, пусть жирует до лучших времён!

А когда, со временем, я понял, кого повстречал, то перекрестился, что всё так мирно обошлось, литовка бы мне точно не помогла, тем более клин постоянно выскакивал, роняя лезвие.

Перебросившись ещё какими-то необязательными словами о зиме и погоде, агроном укатил в своей ондатровой шапке, аляске, унтах, с пятизарядным карабином за спиной, оставив после себя запах сигарет и бензина, удаляясь и превращаясь обратно в точку, как до своего появления.

Пора было собираться в дорогу за соломой, домой, но прежде я решил заглянуть сквозь толщу льда, надеясь увидеть там если не своё будущее, то хотя бы карася какого-нибудь. Но увидел лишь замёрзшие водоросли и пузырьки воздуха, вода была мутной, как и наше будущее, погода продолжала портиться, надо было спешить.

Солнце полностью затянули тучи, снег на морозе становился сухим и гранулированными кристалликами разносился по насту, как песок по барханам, обжигая при попадании на лицо, кожу.

Я смотрел на отца и видел, что его лицо с недельной щетиной покрыли иней и замёрзшие капельки воды, но белых пятен обморожения не наблюдалось.

Чтобы подобраться к стогу соломы, нам пришлось свернуть с проторенной дороги и сделать крюк по целику, по насту, проваливаясь в сугробы, но отдохнувшая лошадь преодолела этот этап без проблем. Темнело.

Достав из саней вилы, мы начали потрошить бок стога, пытаясь выбирать более сухие клочки соломы и аккуратно, особым способом, раскладывать их на сани.

Солома при более близком рассмотрении оказалась отличной, потому что была плохо обмолоченной, с большим содержанием колоса.

Отец, как бывший комбайнер, предположил, что жатка была на данной полосе не отрегулирована, что-то там с ремнями, ножами.

То есть её вполне можно использовать как корм, для гусей и уток в том числе. И овцы, которые, конечно же, больше любят сено с вязелем, клевером, люцерной, донником, тоже от такой соломы не откажутся.

— А может бытьЭ обмолотили плохо специально, чтобы потом эту соломку вывести к себе на двор? — вслух размышлял он.

Рассказывали же наши селяне, что на небольших заимках, таких как Иванково, Метличиво, Батырево, жители договаривались с трактористами, комбайнерами из местных, чтобы те часть зерна ссыпали в ближайший водоём, где вся домашняя птица гужевала до самых заморозков, снега.

Известно, что на заимках преимущественно жили бывшие переселенцы, люди неблагонадёжные с точки зрения старожилов, аборигенов. Когда-то они серьёзно враждовали с нашими казаками, которые не разрешали им мять покосы в поисках грибов и ягод, а также рыбачить, рубить лес, собирать хворост. Иногда просто, на лошадях, выгоняли кнутами баб и девок из лесов, и пашен.

Как в таких условиях жить? Непросто. Такова, к сожалению, участь пришельцев. Обида на это сохранилась до сих пор, до наших дней.

Желая быть объективным, хочу заметить, что среди них немало моих друзей, знакомых, родственников, людей вполне порядочных, добрых.

А ведь тогда ещё некоторые мечтали о построении коммунистического общества, верили в возможность воспитания человека нового типа.

Я сам помню, как в нашем сельском клубе над экраном в кинозале висел транспарант с текстом: «Наша цель — коммунизм!». Кстати, клуб построили на фундаменте разрушенной церкви, а кованую ограду растащили на заборы по всей деревне.

Я же своим детским, пытливым умом хотел понять суть этой цели.

Но никто не смог мне внятно объяснить, в чём тут дело, как это понимать? Учителя в школе, будучи людьми аполитичными, как мне тогда казалось, говорили что-то о последней стадии социализма, росте самосознания, благосостояния...

Мать, по простоте душевной, будучи женщиной прагматичной, заявляла о том, что всё это полная чушь, и чтобы я не забивал себе голову всякой белибердой, а жил в реальном мире. Отец вообще избегал схоластических дискуссий, являясь сторонником идей Жан-Жака Руссо, правда, не подозревая об этом... Затем наступила перестройка — и всё накрылось медным тазом, а транспарант как-то тихо, чуть стесняясь, сняли...

И вот рядом со всем этим благолепием такое моральное падение!..

Моя бабушка по матери, 1917 года рождения, пережившая голод 1921 и 1931 годов, плакала, когда скотину в деревнях в конце XX века стали кормить хлебом...

Они с сестрой помнили ещё события Гражданской войны, заход в село белых и красных казачьих отрядов. Белые, по их рассказам, были холеные, в портупеях, в сапогах, на добрых лошадях, вооружённые до зубов.

И обычно проезжали по главной улице в сторону храма, дома священника. Командиры располагались в домах зажиточных казаков, а простые, где получится. Устраивали свой быт, восстанавливали силы после боёв.

По рассказам, грабили дома казаков, которые воевали за красных.

Запомнилась история, когда группа белогвардейцев, зашла в один такой дом на краю села и, прихватив какой-то скарб, овцу, попыталась уйти.

Мужчин в доме не было. И у ворот их атаковала молодая хозяйка, ударив кого-то из мародёров то ли вилами, то ли палкой. Они, предварительно её поколотив, потащили на зады, расстреливать и только вмешательство свекрови, которая, упав в ноги, умоляла сохранить жизнь неразумной, у которой малые дети.

Говорят, что на тот раз всё обошлось, что-то дрогнуло в огрубевших сердцах.

Красные же, по рассказам сестёр, были плохо одеты, ободраны, в обмотках, на плохоньких лошадях, многие вообще пешие. При их расселении доставалось уже сторонникам белых. Такова логика классовой борьбы.

Око за око. Дед матери воевал за красных, хотя имел довольно справное хозяйство. После, при коллективизации, их серьёзно потрепали.

По рассказам моей бабушки, она долго бегала на конный двор, чтоб поиграть с любимым жеребёнком, покормить, почистить его. Так как, колхозный скот был голодный, неухоженный. Её любимец имел довольно жалкий вид, был по самое брюхо в навозе. После, ей запретили появляться там. Конюхи не могли смотреть на всё это без слёз.

Прадед, вставлял в зеркало фотографию Ленина, а прабабка её постоянно выкидывала, вызывая гнев мужа. У неё в сундуке хранилась фотография царской семьи. Она так и не приняла советскую власть. Даже запретила хоронить себя рядом с мужем.

Бабушка же, стала ударницей труда, имела награды. Её в составе делегации направили в 1939 году в Москву, на выставку ВДНХ, где она видела самого Сталина. Она мне рассказывала, как они с подругами ходили по московским магазинам, видели в них колбасу, сыр, конфеты, халву — ревели как коровы, потому что в колхозе жрать было нечего! Денег у них не было, питались они в Москве на талоны. Кормили их хорошо, нечего сказать...

...Мороз крепчал, а ветер усиливался; снег, перемешиваясь с соломой, разлетался по всей округе, чем-то напоминая кадры из фильма «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Отец, видимо, будучи в полном восхищении от превосходных качеств обнаруженной им на отшибе соломы, решил наметать её на сани по максимуму.

В тягловых способностях своей верной кобылы он не сомневался.

След от саней заносило всё больше, а у меня возникло смутное сомнение в успехе нашего предприятия, о чём я и решил сообщить отцу.

Он же заверил меня в том, что сомнения мои напрасны, так как ему приходилось доставлять грузы и посерьёзнее, и в более сложных условиях.

Например, в войну он возил на быках дрова и сено в Увелку, Троицк, родственникам, для обмена на спички, керосин, уголь, или какую-то еду: в деревне тогда крапиву, лебеду, да жмых ели. Весной, правда, зарили гнёзда, ловили сусликов, а летом выручали огороды, ягоды, грибы. Разносолов было немного. Сахар вообще не видели. Поэтому ягоды, грибы сушили.

Я не стал вступать в спор, но сомнения мои окончательно развеяны не были. Мы вскарабкались на воз, по отработанной на покосе системе, при помощи вил и верёвки, Машка потащила нас в сторону дома, по заснеженной равнине, выбирая при помощи отца оптимальный маршрут.

Теперь сани под грузом проседали до целика и лошади требовались большие усилия для их продвижения, но она и с этим справлялась.

Какое-то время я пытался наблюдать с высоты за её действиями, но вскоре мне это занятие надоело, и я опрокинулся на спину, глядя в снежное пространство, в космос. Затем вообще, прикрыл веки.

Воз передвигался медленно, чуть покачиваясь в стороны, солома мягко амортизировала рывки и качки в такт шагу лошади.

Я несколько расслабился и даже чуть задремал, отец же, наметив возможный маршрут, умудрялся курить, закрывая огонёк ладонью. Я даже и не пытался предупреждать его о возможных последствиях, потому что он сам всё понимал, будучи взрослым человеком, и потому что это было бесполезно... Он дома даже в кровати курил, о чём тут говорить...

Если он не курил какое-то время, то терял всяческую способность соображать и действовать, превращался в полного невротика.

В конце восьмидесятых, в период тотального дефицита, он стал выращивать табак, отняв лакомый кусок земли у томатов и огурцов.

Смастерил табакарезку, заказал матери кисет, организовал на чердаке небольшую лабораторию по просушке и фасовке продукции.

А сейчас мы находились в пути между небом и землёй, наедине с природой, под присмотром каких-то сил, надеясь завершить поездку.

В полудрёме мне казалось, что мы какие-то первопроходцы, былинные богатыри, могикане, вятичи, кривичи, контрабандисты, искатели приключений, романтики снежных пространств.

И вот находясь в таком благостном, мечтательном состоянии, я вдруг ощутил состояние полёта. Сначала мне даже показалось, что это метель меня подняла на своих крыльях. Возможно, даже с возом и лошадью...

Но всё оказалось более прозаично. Видимо, кобылка попала в какую-то борозду, а отец вовремя не среагировал. Всё произошло настолько быстро, что он даже не успел сматериться, и как результат — мы оба, кубарем скатились с верхушки, сопровождаемые потоками соломы, снега и вилами.

— Ну вот, а ты говорил, что не упадём! — с некоторой обидой, отплёвываясь, выговаривал я отцу, отряхиваясь от снега и соломы.

— Ничего страшного, сейчас заметаем и поедем дальше, — также вылезая из соломы, ответил мне он.

Хотя на самом деле зрелище было жутковатым: почти полвоза обрушилось вместе с нами, лошадь была испугана, в пене и пыталась тащить развороченный воз, вывернув оглобли — хомут и дуга перекосились самым неестественным образом. И всё это происходило посреди заснеженного поля, окружённого лесами в сумраке, при всё усиливающейся буре.

(*Продолжение следует*)

г. Южноуральск

Александр Кукушкин

Два Сашки*

роман

Книга первая. Прозрение

Часть первая. Солнце встаёт

Двадцать девятая глава. Скандал

Шёл последний день ремонта стана. Все основные технические работы были сделаны: на стане заменены все валки на прокатных клетях, капитальный ремонт всего кранового и низового оборудования, в машинных залах заменены все электрические машины на рабочих клетях — всё, согласно технологическим картам системы ремонта.

Сама система планово-предупредительных ремонтов говорит уже об их назначении. Для того, чтобы предприятия выполняли основную свою функцию — выпуск продукции, в системе планово-предупредительных ремонтов участвуют крупные дочерние организации, которые специализируются только на всех видах ремонтов, на всех предприятиях страны. Если проводится малый, или средний ремонт, то обходятся силами самой организации. А когда проводятся такие, как капитальный ремонт, чтобы выполнить его в полном объёме и с хорошим качеством, то стягиваются мощные силы ремонтного персонала со всей страны. В этот момент предприятие напоминает гудящий улей. Сотни ремонтников работают в огромном цехе на огромном конвейере.

...но оставим на некоторое время цех и всех работников, которые участвуют в ремонтных работах, и я, как автор повествования, позволю себе сделать маленькое, лирическое отступление от правил.

Работники участка ЭВМ, на котором трудился наш герой, досрочно завершили все плановые работы, и теперь он сидел один в своём маленьком машинном зале ЭВМ, включив с утра технологические тесты. Под монотонный шум множества вентиляторов, которые охлаждают электронно-вычислительные машины, уставший от последних бессонных ночей, Сашка не заметил, как уснул, сидя на стуле за столом перед пультом управления. Казалось бы, этот многофункциональный, я бы сказал небольшого росточка паренёк, но с огромной силой воли и потенциалом энергии, обладающий большой физической силой, тоже устал.

Конечно, он нарушил дисциплину рабочего процесса, но... простим его, чисто по-человечески, как читатели, и заглянем... в его сон.

...лето в этом году выдалось жаркое. По небу лениво плыли редкие, белые кучевые облака. На улице стояло вёдро, солнце было в зените, но в единственное с решёткой маленькое оконце в комнатке землянки, в которой жила семья Смирновых, лучи его, никогда не попадали. Из комнатки в окошко можно было лишь видеть маленький клочок неба.

Паренёк открыл глаза, сладко зевнул. Младший братишка надсадно кричал в плетённой из ивовых ветвей люльке, подвешенной на бельевой верёвке в центре комнатки к деревянной балке на потолке.

Мальчик встал, подошёл к люльке и, как учила его мама, пощупал распеленавшегося брата. Рука наткнулась на мокрое и липкое.

— Ну, чего ты кричишь? Сейчас поменяю.

Он деловито приподнял ножки ребёнка и осторожно вытянул грязную пелёнку. Вытер розовое тельце и сунул в рот мальчугану соску с бутылочкой, она стояла тут же, на тумбочке, рядом. Тумбочка — это было второе изделие из мебели, которое смастерил отец.

Комнатка в землянке была маленькая. Под оконцем, на земляном полу стоял кованный, обитый маленькими квадратиками из жести, большой сундук, который служил всей семье одновременно гардеробом и Сашке — кроватью. Пол был по-хозяйски застелен домотканными половиками, которые мастерски связала хозяйка дома — мать Сашки. За маленьким проходом в центре комнатки, в котором мог находиться только один человек, стояла большая, двухспальная, с панцирной сеткой, родительская никелированая кровать — гордость семьи.

---

* Публикуется в авторской редакции. Продолжение. Начало в «Графоман» № 3-2019.

Больше всего мальчугану нравился сундук, особенно, когда мама или папа открывали его. При повороте большого с узорами ключа раздавалась красивая мелодия. Но самое главное — на внутренней стороне крышки они с отцом наклеивали различные, цветные фантики от конфет.

Поверх сундука лежал напичканный разными тряпками матрац — постель Сашки. Стены землянки были обиты горбылём и сверху оклеены старыми, пожелтевшими от времени газетами.

Серёжка смешно похрюкивал, жадно сосал соску перебирая пальчиками обеих рук по бутылочке. Голубые глазёнки, не мигая смотрели в одну точку на потолке.

Пока ребёнок сосал молоко, Сашка побежал в курятник, который был выкопан по типу землянки во дворе.

Собрал яйца в корзинку, как велела ему мать, вернулся. Посмотрел на брата, соска выпала изо рта и малыш недовольно урчал, размахивая ручонками. Сашка вставил соску ему в рот и побежал в баню, которая, как и курятник была выкопана отцом рядом с курятником, так же в земле. Мать велела снять с верёвки сухие пелёнки. Опять проверил брата, всё ли в порядке и вновь помчался, но теперь — в огород. Мать велела собрать клубнику и нарвать зелени.

Так проходил день за днём, лишь вечером, когда родители возвращались поздно вечером с работы, Сашка бежал на улицу и играл с соседскими ребятишками.

...нудный звук зуммера разбудил парня. Он открыл глаза, сигнализация показывала, что программный тест завершён.

Зайдя домой, он увидал неприглядную картину. Галя лежала на диване, на спине, пьяная. Одна нога была подогнута под себя, вторая вытянута. Халат был расстёгнут и видно было голое тело, без трусов. Ребёнок надсадно кричал.Сашка зашёл к дяде Грише, тот то же был в стельку пьян, валялся на полу в трусах и своей овечьей душегрейке.

— Понятно...

Он перепеленал ребёнка, приготовил покушать и накормил его. Взял на руки, ребёнок затих.

«Всё! Завтра выходной, переезжаем к мамке. Это куда годится?» — подумал он.

Положил сына в кроватку, начал тормошить жену. Галина не реагировала. Он похлопал её по щекам, она мычала что-то бессвязное и тогда со всего маху он ударил её по щеке ладонью.

— Ты что, сука, совсем обалдела!

Галя что-то невнятно промычала в ответ.

— Стерва! Ребёнок кричит! Обгадился весь!

Женщина не реагировала и он, словно озверев, кулаком бил её по лицу. Пьяная женщина, лишь слабо отмахивалась, как от надоевшей мухи.

Сын надсадно кричал. Сашка снова взял его на руки, заходил по комнате, ворча.

— Водка — дороже всего? Вали тогда, к чёртовой матери, а мы, сынок, с тобой как-нибудь и без неё проживём.

А чего ждать? Внутри его всё кипело. Он готов был в этот момент разорвать непутёвую бабу на части.

Завернул ребёнка в одеяльце, как положено, оделся сам и пошёл с ребёнком к родителям.

Тридцатая глава.
Валентина Ильинична сердится

Он открыл своим ключом дверь.

— Кто там? — раздался голос матери. — Она вышла в прихожую и запричитала. — Боже мой! Господи!

— На, раздевай пацана, — подал ей ребёнка Сашка.

Сын надсадно кричал. Появился дед.

— Да... дела... Ну-ка, мать, давай-ка его сюда. А Галька-то где?

— Да... — махнул рукой Сашка.

— Понятно, — отец покачал головой. — Говорили, говорили...

— Ладно причитать, завёлся, — парень сурово посмотрел на отца. — Мама, приготовь что-нибудь: надо пацана накормить, он, похоже, целый день голодный.

— Батюшки! Да как же это так можно-то! А-я-я-я-й... — она закачала головой, заплакала.

Она едва открыла глаза, перед ней, склонившись, стоял дядя Гриша.

— Ну, разгидрит твою... я ужо думал... не ровён час... померла. Уж пульс вроде... дышать перестала... Моя-то... так же... и... померла... Слава тебе, господь с тобой... Може, похмелишься? А то голова-то...

Галина взялась обеими руками за голову.

— На, хлебани, легше будет, — он протянул женщине полстакана самогонки.

Она взяла стакан трясущимися руками, поднесла ко рту. Зубы застучали о стакан неровную дробь. Превозмогая себя, она всё же допила спиртное. Пощупала челюсть. Челюсть и всё лицо болело. Она взяла со стола зеркальце, посмотрелась.

— Не гляди, не гляди — красавица. Видно Сашка, хорошо отходил тебя. Вон рожа то вся синяя.

Из зеркала на неё смотрели в чёрных синяках, через узкие щели, чьи-то чужие, узкие, как щёлочки глаза. Лицо, если только можно было назвать это лицом, было настолько опухшее.

Она пыталась вспомнить, что с ней было, но голова... раскалывалась.

— Во-о, вишь... прижилась, — дядя Гриша протягивал ей стакан с самогонкой... — Давай, тяни ещё.

Прошла неделя...

Она привела себя в порядок, посмотрелась в зеркало. Опухоль на лице спала, но синяки приняли зловеще жёлтый цвет.

«Ладно, — подумала она, — во всяком случае, уже не такая страшная». И она пошла в отцовский дом.

Не успела она открыть дверь, на пороге стоял Илюша.

— Мама! Мама пришла! — ребёнок кинулся матери на шею.

Она принялась жадно целовать сына.

В прихожую вышла Валентина Ильинична.

— Явилась — не запылилась. Что дорогу вспомнила? Наслышана уже о твоих новых художествах. Ну, проходи, проходи, алкашка.

Галина так, с Илюшкой на груди, прошла в комнату, села на стул.

— Что, опять оправдываться будешь? Всё! Терпение наше с отцом лопнуло. Мы подаём на тебя заявление о лишении тебя материнских прав. Человек хороший попался... Я Саше говорила, чтобы ни в коем случае не брал тебя в жёны. Не послушался. И мать с отцом ему говорили. Не послушал. Вот тебе моё последнее слово. Иди к Сашке, если простит, значит, простит. Если не простит, мы с отцом подаём заявление в суд. И катись из Челябинска к чёртовой матери! Всё на водку променяла! Одного ребёнка сделала калекой! Что, и второго хочешь угробить?! Собирайся! Уходи! На глаза нам не появляйся! Сашка-то порядочный парень! И без тебя мальчонку поднимет! У них семья порядочная! Нина с Мишей не дадут пропасть. Я хорошо их знаю.

— Он избил меня, — словно простонала Галина.

— Да тебя убить мало. Что тебе не хватает? Что тебе не живётся по-людски? Сама пьёшь и мужика спаиваешь. Уходи, что бы глаза мои на тебя не глядели.

Галина сидела, понуря голову, молчала, лишь плотнее прижимая к груди сына. Мальчик испугано смотрел на бабушку.

Она отстранила ребёнка и, не говоря ни слова ,пошла к выходу, покачиваясь, словно пьяная.

Тридцать первая глава.
Детская коляска

Весёлый и довольный, Сашка бодро шагал домой к Мирончикам. Он возвращался с заводского комсомольского собрания, где ему и ещё тридцати парням и девчатам во Дворце культуры, в торжественной обстановке под оркестр вручили путёвки на комсомольские стройки страны.

Готовые документы лежали у него в кармане.

— Санька, привет! Заходи.

Он прошёл в комнату.

— Валерки нет, он на работе. Давай, осматривай обнову. Ты бы только знал, чего стоило её добыть, — выпалила она своей скороговоркой.

— Всех знакомых и незнакомых на ноги подняла. Весь Челябинск на уши поставила. Нет нигде и баста! Но всё же выкопала. И цвет соответствует: зелёный.

Сашка взялся за ручку, покатал коляску туда-сюда.

— А скрип-то какой, придётся смазать. Ладно, дома. Вот тебе и новенькая, с завода, а скрипит, как будто в ней семеро помёрло.

Таня толкнула парня в плечо.

— Чудак, этому радуйся! Люди, ни каких не видят! А тут — с завода, новая, — она засмеялась.

— Да я чё? Я ничё! Рад! Безмерно рад! Спасибо тебе, Танюха, — и он поцеловал девушку в щёчку, — с меня причитается!

— Ладно, свои люди! Сочтёмся! Катай на здоровье! А что, Галка, так и не появлялась?

— Нет.

— Ну-ну... — девушка сразу омрачилась.

— Ладно, я пошёл, привет Мирону!

Он закатил коляску в квартиру. Глянул, увидел жену и вся весёлость его сразу спала.

Галя сидела на диване, молчала, не поднимая головы.

Отец с матерью, о чём-то шушукались шёпотом в кухне.

Сашка, делая вид, что не обращает на неё внимания, открыл кладовку, достал машинное масло и начал смазывать коляску.

— Таня достала? — прервала молчание девушка.

Он не ответил, продолжая усердно лить масло.

— Ну вот, весь пол залил, я вытру, — она поднялась с дивана.

— Не надо, обойдёмся без прислуг.

Ребёнок заплакал в маленькой комнате.

Мать вышла из кухни и пошла к мальчику.

— Ма-а, я сегодня последнюю смену с четырёх и завтра уезжаю.

Мать всплеснула руками.

— Иди, иди к Сашке. Я на работу пошёл.

До смены, у него ещё оставалось уйма времени, но... он не хотел оставаться с Галей и поэтому оделся и вышел из дома.

«Ну, вроде со всеми попрощался. Да и последняя смена прошла на славу. Интересно, ушла или не ушла?» — думал Сашка. Он ехал домой.

Он потихоньку вошёл. В квартире было тихо. «Спят», — подумал Сашка. Он подошёл к диван-кровати, тихонько разделся. Галя спала у стенки, ребёнок спал в коляске, которая стояла возле диван-кровати. Лёг и тут же уснул.

Проснулся от того, что сын заплакал. Он, не вставая, с закрытыми глазами, левой рукой начал качать коляску, как вдруг коляска перевернулась, и ребёнок вылетел из коляски.

Он потом, ещё долгие годы, вспоминая этот случай, никак не мог сообразить, как так получилось, что он, лежал на масляном полу и держал на полусогнутых руках сына, хотя, до этого находился под ватным одеялом.

Что первое пришло ему на ум — вот, чёртова телега! — и на лбу выступил холодный пот.

с. Долгодеревенское

Ольга Кучерюк

Косы

Семилетняя Ленка весело вбежала в магазин. В любой другой день на неё никто и внимания бы не обратил, но сегодня...

Ближе к обеду в единственный деревенский магазинчик подвозили свежий, ещё горячий хлеб, и к этому времени со всех краёв деревни тянулись бабульки с кошёлками и авоськами. Купив продукты, не спешили расходиться по домам, а ещё долго обсуждали житейские дела и перемывали косточки односельчанам. Вот и теперь, в июльский жаркий день, в магазине было людно.

— И где ж твои косоньки? — с недоумением и любопытством спрашивали бабушки.

— Такую красоту состригли. Как мать-то твоя решилась?

— Ну и ну!

Бабульки не могли угомониться, а Ленка молча стояла в очереди. Не могла она признаться, что сама, без маминого разрешения решила состричь косы, и что сейчас они находятся у неё под футболкой. Она избавилась от них: косы безжалостно состригла большими ножницами старшая сестра подружки, которая только окончила школу и поступила учиться на парикмахера. Две чудные белокурые косы утром заплетала мать, а сейчас они кололи живот и доставляли неудобство.

Подошла Ленкина очередь.

— Мне двести грамм ирисок, пожалуйста! — нарочно громко, уверенно произнесла девочка.

Продавщица небрежно кинула на весы горсть конфет. Ленка протянула ладошку с мелочью. Продавщица быстро отсчитала монетки, оставив пару копеек. Девочка распихала ириски по карманам и вышла из магазина. Достав одну и распечатав, она положила её в рот и не спеша, наслаждаясь сладким вкусом конфеты, пошла домой.

Мама у неё работала посменно, сегодня была дома. Ленка не боялась, что её будут ругать. Она смело вошла в дом. Там стояла тишина. Девочка выглянула в окно на кухне, выходящее на огород, и увидела маму. Та пропалывала грядки. Ленка прошла в комнату. Села на диван.

— Что же делать с косами? — думала она. — Не могу же я их просто так выкинуть. Может, спрятать? Но зачем? Всё равно обратно не прицепишь.

Она достала косы и аккуратно положила рядом с собой.

— Какие красивые! И бантики сегодня мама заплела голубые — самые мои любимые.

Только сейчас Ленка поняла, что натворила. Ей навсегда придётся с ними расстаться. Вдруг, какой-то страх овладел девочкой. Ей стало жалко свои косы и себя. Подступили слёзы, готовые вот-вот политься градом из растерянных глаз. И зачем она это сделала! И ведь сама захотела, ей так было нужно.

В комнату, вытирая руки, зашла мать. Увидела Ленку с коротко подстриженными волосами.

— Это ещё что такое, господи Боже ж мой!?

— У меня теперь причёска — прошептала Ленка.

— И когда ты только успела? Ты же собиралась в магазин, за конфетами!

— Я купила. Вот, — Ленка достала несколько ирисок из кармана.

Мать вздохнула, махнула рукой, взяла Ленкины обрезанные косы:

— Эх, с косами то было баще... Да ладно, отрастут! — крикнула она уже из другой комнаты.

Поздно вечером вернулся отец с работы. Ленка выбежала навстречу.

— Пап, пап, пап! Смотри! Красиво же, да?

— Красиво, — устало, равнодушно ответил отец, едва бросив взгляд на Ленкину голову. Вряд ли он смог заметить и оценить новую причёску. Отец устроился в своём кресле на кухне и включил телевизор. Мать готовила ужин.

Ленка поплелась в комнату, села на диван, погладила ладошкой место, где днём лежали её чудные, белокурые косы с голубыми бантиками.

— Зря состригла, — сказала самой себе Ленка. Нащупала в кармане последнюю ириску.

— Одна осталась, одна, — сквозь слёзы шептала девочка.

Бусы

Лена стояла перед зеркалом, примеряя бусы, которые недавно купила. Украшение было простенькое, но смотрелось красиво. Черно-белые бусинки из пластмассы аккуратно обвивали её шею. Дешёвая бижутерия — это то, что она могла себе позволить.

Тоненькие занавески не могли сдержать настойчивых солнечных лучей, которые без труда прорывались, освещая комнату. Стоя перед зеркалом, она словно светилась изнутри.

Лена жила в деревне, где все и всё было на виду. Эта история началась, когда она заканчивала десятый класс. Тихая, спокойная, рыжеволосая девушка отличалась от своих сверстников. Другие девчонки из класса уже встречались с парнями, вечерами гуляли по деревне. С Леной никто не хотел дружить. Она очень переживала из-за этого, думая, что с ней что-то не так. А с ней всё было так. Лена была миленькой, хорошенькой, но очень застенчивой и скромной девушкой. Парни не обращали на неё внимания. Вечерами гуляла по деревне одна, по одной и той же дороге. Соседи стали на девчонку странно посматривать

и интересоваться у матери, почему её дочь всегда одна. Та, не предавала особого значения расспросам. Не могла же она запретить дочери гулять.

Окончив школу, Лена стала учиться в ближайшем городе на повара. Она надеялась, что теперь жизнь переменится, наконец-то появятся друзья. Но ничего не менялось. Близкими подругами не обзавелась. Два года учёбы пролетели быстро. Она вернулась в деревню к родителям и устроилась поваром в детский садик. Свою работу любила — всегда всё делала с душой.

В один воскресный вечер Лена решила сходить в клуб на танцы. Там познакомилась с парнем из соседней деревни. Она очень устала быть одна. Одиночество с каждым днём становилось всё невыносимее. Лене хотелось иметь семью, жить в любви и счастье. Парень оказался непутёвым: пил и распускал руки, но девушка закрывала на это глаза. Молодые поженились.

Семейная жизнь оказалась недолгой. Когда в очередной раз пришла к родителям с синяком на лице, отец твёрдо сказал — разводись. Развелись. Через некоторое время Лена поняла — ждёт ребенка.

«Вот оно, счастье, — думала женщина. Теперь уж точно не буду одна».

Родился мальчик, назвали Юрой. Ребёнок стал смыслом её жизни. Бабушка с дедушкой во внуке души не чаяли, баловали. Юра рос капризным. Мать любила сына, но воспитанию должного внимания не уделяла. Когда он пошёл в первый класс, умер отец.

Лена пыталась устроить свою личную жизнь, чтобы была настоящая, полная семья. Но в деревне шансов было мало, а ехать в город ей не хватало смелости и уверенности. Все мужики в деревне были похожи на Юркиного отца: пьющие и гуляющие.

Школьные годы для Юры оказались нелёгкими, учёба давалась с трудом. Он и не старался учиться, но школу окончил. В шестнадцать лет начал упрекать мать, что та разошлась с отцом. Парень озлобился, стал выпивать. А когда выпивал, был агрессивным. Их жизнь с бабушкой превратилась в ад, но даже тогда Лена пыталась оправдать его. Чувство вины перед сыном её не покидало.

Когда Юра ушёл в армию, они наконец-то зажили спокойно. Два года могли не бояться, что Юра среди ночи заявится домой пьяный и устроит погром. Пока он служил, Лена откладывала деньги, чтобы одеть и обуть сына, когда вернётся домой.

Юрку встретили из армии, накрыли стол.

— Ну что, мать, как жила? — с упрёком спросил он у неё вечером, когда почти все его товарищи и соседи разошлись по домам.

— Да нормально жили мы с бабушкой. Вот скопила денег. Давай завтра съездим в город и купим тебе новую одежду.

— Скопила. Давай сюда деньги. Я сам, что нужно куплю.

— Юрочка, а ты их не пропьёшь?

— Деньги давай!

Лена встала с дивана, подошла к шифоньеру и неуверенно достала деньги, завёрнутые в носовой платок. Она боялась его разозлить.

— Вот, возьми, — протянула ему свёрточек.

Он развернул и бросил платок на пол.

— Мать! Это что — деньги? — усмехнулся он.

Мать стояла перед ним такая растерянная, незащищенная. Он чувствовал её слабость. Эта слабость всегда его злила. Он упрекал мать за ту жизнь, которой они жили. Упрекал за бедность, за безотцовщину. Свою непутёвость легко оправдывал и винил в этом её.

Забрал деньги и ушёл. Эту ночь Лена не могла заснуть. Боялась. Ждала, что среди ночи он придёт и устроит пьяный скандал. Бабушка тоже не спала, то и дело выходила за калитку, пыталась высмотреть в темноте, не идёт ли внук домой. Им повезло. Этой ночью не пришёл. Вернулся через два дня. Деньги все пропил.

Так они и жили. Юрка пил, не работал. Мать оправдывала его, говорила, что сейчас сложно найти работу. Она его любила, да и бабушка всегда с лаской к внуку. Юрочка, Юрочка...

Весенний солнечный день. Лена стояла перед зеркалом. Сегодня она надела свою единственную праздничную кофточку и те самые бусы. Почему-то сегодня ей захотелось быть красивой. Она светилась, улыбалась сама себе, чувствовала какой-то покой на душе и свободу.

Бабушка на кухне готовила обед. Было слышно, как она гремела посудой. Печь почти протопилась, но в доме было ещё прохладно. Хозяйка накинула фуфайку и вышла во двор. Вернулась, держа в руках два больших полена.

— Мам, зачем ещё дрова-то? Печь протопилась, — выйдя из комнаты, сказала Лена.

— Так я сейчас щепками сначала растоплю, а потом и дровишки. Надо дровишек, Леночка, надо.

— Мам, так они огромные, куда такие, в печь не влезут. Надо Юрочке сказать, чтобы дров наколол.

— Так я одно сначала, а там глядишь, и второе пригодится.

В печи вновь разгорелся огонь. Языки пламени безнадёжно пытались вырваться на свободу через закрытую дверцу. Второе полено осталось лежать возле печи.

Юрка этой ночью опять не ночевал дома. Ближе к полудню резкий грохот чего-то упавшего в сенях напугал Лену и бабушку. Это был Юрка. Он еле стоял на ногах. Начал снимать с себя куртку и кричать, звать мать.

— Мать, ну что — не ждали меня? Хорошо вам было без меня, да? А я вот — пришёл.

Лена вышла из комнаты.

— Ты, наверное, голодный? Раздевайся, сейчас обедать будем, — спокойным голосом произнесла она и прошла на кухню.

— Что, не боишься меня? Чего так вырядилась? Бусы дурацкие нацепила. Для кого? Куда ушла, с тобой разговариваю!

Юрка пытался снять с себя куртку. Бабушка хотела помочь, но он оттолкнул её. Чуть не упала.

Лена на кухне стояла у печки, наливала суп.

— Леночка, пусть Юра кушает, а ты иди, помоги мне, дров принести надо.

Лена понимала, мать хочет, чтобы они сейчас ушли из дома, пересидели у соседей, пока он проспится.

— Мам, ты иди, я следом. Иди, мам.

Бабушка ушла к соседям. Ждала, когда придёт дочь. Но Лена не шла.

— Сынок, ты кушай, кушай. Картошка ещё есть отварная.

— Картошка, картошка говоришь. — Он сидел за столом, стучал ложкой и смеялся, глядя на мать. — Снимай эти дурацкие бусы, снимай. — Он начал кричать.

— Сейчас сниму, — тихо сказала она и направилась в комнату.

Юра схватил полено, лежавшее у печки, и направился за ней. Не дойдя до комнаты, в коридоре Лена обернулась. Перед ней стоял он, её сын, её сынок, её Юрочка. Он замахнулся поленом. В тот миг они смотрели друг другу в глаза. Что чувствовала тогда она, о чём думала? Что было в её взгляде: безмерная материнская любовь или страх, преходящий в ужас?

Сын сдернул бусы. Бусинки рассыпались, раскатились по полу. Несколько штук остались в его руке. Разжал кулак и с ненавистью швырнул их на пол.

Сильный удар настиг Лену. Это был конец.

Она лежала на полу среди бусин. Сын сидел рядом.

Когда он осознал, что сделал, пытался покончить с собой, но его спасли.

У бабушки не выдержало сердце, через две недели её не стало.

Вся жизнь Лены держалась на одной верёвочке, как эти бусинки.

Первая встреча с сыном, первая улыбка малыша, дни рождения, первая открытка с 8 Марта, принесённая из детского сада, первая ромашка, подаренная им матери в семь лет. Это всё счастье, счастье, счастье. Так, в течение жизни собирала Лена своё счастье и, как бусинки, нанизывала их, ещё и ещё. Но однажды, наступил момент, когда собирать стало нечего. Тогда она крепко связала своё счастье и хранила.

Теперь рассыпалось, разлетелось, собирать больше некому...

г. Челябинск

Александр Мишутин

Яблоки падают

1. Мама

И старый тутовник из далёкой юности, стоящий у ворот, и сами ворота, новые, но, как прежде зелёного цвета, и искреннее радушие хозяев вызывали в душе подъём необыкновенный и свет. Праздник! И давнее предвкушение его обернулось исполнением желаний и радостью.

На перекрёстке Алексей перехватывает маршрутку, сдвигает дверь салона, отдаёт деньги водителю:

— Спасибо!

— Ещё раз! Посильней! — делает ему выговор водитель.

Алексей ещё раз захлопывает дверь.

— Извини.

— По голове себе так! — ярится водитель. — Сегодня только отрегулировал!

— Поставь «автомат» и закрывай сам! — заводится Алексей.

— Что, умный, да?! Умный?!

— Останови машину!

— На остановке!

Но до остановки, оказалось, странно далеко.

— Останови! — потребовал ещё раз Алексей и встал.

Маршрутка мчалась, не снижая скорости. Алексей дёрнул ручку двери, но водитель резко затормозил и дверь захлопнулась.

Наконец-то маршрутка останавливается, Алексей выходит и нарочито громко хлопает дверью: «Получи, хам!»

— Пидор! — кричит водила, открыв правую дверцу, и срывается с места.

Где это он? Куда его завезла маршрутка? Странный павильон с колоннами из серого мрамора, белое административное(?) здание, цветы... Погоди, погоди... Не может быть! Ну, да, точно! Алексей поворачивается: на столбе отливающаяся лаком «А» в кружочке и красивая надпись: «Кладбище».

— Вот, сука!

А впрочем, всё равно хотел сходить к матери, вот и пришёл.

Молчаливые старушки с бумажными цветами, образцы надгробий у мастерской и широкая, как проспект, дорога: пожалуйте. И Алексей пошёл по проспекту. Очень смутно помнил место захоронения матери: где-то в той стороне, ближе к взлётно-посадочной полосе аэродрома.

...В тот год и в тот февраль траншея матери была крайней от аэродрома. Дул сырой пронизывающий ветер, какие часто бывают в феврале в этих местах. Экскаватор копал траншею как раз по ширине могилы. Одно захоронение от другого отделяли какими-то щитами. Это было странно и дико. Маму похоронили, поплакали и Алексей уехал. А потом редко приезжал и не всегда заходил к ней.

— Не подскажете, где двадцать второй квартал? Или дорога...

Перед ним стоял молодой человек в тёмных летних очках, кроссовках и джинсах.

— Не знаю. Я — не здешний, — как-то двусмысленно ответил Алексей. — В администрации спросите, там, на въезде.

Пока — не здешний. Или — ещё... Молодец, парнишка: вспомнил.

Алексей снял с головы багряный лист и повернул влево на тропинку, усыпанную палой листвой. Не получая жизненных соков, листья отрывались от материнского древа и падали свободно и легко по собственной прихоти и по мудрёной траектории. Ложились рядом с такими же своевольными отщепенцами и лишались возможности жить.

Ни ветерка. Тишь и солнце.

...На старой чёрно-белой фотографии мама с подругой стоят на большом валуне, почти в море. Яркое солнце, море бликует, а ветер разметал волнистые мамины локоны. Фотография излучает тепло, но мама в тёмном пальто. Маме двадцать четыре года, но лицо доярочки Наташи серьёзное, даже суровое. Геленджик. 1937 год.

— Как лучшей доярке путёвку дали, — говорит мама.

— А другие — тоже доярки? — Алексей показывает групповую фотографию с мужчинами.

— А хто зна, — улыбается мама. — Не знаю, откуда эти бычки. Там разные были.

— А в пальто почему?

— Так февраль же. Холодно у моря.

— Почему же в феврале дали путёвку?

— А хто зна. Самый отёл пошёл, доярки нужны, а вот...

— Так почему же послали в дом отдыха?

— А хто зна... Летом, пожалуй, доярочка важнее будет, чем в феврале.

Да где же мамина могилка? Сплошь армяне, да евреи. Хотя нет: вот Муратов, Коптилов, Мацепура... И опять: Гимолян, Кантор, Маркосян, цыгане... Ага, вот даты уже поближе к году маминой смерти. Где-то здесь...

...Не дождалась доярочка Наташа мужа с фронта: пропал без вести, сгинул. Сошлась она после войны со вдовым казаком. Стало у них четверо детей: двое своих, да двое... каких? Вот то-то же. Для гармонии и равновесия в семье своим детям от Натальи доставалось по полной и даже больше.

— А как же? — рассказывала мама. — Говорю тебе: сегодня Васька идёт в кино, а ты и ба́йдуже. Иди домой, говорю, а ты — хоть бы хны. Вот и получал своё.

Баркович, Карпетян, Блудян... Ишь ты! Фамилия, однако. Да что так много армян? Может и не много, но город-то основан ими. Да и надгробия величавы, прямо-таки мавзолеи, не то, что русские кресты. Вот, пожалуйста: в полный рост молодой армянин, Джаханян: тёмно-серый гранит, на руке золотой браслет (натуральный, потрогать можно!), а на палец перстень впаян — тоже из золота. Охренеть!

А вот и могилка мамы. Старый железный крест, сваренный из труб, крашеный-перекрашеный, выцветшая фотография, пожухлый бурьян, да упрямые анютины глазки: смотрят на Алексея во все глаза.

— Здравствуйте, мама...

Когда-то Алексея шокировала развязность старшего брата Николая, приехавшего в отпуск с Урала:

— Здравствуй, ма! Как ты тут? Не болеешь? — И отцу руку подал: — Здорова!

Всю жизнь на Кубани отца и мать — старших — называли на «вы», а тут: «здорова» — корова.

Мать не стала поправлять, не возразила сыну; так и закрепилось: старший сын стал общаться с родителями на «ты».

После войны, году в пятидесятом, приобрела она тайком от всех икону Спаса и повесила её в доме.

— Так бога нет, ма! — усмехнулся её старший сын.

— Никто не знает: есть он, или нет.

И стало как-то легче. Верила, не верила, но надеялась, что защитит Спас. Спас ведь, спаситель. И пошло всё, если не сладко, то ладно: младший поступил в учительский институт, как она хотела, внуки пошли... Радость стала приживаться в доме.

Алексей не помнил смеха мамы, кажется, что она никогда не смеялась: ни на свадьбе сыновей, ни при рождении внуков. Только улыбка. Наверное, была звонкая радость у мамы, была, как без неё? Где-то на самом дне колодца печали, бил звонкий ключик, но на поверхности — только лёгкая рябь, печальная улыбка в уголках губ.

— Простите, мама...

Зазвонил телефон.

— Дядь Лёш, вы скоро приедете? — племянница Наташа. — Таня с детьми приехала.

— Я постараюсь быстро.

Таня, старшая племянница, живёт в селе, недалеко от города. И в честь его, Алексея, приезда сегодня все собираются у Надежды, в родительском доме, где и остановился Алексей. Надежда — мать племянниц, жена среднего брата Василия, умершего в девяностых.

Теперь надо будет ехать через центр города, раз водила забросил его на кладбище и он не успел купить подарки.

2. Надежда

— Брысь отсюда! — Надежда выгоняет внуков из кухни. — Берите по яблоку — и во двор!

На кухне все: обе дочери Надежды, племянницы Алексея, сам Алексей, внуки, кошка и пикинес по имени Доллар.

— Кыш! — наводит порядок время от времени Надежда. — А мы ходили к матери на паску: подправили там, цветы посадили.

— Давай я картошку почищу, — предлагает Алексей. — Дома всегда я чищу.

— Почему?

— У меня лучше получается. И быстрей, чем у других.

— Уговорили, — смеётся племянница Наташа.

— А ещё я всегда в саду мою посуду, — сделал заявку Алексей.

— Посмотрим на ваше поведение, — улыбается Таня другая племянница.

— Тут мы у Тимченко на дне рождения были, на «нахаловке» — так вспоминали тебя, ваше время. Зараза! — Надежда вытирает слезящиеся от лука глаза. — Сейчас, чего — жить можно. А тогда...

— Наташ, ты скоро? — заглянул на кухню Валерик, муж Наташи. — Поехали.

— Мы сейчас, быстро на рынок и... — говорит Наташа, снимая фартук.

— Мам, мам! — спели дуэтом внуки Артём и Тимур, — мы есть хотим!

— Таня, иди, — говорит Надежда, — покорми их у Наташи. — Я тут — сама.

— Как появились эти дети у Тани? — спрашивает Алексей, когда они остаются одни с Надеждой.

— Опекунство оформила. В Наташином интернате был Тимур. Мать его лишили материнства. А у Тани с Виктором что-то не получалось. Вот и взяли. А через два года в интернат

сдали и второго ребёнка от той же лишенки — Артёма. — Надежда вздохнула, — Таня и его взяла.

— Пришлось оставить работу в суде?

— Да что там?! Секретарь в канцелярии... Институт окончила и десять лет секретарём просидела. Деньги — никакие.

— А теперь?

— Нормально. Почти в три раза больше, чем в суде. Вот так бы матерям государство платило, было бы интернатов поменьше.

— Но ты, похоже, не рада.

— Та-а... Вот зачем? Зачем?! Дочь окончила институт, Настя замуж собралась... Зачем Тане эти мальчишки? Как ей держать хозяйство без Витьки? Кто горбатиться будет? Двадцать соток: вспахать, посадить, ухаживать — когда? Была бы без них — ещё нашла бы мужика. А так...

— Так сейчас у неё есть время заниматься хозяйством: детей в садик и...

— Что — «и»? Она, что — мужик? У самой проблемы со здоровьем... Пригласит когда Карэна или Валерку — что это? Так, пшик: «вас освежить»? А там сутками раком стоять надо. Витька был ленив, но был...

Зря так Надежда о Тане, зря. Работящая, честная, симпатичная женщина. И очень похожа на маму. Но без её резкости. Так это пройдёт: и Надя не сразу стала материться. Не очень практичная — это да... А детей брала, посоветовавшись с Виктором. Младшего он особенно любил.

— Но ведь Виктор, ты говорила, был не против?

— Был. Был! И где он теперь? А дети — вот они.

— Но кто же знал, Надь, что Виктор разобьётся?

— Кто, кто... «От одной матери — это хорошо...» Она, что: корова-рекордистка — «хорошо». Курва подзаборная: одного отобрали — она второго родила. От каких кобелей? Кто они? И кем вырастут пацаны, Тимур и Артём? Что за кровь в них?

— Успокойся.

— Да ну их...

— Готово! — Алексей подал очищенную и мытую картошку.

— Поставь пока на стол.

— Ну, что тут вам помочь? — появилась Таня. — Накормила оглоедов.

— Фарш подавай, — распорядилась Надежда.

Алексей вышел во двор.

Под виноградом уже стоял стол, накрытый скатертью, лавки и стулья вокруг стола. В тени было ласково, тепло: не жарко по-летнему и не зябко по-осеннему, как-то бархатно, будто запоздалое бабье лето вернулось с серебристым тенетником и тихой негой. А ведь завтра уже октябрь.

Чёрный кот с разорванным ухом не лежал , а расслабленно стекал с лавки. Маленький кобелёк на цепочке тоже наслаждался солнцем у ворот: лишь приоткрыл глаза на появление Алексея и вежливо вильнул хвостом. Вот — тоже: пять лет не видел Алексея, а помнит.

В этой золотой тишине звук яблока, упавшего на железный навес, был громоподобным. Яблоко скатилось с навеса под самы нос собаки. Кобелёк подпрыгнул и поволок цепь подальше от яблока. Много лет этой яблоне и всегда она была поздней. Но не настолько, как в этом году. И тогда не было навеса от веранды до соседнего забора.

У двора остановилась машина. И точно: Наташа с Валериком.

— А вот и мы!

Хорошо в гостях! Тебе внимание, ты в почёте, обязанностей нет — только добровольные твои прихоти. Молодёжь, внучатые племянники Карэн да Настя со своим Ромкой — посидела немного для приличия, да и отправилась по своим делам.

— Жаль, что не лето: на речку съездили бы, — сказал, прощаясь, Карэн. — До завтра.

Это был ритуал — на речку. Каждый приезд — обязательно. На этой реке детство Алексея с Василием прошло, там племянницы пропадали днями, а теперь уже и их дети Карэн и Настя.

— За тёрном сходим: может ещё не оборвали, — предложил Алексей.

— Посмотрим. Пока, дядь Лёш!

Стол был обильным, разнообразным — роскошным. И больше всего Алексею понравились «сининькие», баклажаны. Как их готовит-жарит Надежда, что за соусы-специи туда кладёт — неведомо, но оторваться невозможно.

— Вот это — еда, вот это — я понимаю! — Алексей встал. — Размяться, утрясти всё.

— Чаще приезжайте, чаще радоваться будем! — Это Наталья.

— Я уж, пожалуй, отъездился, теперь ваша очередь, племянницы да внуки.

— Нам же некогда, дядь Лёш: то — то, то — это, — вставил слово Валерик, — то ещё чего.

— Это ты мощно задвинул! А у нас и то, и это. И возраст, и ещё тридцать три болячки.

Алексей поднял с земли яблоко:

— Так что — заказывайте билеты и вперёд, на восток.

Протёр яблоко, хрустнул: сочное, сладкое.

— Не-е, дядь Лёш. Вам хорошо: приехал и уехал, а нам здесь жить, — опять Валерик.

— При чём здесь «жить — не жить»? И что за горе у вас тут такое, что мне хорошо, а вам вот — нет?

— Ладно, не обращайте внимания, — вступилась Наталья. — А ты что — не допил?

— Я не пью, — отмахнулся Валерик.

— Не пьёшь — так выпей, светлее станет. Будешь, как все. Или в «танчики» иди поиграй с Сержиком: компьютер свободен.

Валерик действительно не пил: то ли за руль ещё садиться, то ли здоровье: бледненький какой-то он, слишком беленький «брат бледнолицый». Карэн по сравнению с ним — негр. Приёмный сын и отчим зовут друг друга по имени. Да и внучатые племянники называют своих тётушек, Наташу и Татьяну, по именам. Странно как-то. Даже его, деда, внучата называют дядей.

— Да нет, я — ничего. Я просто о том, что гостить — не жить, — то ли извинился, то ли укорил Алексея Валерик.

— Валера! — повысила голос Наталья.

— Мне, что: собрать манатки и уйти к друзьям? — взвился Алексей.

— Дядь Лёш! — встала из-за стола Татьяна.

— Мам-мам! Котлету! — как двое из ларца возникли приёмыши Артём и Тимур.

— Брысь отсюда! — прикрикнула на них Надежда. — Нате! Брысь! Успокойся, Лёш!

— Я могу уйти, но я не уйду, Валера: это — мой дом. Был и есть. И на всю жизнь останется моим. Я здесь жил, когда вас не было и в помине: ни Надежды, ни Тани, ни Наташи. Тем более тебя, Валерик. Не съездил бы Василий в Спокойную, не нашёл бы Надежду свою — и не было бы вас. Никого. М ы с братом Николаем уехали отсюда, оставили Василия с родителями. А если бы не уехали? А если бы стали претендовать на дом? Так что извини, Валерик.

— Всё, всё, всё! По местам! — скомандовала Надежда. — Лёш, наливай!

И тут выскочил из дома Сержик, общий сын Натальи и Валерика:

— Пап! Пап! Я сейчас чуть не проиграл! Думаю: ну, всё — пропал! Сейчас появится Спайдермен и, наверное, будет сражение!

Сержик — точная копия Валерика: субтильный, беленький; он волнуется, даже задыхается от волнения:

— Но я вспомнил, что я в креативе, у меня много жизней! Меня даже не ранят: он меня не видит! Меня никто не видит!

— Я вижу! — смеётся Наталья. — Иди, сражайся.

Молча выпили. Алексей вытер губы:

— Вот и я в креативе, Валера. У меня много жизней: и здесь, и там.

— Да, ладно, успокойтесь, — Надежда снова наполнила рюмки. — Если бы не Валера, нам бы туго пришлось. За мужиков в доме!

На этот раз и Валерик пригубил.

Конечно, не сладкой сложилась жизнь у Надежды и её дочерей. Крушение планов, смещение целей покрылись коркой терпения и компромиссов, а то и поросли былью. И пришлось не строить жизнь, а пристраиваться к ней. Печаль и утраты вынуждали смирять свой пыл и норов и жить, как можно, а не как хочется.

На навес с грохотом упало сразу несколько яблок. Они прокатились по навесу и упали в соседний двор.

— Спилю её, надоело! И днём и ночью гремит. А яблоки — соседям. А они не знают, что с ними делать. Как чужая.

Валерик лениво, без аппетита, жуёт мясо, смотрит в одну точку и добавляет:

— И машине мешает.

— Эту яблоньку лет пятьдесят назад посадили: Таня родилась, — сказал Алексей. — Тогда не мешала.Да, нет, я понимаю, вижу: вон сколько тобой по дому сделано: и забор, и ворота, газ провёл и навес, кстати, сделал... Понимаю. И спасибо тебе за это. Всё так! Но как-то... поделикатней, что ли, надо, жизнь ведь...

— Ну, что: ещё по махонькой?

— Нет, нет, — запротестовал Валерик, — я к Серёжке, посражаюсь.

Солнце зашло и сразу стало по-осеннему зябко. Таня с Наташей убирали со стола посуду и разносили «по хатам»: в дом, где жила Наташа с Валериком, и во времянку, где всю жизнь жили отец с матерью, а теперь — Надежда. Включили свет над столом, под виноградом, и всё сразу преобразилось: стало уютней, мягче, интимнее, что ли.

— Хорошие у тебя девчата, — говорит Алексей Надежде, наблюдая за племянницами, — ладные, красивые, работящие.

— Хорошие, только имена дурацкие: Татьяна, Наташа. Да и Настя... Т-т-т: всю жизнь спотыкаемся.

— Сама же назвала!

— Сама, сама... Вон и мать твоя тоже — Наташа... Что за жизнь — мука.

Алексей обнял хозяйку:

— Теперь-то будем надеяться на лучшее. Так, Надежда?

— Будем, будем: надеяться — не работать, не трудно. Только от судьбы не уйдёшь.

Пожалуй, что и так. Это как от утра до утра, от дня прошедшего до дня завтрашнего, от года к году и от судьбы к судьбе: всё ясно и неведомо, радостно и страшно. И не выскочишь из пространства этой странной энергетики, не покинешь его, не сделаешь так, как тебе хочется; и в то же время никто не осилит твою волю, не перечеркнёт её, так как все магнитные линии уже начертаны жизнью. И будут женщины влюбляться и плакать, терять своих мужчин и падать от горя и безысходности, и вновь будут расцветать и становиться желанными, как эти падающие яблоки. Или нет?

— Всё, — Наташа поставила на стол чайник и чашки, — закончили. — Сейчас Валера отвезёт Таню с детьми.

— Прямо сейчас? — удивился Алексей.

— Да здесь полчаса езды, — объясняет Таня. — Да и дети куксятся, а здесь с ними вы не отдохнёте.

Валерик с Татьяной уехали, Наташа пошла укладывать Сержика и Алексей с Надеждой остались одни.

— Вот ты попрекаешь меня за Таню, — Надежда задумчиво помешивает ложечкой чай, — а сколько я с ними намучилась? С ними, да с внучатами... Девчонки и работают, и учатся, а я с малыми. А утром тоже на работу. Никакая приходила домой. Везде — одна. Василий и свёкр в один год ушли — хоть вешайся. Насте — два, Карэну семь лет. Как гири. Наташа хоть здесь училась в пединституте заочно, дома, да и Карэну было уже семь лет, большой. А Таня-то в Краснодаре училась. Денег нехватало, еды тоже... Я принесу остатки, что дети в доме ребёнка не доели — и рады. Что ты! Как выжили — не знаю.

Надежда наливает водки себе и Алексею:

— Давай! Чтоб не было того, что было.

Выпили.

— Я так толком и не понял: почему Таня и Наташа разошлись?

— Почему... Потому! Наташка бойкая была, а время такое... Бывало сижу дома, как подумаю, что там с Наташкой — сердце останавливается, дышать нечем. Общим, залетела она от армяна, а тот в кусты. Вася — к нему: убью, говорит, женись! Зарегистрировались. И разбежались. Уехал муж куда-то. Присылал крохи на Карэна. А Таня... Хохла какого-то себе нашла, торговал на базаре. Карэну было уже четыре, нет — пять, когда появилась Настя. Ну, этот регулярно алименты платил. Через два года мы похоронили наших мужиков. И остались четыре бабы во главе с Карэном-казаком.

— Да-а..

— Может, чаю?

— Нет, спасибо.

— А ты говоришь... Нужда вьелась, как ... не знаю... ржавчина. А эти двое, приёмные, не руки — жизнь оторвут.

Громко в тишине прогрохотало упавшее на навес яблоко и скатилось во двор соседей.

Алексей поднялся:

— Спокойной ночи.

3. Настя

...Мама выпрямляется, фартуком вытирает лицо и, приставив козырьком руку к глазам, смотрит вдаль. А в другой руке — серп. Он ещё влажен от травы и лезвие зеркально сверкает и ослепляет как молния.

На маме белая косынка, охватывающая лоб и завязанная узлом на затылке, кофта в горошек и тёмная юбка. Вокруг знойная даль и солнце. И звучит песня маминым голосом: «По-над лугом зелененьким».

Мама поворачивает лицо к Алексею, протягивает к нему руку, в которой оказывается стебель сурепки, и говорит, не размыкая губ:

— На, съешь, утоли жажду.

— Я хочу яблоко, — отказывается Алексей и отворачивается от мамы.

Мама истаивает, растворяется в июльском мареве, а на месте, где она стояла, возникает яблоня. Возле яблони Валерик с топором, вокруг женщины под мамино пение водят хоровод: Надежда, Татьяна, Наташа, Настя, дочь Алексея Валя и его внучка Оля и ещё, ещё... «Брала вдОва лён дрибненький...»

— Ешьте яблоки, — приказывает Валерик, — а то срублю!

— А они — райские? — спрашивает Надежда.

— Они — русские, — отвечает Валерик. — Райские — для Ев.

«Вона брала, выбирала...»

— Мы ещё не выбрали, — смеётся Татьяна.

— Дай попробовать, — требует Наташа.

— А мне вот то, красненькое, — просит Настя.

Гремит гром неизвестно с чего в ясном небе, женщины прячутся под крону яблони, а Валерик поднимает топор.

...Алексей просыпается и, не открывая глаз, слышит, как на навес падает очередное яблоко. Что их не собрать, яблоки? Говорил ведь: «Пусть детвора с навеса поснимают яблоки. Всем на пользу». Валерик затаённо молчит и Алексей подозревает (не без основания), что он спилит яблоню, как только Алексей уедет.

Алексей открывает глаза: уже светло, и сквозь ставни пробивается солнце.

Он уже две недели здесь. С погодой повезло: всего дважды шёл дождь, но он скорее освежал, чем охлаждал по-летнему тёплые дни. Алексей всё успел сделать: обелиск на могилу маме заказал, к Тане в гости съездил, родню обошёл, друзей и даже на море побывал. А завтра уезжает.

Он встал, оделся, вышел во двор. Просто удивительно: до сих пор тепло.

— Доброе утро, дядь Лёш! — это Настя.

— Доброе, доброе! А где род людской?

— Судьбу испытывает, — смеётся Настя. — Кто где: работа, дела — будни.

— А ты?

— А я — на хозяйстве, у меня отгул. Так, отпускник: личная гигиена и на завтрак, — приказывает Настя.

— Я утром не ем.

— Вот те на! Нельзя так в вашем возрасте.

— Я уже неисправим, как памятник.

— Тогда я в магазин.

Настя уходит.

Что же, чёрт возьми, происходит? Ведь всё будто бы хорошо, у всех: всё наладилось и живёт-катится, чего же ещё? Но что-то томит и угнетает, вынимает душу на сквозняк, и нет тебе тепла и облегчения. Вот и сон этот: что это?

Алексей поднимает яблоко, протирает, откусывает. Вечная (неизбывная!) судьба причаститься добру и злу, вкусив райского яблочка. А потом жить, бунтуя и смиряясь, обретая странную гармонию в противостоянии и борьбе.

В полдень Надежда позвонила Насте:

— Накормила отпускника?

— Отказывается, бунтует.

— Он такой. Борщ ему разогрей и котлеты. Молоко в холодильнике.

— Вот, получила инструкции.

Настя со свадебным платьем в руках крутится у зеркала.

— Красивое? — спрашивает она у Алексея.

— Роскошное!

— Три года примеряю.

— Зато оно тебя в форме держит. Извини.

Настя зыркнула на Алексея и сказала безо всякого перехода:

— Опять здесь, у школы, армяне подрались. Прямо ужас. Машину мужику разбили. Он сбежал, а они — машину. — Повернулась к Алексею, — хорошо, дядь Лёш?

— Прекрасно. А что драка-то: вчера что-то не поделили, а сегодня?

— Второй тайм.

— Слушай, Насть, ты же говорила, что никогда не выйдешь замуж за армянина. Влюбилась?

— Так это же Ромка! Какой он армянин? Он же — гусар Кавказа!

— Странно звучит.

— Ну, он же — русский, как Багратион!

— Даже вот как? Тогда конечно.

— Я-то ничего, а вот Юлька!

Юлька — соседка и подруга, с детства.

— Юлька говорила: «Если и выйду за кого замуж, то уж точно не за мента, тем более за Козлова». А вышла именно за Козлова! Представляете? Мало того, — Настя поворачивает смеющееся лицо к Алексею, — именно за по-ли-цей-ско-го! Вдохновляет? Правда: он — «краповый берет». Ой, я же борщ разогреть должна вам! Держите!

Она бросает платье Алексею и бежит во времянку.

Года три назад Виктор, второй муж Тани, погиб, разбился на машине. Ровно за месяц до свадьбы Насти и Ромки. Свадьбу отложили. Настя билась в истерике, сутки не снимала с себя вот это свадебное платье. Потом сказала Ромке: «Уходи». Что к чему — непонятно, её не трогали: не корили, не увещевали. Через месяц она выпила залпом стакан водки и сказала: «Всё». И опять непонятно. Но к Новому году отошла, и на свой день рождения, в крещение, стала почти прежней: ровной, умной, красивой.

А свадьбу перенесли на лето.

А летом, за месяц до свадьбы, умерла бабушка Ромки. Мистика какая-то! О свадьбе больше не говорили. Табу.

— Живите так, — вздохнула Таня, — живут же люди.

Но через год, ровно через год (!) Настя ушла от Ромки. Почему — не сказала, молчала. Но в соцсетях записала: «Цени тех, кто терпит твои вечные психи». Ромка избегал встреч с роднёй Насти, только с Карэном виделся на работе.

И вот — свадьба на ноябрь. Знал бы Алексей об этом, передвинул бы отпуск.

Нет же, молчали. Хотя понятно почему.

— Зачем в ноябре? Грязь месить, — ворчливо жаловалась Надежда Алексею — Ни зима, ни лето, так...

— Причём тут грязь? Не дома же. Кафешку какую-нибудь снимут.

— Кафешку-...уешку... Сами бы... Деньги лишние, что ли?

— Да ладно тебе, Надь! На свадьбу, поди, заработали.

На другой день Алексей поговорил с Настей и Ромкой.

— Отпразднуйте после Святок: на твой день рождения, Настя — на Крещение. На Руси самые счастливые свадьбы игрались после Святок. Это же здорово, Ром!

Засомневались ребята. Пусть думают. Не вредно.

4. Покров

В субботу, на проводы Алексея, собралась та же команда, что отмечала и его приезд. Да позвали ещё и его одноклассника, кума Надежды — Владимира Тимченко. Алексей заходил к нему в гости, а теперь вот, вроде ответное приглашение.

Тимченко принёс полотняный мешок чищеных грецких орехов:

— На, вот, Самоня, орехи. Грызть будешь для ума, если есть чем грызть. Или внукам балбесам отдашь.

Фамилия Алексея — Самонин, и в школе у него было прозвище «Самоня», а у Тимченко, соответственно — «Тимоня».

— У меня, Тимоня, умные внуки.

— Вот и закрепляйте, этот, как его... инти... инти...

— Интим, — подсказал Карэн.

— Дуртим, — осадил его Тимченко. — Не знаешь, так помолчи.

— Хотел умное слово сказать, да ума нехватило.

— Кому, вам? — обиделся Карэн.

— Мне, мне. Хотя у тебя его тоже не лишка. Интеллект — во!

И снова, как две недели назад, накрыли стол во дворе: странно, но день выдался тёплым, даже немного душноватым. А ведь сегодня — четырнадцатое октября. И Алексей не преминул напомнить об этом в застолье:

— Погода какая-то необыкновенная: когда октябрь здесь был таким?

— В честь вашего приезда, дядь Лёша, — улыбается Таня.

— Чаще приезжайте и погоду с собой привозите, — добавила Наташа, — за вас!

Выпили.

— Бакс, морда! Обнаглел! — это Наташа своему пекинесу, выхватившему кусок из рук Сержика.

— Американцы — они такие, — отреагировал Тимоня. — Не то, что...

— А у нас уже первый снег, — задумчиво произнёс Алексей. — Через месяц ляжет окончательно. В старину девушки говорили: «Батюшка Покров! Покрой землю снежком, а меня женишком!»

— Прямо так и говорили: «женишком»? — удивилась Настя.

— Именно так. Потому что пришло время свадеб. Полтора месяца до Филипповского поста, а потом — только после Крещения.

— Понял, женишок? — повернулась Настя к Ромке.

— Что — понял?

— Когда свадьбу играть?

— Когда скажешь.

— Вот я и говорю: январь. Новый год — новая жизнь. Мой день рождения и день рождения семьи. Вот тогда у нас и будет покров с женишком. — Она со значением посмотрела на Ромку. — И мы с Ромкой приглашаем вас, дядь Лёша, на свадьбу.

— Спасибо.

— А Покров — он кто? — спросил Ромка. — Нет, ну почему так говорят?

— Это — матерь божия, темнота, — поднял палец вверх кум Тимченко.

— Как это? Покров — он, покров — матерь божия?

— Покров — это просто платок, — уточнил Алексей. — Есть легенда о том, как богоматерь спасла христиан. Много веков назад мусульмане взяли в осаду Константинополь. А там — христиане. Они бы все погибли. Но богоматерь накинула свой платок, «простёрла покров» над горожанами и как бы спрятала их. И мусульмане ушли. В честь этого спасения и учреждён был праздник Покрова божьей матери, или коротко — Покров.

— Вот и я говорю: матерь божия, — снова поднял палец Тимоня.

— Получается, что сегодня праздник! Валера, наливай! — распорядилась Надежда. — За Покров!

Ближе к вечеру с запада надвинулись тучи, тёмные, беспросветные, и закрыли солнце. Этот тёмный вал разрастался, охватил полнеба и двигался на восток.

— Как бы дождя не было, — встревожилась Надежда. — Давайте потихоньку перебираться в дом. Наташа, Таня, накрывайте там стол.

Небо на востоке побелело и на землю опустился странный свет: будто невидимое солнце осветило землю. И свет почти физически ощущался белым и в то же время каким-то потусторонним. И если существует понятие «белый свет», то день и небо над ним сейчас были его реальным воплощением.

Сильный порыв ветра сквозанул по кронам деревьев, срывая стаи листьев, шумом и свистом предваряя бурю. Яблоки посыпались на навес как из корзины, пугая своим грохотом белый свет.

И вдруг стало тихо.

— Дети — все во времянку. Тань, ты с ними? — спросила Надежда.

— Конечно. Давайте быстро, быстро, — поторопила Таня малышню. — Все в дом и никому не выходить!

Полыхнула молния, и грянул гром. Где-то зазвенело разбитое стекло.

И хлынул дождь.

За стол не садились — смотрели в окна, и второй разряд молнии застал людей врасплох. Все, кто стоял у окна, выходящего на улицу, отпрянули, инстиктивно закрыв глаза. И обрушился гром. Молния ослепила гостей настолько, что потом ещё несколько минут они восстанавливали зрение: тёрли глаза, моргали, трясли головой — приходили в себя.

— Я ослеп, — пробормотал Ромка.

— Это от счастья. Я здесь! Ау! — Настя встала на цыпочки и поцеловала Ромку.

— А у меня рука отошла! — воскликнул Тимченко. — Рюмку не мог поднять правой рукой, а теперь — туда, сюда, туда, сюда — чудо!

— С двух рук будешь пить, — сказала Надежда, промокая салфеткой слезящиеся глаза.

Алексей с Валериком, смотревшие в другое окно, вышли на крыльцо. Дождь стоял стеной, а резкий запах озона пронизывал, казалось, насквозь. За воротами, на улице, дымил и парил ствол старого тутовника: видно в него ударила молния.

— Ни хрена себе, — пробормотал Валерик.

И эта фраза вместила в себя всю невероятность случившегося: а если бы молния ударила в навес или в дом — даже представить жутко, что было бы.

Тёмные свинцовые тучи уходили на восток, клубясь и закатывая белый свет. Было темно и страшно. Но вот на западе стало светлеть, и душа обмякла и перестала рыскать. А потом и золотой луч вечернего солнца прорвался и дождь — как рукой отвели: ушёл вместе с тучами на восток.

«А сон-то был в руку», — подумал Алексей.

На крыльцо стали выходить участники застолья.

— Что это было? Просто ужас! — Настя вместе с Валериком вышла за ворота. — Вот тебе и Покров божьей матери.

Ствол тутовника был расколот и слегка парил. Крона обгорела и была чёрной. Валерик стащил с дороги на тротуар обломки, посмотрел на дом и снова повторил:

— Ни хрена себе...

— Ещё бы чуть-чуть — и в дом. — Настя стояла с прижатыми к щекам ладошками. — Господи!

Стали подходить соседи:

— Господи, что делается!

— Как вы, ничего?

Валерик молча помотал головой.

— Живые пока, — вышла из калитки Надежда. — Заходите, Настя.

— За это надо выпить, — предложил Тимоня и поднял правую руку, сжатую в кулак: «Но, пасаран!»

— Пошли, пошли, — развернула его Надежда.

Всё — расстроилась балалайка: не звучит. Какую песню ни возьми — всё не в лад. И хотя рука держит стакан, и мелодия ещё помнится — нет, не принимает душа прежней песни.

Радоваться надо бы: беда мимо прошла, а вот — нет, даже на улыбку сил не хватает. Гости подавлены, находятся в каком-то послешоковом оцепенении, будто жизнь из них извлекли. И только детям весело и не страшно.

— И тут как бабахнет!

— А Тимур — под кровать!

— А мне не страшно было. А тебе, мам, страшно? — Спрашивает Сержик у Наташи.

— Нет. Мы же в креативе были и молния нас не увидела, — отвечает Наташа и прижимает Сержика к себе. — Мы спасены.

— Ну, что — стременную? — уловил настроение кум Тимченко. — Смотрите, как правая-то у меня!

— Давай, — вяло поддержала его Надежда.

— Да что вы, как эти... Жили и будем жить!

Будем, будем — куда мы денемся. Прав Тимоня. Без веры душа пуста и голодна, как без радости и надежды. Конечно, будем.

Но не даёт покоя вопиющее неравенство: великая малость человеческого существа и великое множество бед и тревог в его судьбе, их повторяемость и цикличность. Не утешает и то, что беды и тревоги конечны и на смену им приходят радость и счастливая жизнь.

Пора готовиться к новому циклу.

И горе и счастье назревают и созревают естественно, как плоды, и скатываются в другую судьбу, меняя чужую жизнь. Иногда даже кажется, что они растут из одного корня, имя которому — человек.

Ах, как хочется, чтобы периоды бед были короче, а счастливых дней было больше. Дай-то, бог! И пусть яблоки падают и падают, до Покрова и далее, насколько возможно.

Поздно вечером вызвали такси. Таксист-армянин почему-то спросил Алексея:

— Куда!

— Домой, на вокзал.

На вокзале Алексей отослал телеграмму по адресу, который только что покинул: «Будьте счастливы!»

г. Челябинск

Валерий Мякушко

Ностальгия

Это чувство появилось произвольно и внезапно, когда Олег решил уже окончательно, что принимает предложение Ирины и переезжает в столицу.

С москвичкой Ириной, миловидной стройной женщиной лет под сорок, он познакомился в туристической поездке на теплоходе по Каме; что-то потянуло их обоих в сердце России. Он, как соприкасаемый на своей работе с оборонной тематикой, не мог податься, например, в облюбованные россиянами Турцию или Египет, она же поджарке на солнечных южных пляжах, где побывала раньше, в условиях осложнившихся международных отношений заграница предпочла познавательный маршрут в настоятельно рекомендуемым

внутренним туризмом средних широтах. Их попутчиками были в основном небогатые, но имеющие достойное содержание люди старшего поколения, иногда прихватившие с собой в воспитательных целях и в принудительном порядке юных наследников, скучающих и не находящих себе места в ограниченном пространстве. Так что такие обстоятельства способствовали сближению его с Ириной, что сделать было нетрудно, как бы случайно ставши совсем рядом среди теснящихся у борта туристов, наблюдающих за швартовкой судна, и комментируя этот процесс. В столовой их столы оказались близко, так что легко было подгадать момент, чтоб оказаться у выхода одновременно, прогуляться по палубе, прежде чем разойтись по своим каютам. Они были люди, разведённые и свободные, так что вскоре сошлись очень близко. И свою первую после отпуска командировку в Москву, куда ездить приходилось довольно часто, он остановился не в отраслевой гостинице, как обычно, а у неё.

— Пока сын служит в армии, места хватит, — сказала она.

Так через некоторое время они решили, что будут вместе. Где? Конечно, в Москве, и это было почти само собой разумеющимся, по крайней мере для Ирины. На эту тему они говорили лишь один раз и то вскользь. По-видимому, по наущению подруг однажды она сказала ему:

— Ты хочешь воспользоваться мной, чтоб переехать в столицу?

— Глупость какая! Поехали в наш город. — И добавил шутливо на мотив песни: — Упеку тебя я в тундру, упеку в тайгу...

— Нет уж!

Как и большинство жителей столицы, с её даже неиспользуемыми в полной мере возможностями чувствующих себя в центре жизни, она не представляла, как можно оказаться вне этой среды, где-то в неблагоустроенном ограниченном пространстве периферии, словно оказаться в ссылке, и Олег понимал это. Счастье родиться и жить в столице! Как-то он рассказал ей о своём уютном чистеньком городке на берегу озера, с видом на вершины гор, с лесами у их подножия и почувствовал, что это её совершенно не интересует.

Раньше, как все приезжие, Олег не представлял, как можно жить в суетной шумной столице, среди нагромождения заслоняющих пространство высотных домов, несущегося в непрерывном потоке по широким улицам транспорта, переполненных спешащими людьми метро. Но, как он заметил теперь, ничто не тяготит, когда твой маршрут повторяется, перестаёшь замечать его и окружающих, даже стоящих плечом к плечу, а когда оказываешься в уютной квартире, это городское окружение перестаёт существовать.

Так что всё было решено.

Без проблем он нашёл работу, даже на выбор: людей говорящих и пишущих, торгующих и что-то навязчиво предлагающих, поющих и танцующих, гадающих и псевдолечащих, и вообще неизвестно чем занимающихся в столице миллионы, а способных что-то сделать, умелых рук и знающих специалистов большой дефицит. Мог без проблем устроиться на каком-либо из предприятий, которые посещал во время командировок.

И вот, когда всё уже шло по-намеченному и он почувствовал себя жителем столицы, в глубине души вдруг появилось какое-то смятение, необъяснимое чувство тревоги... А началось оно с увиденной по телевидению картины: в жухлой высокой траве на склоне горы полулежал уставший от работы косматый бородатый дед, устремив свой взгляд в даль, на простирающуюся внизу долину, где протекала, поблёскивая тихими заводями, речушка. Другой, лесистый берег её круто поднимался вверх, к синеющим вдали вершинам. Что-то говорило о проходящей на этих просторах жизни, её ощущении начиная с босоного детства до седин, от начала до конца, слиянии, единстве времени с этим пространством... Мимолётная трогательная элегия, подумал он, но вдруг ему очень захотелось посмотреть эту картину ещё раз, при повторении программы. И ещё, ещё... Она вызывала те же, но ещё более обострённые чувства. И теперь, будь то новости или фильмы, где в глуши строили дома и пахали землю, воздвигали мосты и прокладывали дороги, тянули с уловом сети, боролись с потопами и лесными пожарами, возникали те же тревожные чувства, будто он... предал всех тех людей и сбежал.

— У тебя какие-то проблемы? — заметила что-то неладное Ирина.

— Да нет! — не стал ей говорить о том, что сам себе не мог объяснить.

Их небольшой городишко, с одним градообразующим предприятием, никогда ещё не показывали по Центральному телевидению. Да и те просторы, которые показывали, были от него так же далеки, но вид их вызывал непроизвольное смятение...

...На две тысячи километров с севера на юг, от суровой тундры до степных просторов протянулись разделяющие Европу и Азию, возвышающиеся над сплошными лесными массивами горные хребты. Вот и медведь, чем-то занятый хозяин леса. Решил почесать спинку о дерево. Заметил, что на соседнем дереве подвешен улей. Соображает: может мед-

ком удастся побаловаться? Пока бортники не приехали. Верхом на лошадях, иначе сюда не добраться...

... Байкал — жемчужина Сибири. Только что сошёл лёд, и рыбаки готовятся к выходу в море — так иногда называют это озеро: чинят сети на улов омуля. Этой небольшой деликатесной рыбки, которая водится только здесь, в чистейшей прозрачной воде...

...На космодроме «Восточный» готовятся к запуску тяжёлой ракеты «Ангара»...

Ну, какое дело ему ко всем этим горам, лесам, озёрам, ракетам? Бортникам, рыбакам, инженерам космодрома и вообще миллионам жителей страны, не помышляющим о жизни столицы? Живущим в своём мире и в просторе лесов и степей, морей и озёр, у открытых дверей в космос... Наваждение какое-то!

А вот и места, совсем близкие к родным...

Олег подошёл к окну, взглянул как будто впервые на сплошные высотки, за которыми ничего не видно. Даже с высоты этой квартиры, до которой на лифте до пятнадцатого этажа плюс два этажа пешком.

И понял, что жить здесь он не сможет.

г. Снежинск

Сергей Салтыков

Русский запой

Дочь открыла дверь в квартиру своим ключом. Отец, белее простыни, лежал на диване. В мутном взгляде еле-еле теплилась жизнь. Пересохшими губами он прошептал: «Здравствуй, доченька!»

Две недели запоя пронеслись, как одно мгновение.

Она налила и подала стакан с минеральной водой.

— Я принесла тебе куриный бульон.

Он зачерпнул бульон, но трясущаяся рука не могла донести ложку до рта. Дочь взяла ложку и стала кормить отца. Медленно, заботливо, как кормят маленьких деток или тяжело больных. Он неторопливо глотал и смотрел на неё глазами преданной собаки. С лица градом капал пот. Бережно, ласково она вытирала полотенцем лицо больного.

— Организм принимает пищу. Значит, будем жить, — сказал он.

— Папа, зачем ты пьешь, ты ведь молодой, я могу тебя потерять.

Он виновато посмотрел на кормилицу и, грустно улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, доченька, как после этого хочется жить!

Взгляд остановился на иконе Иисуса Христа, которая висела на стене. Господь многозначительно смотрел на хозяина квартиры, и тому на мгновение показалось, что Иисус пригрозил указательным пальцем.

Ох, уж эта русская душа, без края и без меры. Нужно её так далеко загнать в тёмный угол, уронить на такое дно, чтобы потом, содрогаясь и каясь за издевательства над ней, стиснув зубы и крестясь несчётное количество раз, благодарить за то, что она есть.

И как верный друг она с тобой всегда и до конца.

Оригинальная комбинация

День был тяжёлый. В голове назойливо вертелась мысль: «Где ошибся? Почему проиграл?»

Ему за шестьдесят, он профессиональный игрок в покер. Играть начал ещё студентом, потом с коллегами в НИИ. Участвовал в соревнованиях. Вступил в городской клуб, где такие же, как он, не рекламируя, играли на очень хорошие деньги. Всё получалось, выигрывал чаще, чем проигрывал. А что сегодня? Начало было хорошее, а потом? Не так просчитал? Сильные игроки? Мозг буравили надоедливые мысли, что что-то не так. Последнее время жизнь протекала плавно, однотонно, однообразно день за днём, как электричка, идущая строго по расписанию и по одному и тому же маршруту.

И всё бы ничего, но как-то неуютно, чего-то не хватало.

«Да, был бы я еврей, — подумал он, — был бы мудрей, лучше просчитывал игру, без эмоций». В голове появилась еще одна странная мысль: «Будь он на четверть еврей, на четверть немец со своей педантичностью, на четверть англичанин — истинный спокойный

джентльмен, и на четверть — русская душа. Чем не идеальный мужчина на все случаи жизни».

Он рассмеялся и сказал вслух:

— А что, стоит попробовать, завтра и начнём.

Начал. Прошла неделя, вторая, месяц, второй месяц. Эксперимент продолжался. Стал задумчиво-многозначительным по-европейски. По делу и вовремя давал дельные советы. К месту рассказывал короткие весёлые анекдоты. По-немецки стал жутким педантом и гонял семью, чтобы всё лежало на своих местах, выполнялось вовремя и по установленным правилам. Вся семья по-английски объедалась овсянкой, которую неумело сам и готовил, Домашние замучались ходить в пижамах и тапочках. А чем возразишь? Основные деньги зарабатывал глава семьи.

А ещё он стал откладывать деньги на чёрный день и на похороны. Жена на всё смотрела косо, с удивлением и не понимала, когда и чего ещё ожидать.

Сын чурался отца и однажды сказал:

— Пап, перестань копить, что мы тебя не похороним, что ли?

Внучка долго присматривалась, а потом сказала:

— Дед, раньше ты был лучше.

Он и сам чувствовал, что что-то не так, будто внутри у него четверо. Да и в покере дела пошли неважно. Друзья заметили перемены, и близкий друг затащил его в гости к своему приятелю.

Мужики устроили хорошую русскую пьянку. Вспоминали весёлые приключения из детства. Спели песни: «Ой, мороз, мороз...» и про танкистов: «Моторы пламенем объяты, и башни лижут языки...» — песни на все случаи русского застолья.

А ближе к утру он почувствовал, что, как шкура со змеи, слетела вся его блажь, и заорал:

— Я русский, ё-мое, ру-у-у-ский! — и тихо добавил: — Кем родился, таким и сгодился...

Друзья посмотрели на него затуманенными взглядами, ласково похлопали по спине.

— Вот ты и вернулся, блудный сын, — сказали и разлили остатки водки по стаканам.

Светало. Его радостное сердце стучало у самого горла и било в виски.

Телефонный разговор

— Приезжай, брат! Приезжай! Скучаю!

Пауза.

— Скучаю, брат!

Пауза.

Что-то в этом голосе было настораживающим и незнакомым. Первая моя мысль: сорваться и уехать к нему в Нягань.

А я: «Брат! Ты же знаешь, что на мне сейчас внуки. Как они без меня!»

Пауза.

— Придумай что-нибудь, — сказал он. Может, кто-нибудь подменит тебя. Я тут один. Совсем один, тоска. Наташа у внучки в Краснодаре.

Пауза.

— Сейчас у нас осень. Красиво. Приезжай, брат! Побродим по осеннему лесу. Сашка свозит на рыбалку, посидим у костра. На недельку, да хоть дня на три, четыре.

Пауза.

Мой мозг предательски просчитывал варианты, не замечая и не чувствуя, как сердце пытается подсказать правильный ответ. Мозг выдал: «Ты же приедешь на мой юбилей через два месяца, в декабре».

Пауза.

— Ну, хорошо,— грустно сказал брат. — Береги себя, — и отключил вызов.

В начале ноября его не стало. Скоропостижная смерть. Сердце остановилось. Сейчас я вспоминаю наш разговор, и то, как после смерти отца, мама тоже часто, грустно и с надеждой говорила в телефонную трубку: «Сынок, ты заедешь сегодня?» А я отвечал: «Мам! Я же вчера у тебя обедал. Извини, сегодня много дел. У тебя что-то случилось?»

В ответ: «Нет, но что-то очень грустно».

А теперь я кричу в чёрную пустоту ночного неба во всё горло: «Мама, папа, брат — приезжайте! Я заварил вам крепкий чай и купил ваше любимое печенье!»

Пауза. Пауза. Пауза.

г. Челябинск

Вячеслав Тюнькин

Письмо

Отца у Вовки забрали ночью. Под покровом темноты приехали. Как воры. С тех пор не было о нём ни слуху, ни духу. Где он? Жив ли ещё? Может быть, кто-то и знал, но на все разговоры о Вовкином отце был наложен негласный запрет. Вокруг рубленого с вычурными наличниками, расписными ставнями и петушком на коньке пятистенка, где осталась тётка Лиза с погодками — Вовка младшеньким был — выросла невидимая стена. Ещё вчера дружные и приветливые соседи стыдливо прятали глаза при встрече, торопливо, как бы не замечая, проходили мимо, перестали звать и ходить на посиделки. Только украдкой сочувственно вздыхали. Сама тётка Лиза постарела в одночасье, стала угрюмой, молчаливой. С каким-то остервенением пласталась она на колхозной ферме. Что твоя стахановка. Да толку-то: бригадир даже наедине похвалить боялся.

А у ребятни голопятой — своя жизнь. Сыты худо-бедно, да воля вольная, пока родители на работе. Те, что постарше, конечно, наравне со взрослыми за трудодни горбатятся. Мелюзге — вольготнее. Кому батянька лук смастрячил — по нахальным воронам стрелы пускать, кому — барабан, кому — ходули. А Гришкин, хоть и пьянь да голь деревенская, красивые треугольные пузырьки из-под одеколона грудой высыпал в подол рубахи. На них ещё картинка была: ну... девка такая... красивая в платье красном... танцует ещё. «Кармэн». А иного-то в сельмаг и не завозили. И Гришкин батька всё — подчистую — скупал. И завсегда от него, как от барышни этой кисейной пахло. Правда, не жмотился Гришка — пузырьки эти раздавал налево-направо, кто ни попроси. Один Вовка — ни игрушек от бати, ни подзатыльника... Зато был у Вовки друг закадычный — годика этак на два постарше, в пятый класс перешёл, Лёнькой зовут. Завсегда и заступится, и ломоть хлеба ржаного с кружкой молока не пожалеет, и стибренным с маслодавилки жмыхом поделится. И так жалко ему на Вовкину безотцовщину смотреть — аж слёзы сами на глаза наворачиваются...

— Вов, а Вов... А где батька-то твой?

— Да не знаю я. Сказывают: ГПУ какой-то забрал.

— А зачем?

— Дак, спросил я маманьку однова. Она тряпкой мокрой отхлестала, а потом всю ночь плакала. Я чуть из дому не утёк...

— Вов, а давай письмо в Москву напишем. Так, мол, и так. Расспросим обо всём.

— А кому?

— А Сталину. Он обо всех нас заботу имеет. Может, прикажет возвернуть батьку-то твоего.

— А дойдёт письмо-то? Вдруг потеряется.

— Да... До Сталина, может, и не дойдёт — занятой он очень... Знаешь, а давай лучше Берии напишем! Он ведь у Сталина — самый главный министр.

— Дак я писем-то отродясь не писал. Не умею я.

— Ну, давай, я напишу, а ты — подпишешься.

— Давай... Только ты хорошо пиши. Жалостливо.

— Замётано...

Прошло две недели...

Вовка с Лёнькой каждый божий день ещё за околицей на росстанях встречали почтальоншу — румяную грудастую разбитную восемнадцатилетнюю Нинку в тёмно-синем форменном поджаке с золотыми пуговками. На них ещё герб СССР выдавлен.

— Что, кавалеры? Никак на свиданку прибежали? Да как же я из вас двоих выбирать то буду? Лучше уж по одному, по очереди приходите.

— Нин, а нам письма нету?

— Да пишут, поди что ещё. Пишут...

Ответ пришёл через месяц. Да не с Нинкой.

Пашка — брательник Лёнькин старшой по графику в сельсовете дежурил.

Смотрит, машина мягко так подкатила. Прямо к крыльцу. Вышли трое, в сапогах хромовых, на подошве лёгкой кожаной, в суконных галифе синих, с такими же синими петлицами на болотного цвета кителях. И фуражки — с синим околышком. Не поздоровались. За столом расселись. Бумаги из портфеля разложили... А у Пашки — как шило в одно место воткнули: почерк-то Лёнькин на листочках тетрадных! Холодной испариной покрылся. Да, слава Богу, спрашивать-то про Вовку стали. Искать послали. С порогу — ветер в ушах! — домой.

— Лёнька, сукин ты сын! Что ты там и кому, дурья твоя башка, писал?

— Письмо...

— Кому?

— Берии... Лаврентию Палычу...

— Дубина стоеросовая! Как вот всех нас заарестуют из-за тебя. ГПУ приехало. Вовку кличут.

А слухи то по деревне — пуще сорок летают. Тётка Лиза — белее мела — с фермы бежит. На ровной дороге спотыкается. Соседи, молча, глазами провожают. Старухи мелко крестят вслед. Села на крыльцо прямо под флагом красным, а подняться да войти — ноги не слушают.

Вовку привёл Гришка. Они за гумном самокрутки крадучись смолили.

— Так это ты, что ли, оголец, письмо-то писал?

— Я...

— А зачем? Надоумил-то кто?

— Никто... Просто узнать хотел про батяньку...

— Запомни, пострел: «Батька твой есть враг трудового советского народа». А потому, живи, покуда живётся и не рыпайся. Не то сгинешь вслед за батькой своим. Понял?

— ...Понял...

А когда после войны брательника Вовкина свадьбу играли, он фамилию женину взял. Воробьёв. Так Вовка — за стол не сел:

— Тоже мне — фамилия... Птичья какая-то. Я от своей не откажусь — Гинцы мы. А тебе, Лёнька, за письмо спасибо.

Без вести пропавший

Подъесаул Николай Кононов пропал без вести в 1914 году. А приключился конфуз этот, когда сотня казачья под перекрёстный обстрел австрияков попала. И рана-то пустяшная была: кожу на виске осаднило, а очухался — в госпитале. Поначалу ничего и понять не мог: говорок-то у сестричек знакомый вроде бы, а понять — так через два-три слова, и то серединка на половинку. Потом разобрал-таки: Болгария... Вот те на! А сестричка одна дюже приглянулась: лицом смугла, брови — что твои соболя, глаза — как у Казанской Матери Божией — вишни спелые, а коса — чуть ли не до колен, чистым шёлком льётся... Цветаной кличут. Как стрельнёт вишнями-то спелыми — аж сердце заходится. Пропал казак. И в жизни ничего больше не надобно — только бы в глазах этих утонуть и не вынырнуть. Пуще омута. Так и остался Николай в Болгарии.

Русский мужик, если руки к месту приделаны, завсегда и везде проживёт. Да только уж так повелось на Земле, что счастья большого не даётся на долго- то. Три года лелеял, на руках носил зазнобу свою, ублажал, как мог. А в семнадцатом — померла Цветана родами. Ещё вчера радости и достатка полон дом был... А теперь — во всей Болгарии жисти нет. Всё её напоминает. Невыносимо... Хотел домой возвернуться, да вести из России нехорошие: горит земля русская, брат на брата — в штыковую прёт, голытьба подзаборная в силу вошла, стреляют, вешают почём зря, справному хозяину и спасения нет...

А, вольному — воля! По земле побродить да мир посмотреть. И подался подъесаул в Италию. На виноградниках побатрачил, виноделию выучился. Лиры в кармане зазвенели. Своё питейное заведение открыл. О родных местах в память нарёк: «ТРАКТИРЪ». Вино италийское, брага да сыта русская, матрёшки рукодельные, другие безделицы всякие... Повалил народишко: и местные мужички, и туристы там всякие. Новое дело, да споро пошло. А однова зашла молодуха одна. Глянул — сердце оборвалось... «Почто, Господи, разума лишаешь? В чём грешен перед ликом твоим? Не сам ли домовину ладил да крест на могилку тесал? Цветана... Как только вечор простились... Только косу обрезала...». Обезумел. Навстречу кинулся. Да конфуз вышел. Француженка. Мари зовут. Вроде как Мария по-нашему. А сердце -то уже... Да только не нужны сердцу переводчики. Коли два сердца друг для друга народились — завсегда они сами сговорятся.

Вот так и оказался Николя — это Мари его так величала — в Германии, где супружница его новая магазины держала. Неловко показалось с такой-то женой полуграмотным вековать, учиться надумал. Да и на диво себе самому университет осилил. На крупповский завод инженером определился. Дочурка — красавица, как светлый месяц, народилась: личиком — в матушку, а кудри — русые — в Николя. Жить бы да жить, слава Богу — ума не занимать. А как война-то началась, умная голова и от мобилизации уберегла: умеют Круппы специалистов беречь. А то как бы супротив своих-то воевать? Не по-людски это. Вот так и очутился бывший без вести пропавший подъесаул Николай Николаевич Кононов к 1945 году — в Берлине...

Заводы стояли. Победители наводили свои порядки. Разбирали завалы. Собирались очереди у пунктов раздачи продовольствия. Давно не слыханная русская речь тревожила,

манила на улицу. Пристально всматривался Николай в лица солдат, по большей части — улыбчивые: «Войне конец. Живы — и слава Богу. Домой скоро. Домой...» Мари всякий раз прощалась глазами, молча, тревожно.

На Unter den Linden трое русских в новеньких щеголеватых мундирах допрашивают немолодую пару. Не ладится: через каждые два-три слова — только мычание да красноречивые жесты. Подошёл. Предложил помощь. Вроде, обрадовались. Споро пошло. Отпустили задержанных. А Николая — вслед окликнули: «Э-э... ты погодь, откель такой выискался?». Объяснял долго и путано. Потом снова объяснял в комендатуре какому-то полковнику. Потом — соседям по нарам в вагоне полускотском. Потом — соседям по нарам на строительстве Рыбинского водохранилища... Десять лет — по лагерям... А что там с женой? С дочуркой единственной? Даже весточку о себе не передал — отказали. Реабилитировали — вчистую — только в 1961. А толку? Домой не отпустили. Правда, письмо — дозволили. Мари не сразу простила: «Ты, Николя — чёрная русская душа! Пропал — ни слова, ни полслова! Бросил!» А как всю-то правду отпишешь, если после каждого письма в «органы» вызывают, ненавязчиво так намекают, что прекратить переписку-то надо бы... Посылки от Мари — не пропускают, фотокарточки — в обе стороны не позволяют. Так и перестала Мари писать. Только и ведомо, что в свою Лотарингию вернулась.

И оказался Николай Кононов, бывший подесаул, на всей земле русской никому-то не нужным. Чужим. На Руси не нашлось, видать Цветаны. Да и найдись она — можно ли православному при живой-то жене другую семью заводить? Не по божески... Однова улыбнулось, вроде бы счастье: брат старшой в Бузулуке сыскался. Да не признал брательник-то поначалу: «Да нету у меня брата — ещё в Первую мировую сгинул...». Пригодились воспоминания детские, сокровенные. Да всё одно — так и не сроднились. Много воды утекло. Быльём да мохом поросло. Никогда Николай нахлебником не был. На стройку разнорабочим устроился — документов-то никаких. А потом — вообще в Зауральск перебрался.

Вот тут-то и свела судьба его с учителем истории Леонидом Иосифовичем, который и стал ему единственным настоящим другом. Нашлись общие воспоминания. Три года Леонид в Германии — в плену — мыкался. Лагерь неподалеку от Берлина размещался. На расчистку завалов пленных и гоняли. Может быть, даже встречались на улицах... Так или иначе — навроде земляка, что ли... Иосифович и слово перед начальством замолвил: «Что это у вас, дипломированный инженер лопатой щебёнку гребёт? А говорите, ИТР не хватает». Пригласили. Побеседовали. Чертежи да схемы читать заставили. На должность назначили. Экономку даже выделили. Да до того уж экономную — держиморда просто: на мелкие расходы по пятёрке от зарплаты утаивал. Да и где она главную свою зарплату получает — за версту видно.

А потом... Потом — посёлок в пригороде центра областного. За другом следом. Математику в техникуме преподавал. «Рисовал» работы дипломные всем, кто попросит, за традиционную русскую плату — бутылочку. «Не жизнь, в общем, а существование».

И помер — тихо. В одночасье. Уснул — и не проснулся. Похоронили второпях, как безродного. Друг-то в отпуске в это время был, в отъезде. Вернулся, хотел памятничек на могилку справить. Все инстанции обошёл: все всё понимают, все — «за», да никто решительно не знает почему-то, где же эта могилка находится. Прямо мистика какая-то. Вроде кто табу наложил...

Стало быть, был человек — да пропал без вести.

г. Коркино

Алла Федосеенкова

Двоюродные

Филька с Настькой жили в дому на каменном фундаменте с двутележными воротами. Ну, это, если расхлябенить оба крыла, так две телеги разом проедут. Да не у всех таки ворота были.

У Фильки Морозова были. И у Ваньки Нуждина были. Точно такие же, только крашенные. Филька с Ванькой братья двоюродные. Мамки у их, Анна да Татьяна, сёстрами друг дружке приходятся. Хоть и погодки, а по характеру — обе в бабку свою, Варвару Леонтьевну, уродились. В деревне её Леонтихой величали. Без особого почитания до сих поминали за неуживчивый нрав и гоношистость. Вот и внученьки до крошечек подобрали баушкин характерец. И всё-то у их — не как у людей. Всё делят чего-то ведьмы беззубые, ругаются, друг дружке глаза готовы выскрести. Уж по восемьдесят годков прожили, волосья с остатками

разума порастеряли, клюшками согнулись. А не берёт мирова, и всё тут! Ладно, мужья им достались смирные, чуть что — укорот бабам устраивали. Фирс Силыч, телосложения был деликатного, ладком да тихохонько приноравливался, а Фёдор Иваныч всё больше силушкой брал, волю свою хозяйскую справлял. Кулаки у его были знатные — трёхлетошнего быка в лоб бил и на колени валил с одного разу, без всяких там антимоний.

Филька с Ванькой с малолетства жили дружно, никто никому не завидовал, под шкуру не лез. Филька был Филькой с той поры, когда ещё и штанов ему не полагалось. Вот как окрестили, так и бегал по деревне Филькой. А Ванька, как семилетку одолел да на тракториста выучился, сразу взлетел, стал Иваном Фирсычем величаться. Он ить не только в работах ломовым был. У него и головенка на плечах как-то уж больно справно присобачена была и варила — дай бог каждому. Уважать его стали еще с той поры, когда и усишки-то под носом только наметились пушком цыплячьим. А как с армии вернулся, так и пошло: Иван Фирсыч, да Иван Фирсыч. Филька поглядывал в сторонке, хмыкал, завистливо крутил головенкой, шлёпал губищами, бурчал чего-то под нос. Но так, чтоб не слышно было, для себя. Детишки у двоюродных тоже не петушились, бегали вместе по деревне, не забижали друг дружку.

Филькин дом вырос аккурат напротив Ванькиного. Но на взгорочке, повыше, так, что весь Ванькин усад[1] Филька из собственного окна как свою ладоню разглядывал. Вместе с крыльцом, курями, гусями и прочей живностью. Стоял бывалочи, почёсывал брюхо и задумчиво созерцал Ванькино хозяйство. Особенно, когда Ванькина Марька по двору хлопотала, подтыкнув подол повыше толстых коленок до самой стыдобы. Филька до вечера мог бы так стоять. Да Настька вовремя тумаком по спине в чувство приводила.

Филька — мужик как мужик. Но с ленцой. Поспать любит почище иной забавы. Пока петух не тюкнет, он и пяткой не лягнет. Только вот с ленивым мужиком любая баба в расстроенных чувствах с утра до вечера пребывает. А тут ещё этот Иван Фирсыч! Настьке все глаза измозолил. Как ни глянет баба, а сосед уж на ногах. Пока Филька в перинах храпит, бока нагуливает, Иван Фирсыч с Марькой своей двор на пять кругов обиходят, всё по своим местам порастыркают, начисто подворье от мусора повыметут, навозные лепёшки повыскребут. — Порядок и чистота!

Поглядит, поглядит Настька на соседей, повздыхает горемычно и айда к мужику. Уж и корила своего беспутного, и уговаривала, и разводом грозилась.

Утром, бывалочи, тормошит его и орет в мохнатое ухо:

— Чего лежишь, каянный? Иван Фирсыч-то с зорюшки на ногах, уж и воды в баню натаскал, и дров нарубил. Глянь-ка, дым из трубы столбом стоит. Вёдро ноне. Баню опять раньше всех натопят. А ты дрыхнешь до обеда, слюни пускашь.

Филька кое-как продирал глаза, потягивался как кот, и нехотя шлёпал к окну.

— Ну и чего? Ну и пускай топит. Возьмём чекушку да и тоже пойдем, у их и намоемся.

В другой раз Настька опять репьем в душу вцепилась:

— Филя, глянь-ка, пойди! Аван Фирсыч втору телегу с картошкой во двор притартал, разгружат уж. Пока погода-то, он ить всю пересушит да в погреб укладёт. Та делянка, за болотом, не убрана ещё у нас. Забыл? А дождик зассыт, чего делать будем? Опять в грязищу валандаться прикажешь? Детишек пожалей! В холод-то перебирать придётся. Сонька иззябнет, соплями изойдёт. Хилая она у нас. Так не забыл, поди, и старикам твоим помочь нужна. У их тоже соток двадцать. И куды всё хапают. Одной ногой уж... а все им мало. Привыкли хребты ломать до самого последа.

Филька коротко вздыхивает, лениво косолапит к вешалке у дверей. Нахлобучив фуфайку, кряхтя и поохивая, как старый кобель, вываливается во двор. А на другое утро снова-здорово!

— Филя! А Филь! Слышь, ай нет? Иван-то Фирсыч уж почти всю улицу выскреб, пока ты бока отлёживашь. Вона сколь снежища-то накидал под забор. Он ить весной талую-то в свой огород спровадит, а у нас опять у етой стороны всё посохнет. Айда, пей чай да на улицу пойди, поработай чего-нибудь. У тя лопата-то с прошлогодья поди сломана в сарае валятся? О, господи! Да за что мне наказание тако? Да за каки таки грехи я с тобой валандаюсь всю жизнь?

— Филь, а Филь! Ты глянь! Иван Фирсыч каку вязанку-то приволок с лесу! Он как прёт, ажно паром изошёл! От, работничек Марьке достался! И понужать не надо, сам в оглобли лезет. А ты? Лежишь, перину до трухи измолол уж. У тя и метла-то облысела, обсыпалась вся, который год в сарайке валяца!

Филька разлепил припухлые веки, злобно перевёл сонные бельма на жену и подскочил. Терпение у мужика вконец лопнуло.

---

[1] Усад — подворье.

Тяжело дыша, кусая губы, он вперился в окно. После долгого наблюдения за Ванькиным усадом, грозно оборотился к Настьке и блажно заорал:

— Да чтоб он сдох, твой Иван Фирсыч! И ты вместе с им!

Настька от такого поворота обомлела, толстым задом брякнулась на лавку, пару раз надсадно всхлипнула и залилась слезами, да в голос, с причитаниями.

Разгневанный Филька саданул кулачищем в дверь и ломанул в сени. С размаху пудовым кулачищем разгваздал тонкий ледок и одним дыхом хватанул из бадьи ковш обжигающей воды. Когда отпустило малость, Филька вернулся в дом, бездумно потоптался посерёд кухни, покашлял, виновато поглядывая на урёванную жену. Запустив громадную пятерню в рыжие лохмы на приплющенной макушке, вздохнул, почесался медвежьими лопатками о дверной косяк, чуток подумал и завалился на кровать, с головой накрывшись пёстрым стёганым одеялом.

г. Коркино

Елена Шкунова

Письма Анубиса*

2

По границе миров — между красной и чёрной землёй, вдоль линии Ху — бежал одинокий саб. Его чёрная острая морда со стоячими ушами была опущена вниз, длинные ноги размеренно двигались, касаясь выжженной каменной тропы, прямой хвост, покачивался в такт движениям долговязого, поджарого тела. Солнце, разрезанное пополам горизонтом, слабело, опускаясь за Дехенет. Саб видел, что любящая молчание Меретсегер, змея, охраняющая Западную вершину, чувствует его шаги, но продолжает спокойно лежать на тропе, подняв голову, и не переставая следить круглыми зрачками своих небольших глаз за его приближением. Саб знал, что её сила не остановит дыхание бегущего в ночь, но встреча с ней не была случайностью и потому он остановился, обнажив клыки. С угрожающим видом Меретсегер приподняла переднюю часть тела, и, сильно раздув шею, со страшным шипением наклонила свою изящную голову вперёд. Саб вытянул морду и издал громкий, словно высокий скулящий вопль, вой. Солнце дрогнуло и застыло. Меретсегер замерла на мгновение, но тут же её капюшон опал, и она метнулась в сторону укрытия — в руины старого дома, стоящего на окраине посёлка ремесленников, что издревле живут при некрополе.

Саб понюхал воздух и снова продолжил свой путь, а время потекло по привычной колее — вдоль границы миров, по каменной тропе, между спадающей рекой, обрамлённой огромными пальмовыми рощами, пшеничными полями и островками близлежащих селений, выстроенных на небольших пригорках, и безжизненными песками пустыни. На востоке длинная стена гор гордо сияла перламутром сквозь голубые шапки облаков, а на западе пески с возвышающимися в них пирамидами, храмами и дворцами светились мягким золотым светом. Но в тот момент, когда светило остановило на миг свой путь, человек, спящий глубоким сном в одном из дворцов, проснулся. Ему снова приснился один и тот же сон.

В этом сне он карабкался вверх и съезжал вниз по лавине песка, которая разделяла собой два храма, своими размерами похожих на великанов, по пояс зарытых в песке. Их гигантские головы и плечи поднимались, словно мертвецы из гробов, громадные и устрашающие... Утлые судёнышки туда и сюда сновали по широкой, полноводной реке, и он сидел в одном из них, налегая на вёсла. Нос и корма судна были заострены, у него было две мачты: грот-мачта, стоявшая вертикально посередине, и передняя фок-мачта, находившаяся очень близко к носу и наклонённая вперёд... Его лицо было мокрым, пот ручьём стекал по голове и спине, набедренная повязка тоже была влажной от пота, ноги болели, руки казались чужими... Жители ближайших деревушек, с тёмным, почти шоколадным цветом кожи, провожали его долгими взглядами, женщины кричали и рвали на себе волосы, мужчины стреляли в воздух... Звезды сменили своё положение в небесах, а он всё ещё не мог найти вход в лабиринт.

Наконец, увидев, как просачиваются вниз мелкие камешки на стыке стены и пола, начал очищать это место руками, сдирая кожу на пальцах... Потом шёл, освещая себе путь факелом, медленно продвигаясь вперёд по грязному, закопченному коридору... Прямоугольная комната, со всех сторон облицованная ровными и тщательно отшлифованными плитами известняка... Он долго стоял там, разглядывая рисунки на стенах, потом снова шёл. Были

---

* Продолжение. Начало в «Графоман» № 2(50).

и другие комнаты, также выложенные плитами и отделанные камнем и некоторые из них украшенные барельефами в виде больших звёзд... Потом снова подземные галереи, разграбленные и осквернённые; коридоры, пролёты, ниши с громоздкими гробами, позолоченные саркофаги с мумиями царей и цариц, скелет ребенка, бронзовые вазы и украшения из стекла, чаши и блюда из алебастра и мрамора... Резкий поворот, и он падает вниз. Обломки человеческих скелетов — ноги, руки, черепа — сыплются на него сверху; и везде мумии, мумии, мумии: одни, стоящие вертикально, другие лёжали, третьи стояли вниз головой...

Пробираясь всё глубже и глубже во тьму, он входит в огромный зал с пилонами, весь украшенный росписями, в глубине которого виднеется царский саркофаг, крышка его сдвинута. Перевесившись через край, он заглядывает внутрь. Тёмный гроб с гирляндой цветов у изголовья и венком из листьев у ног. Он узнаёт его, улыбается, но улыбка не трогает его глаз, огромных, чёрных, лихорадочный блеск которых скрывают длинные, загнутые кверху ресницы... То, что он ищет, находится где-то рядом, может быть, в следующем зале. И он входит туда, затаив дыхание, вглядывается в окружающий его полумрак... Вот и они! Лежат, уложенные в ряд, три разбинтованных тела.

Первое из них — женщина. Кусок плотной ткани всё ещё прикрывает её лоб и левый глаз, а погребальное платье разодрано в клочья. Длинные пряди чёрных волнистых волос ниспадают на известняковый пол, руки покоятся на груди, пальцы зажаты в кулак. Узкое, скуластое лицо её всё ещё красиво, оно исполнено покоя и благородства. Когда-то капризные, привыкшие повелевать губы, застыли в молчании... «Тий, — срывается с его губ. — Великая Супруга». Склонившись над ней, бережно разжимает её пальцы. Рука мумии распадается в прах, а на его ладони оказывается перстень из чёрного обсидиана. Он нежно целует женщину в лоб и шепчет одними губами: «Спасибо, что сохранила, матушка»... Сноп искр взрывается в его голове, становится трудно дышать, туловище раздается вширь, он кричит... и просыпается весь в поту, в помещении, смутно знакомом, но не осознанном им, как только что созданный рисунок, размытый рухнувшим ливнем...

Человек встаёт с широкого ложа, откидывает балдахин и подходит к окну. В просторном дворе, засаженном акациями, идут приготовления к празднику. У дальней стены, облицованной известняком и покрытой цветными рельефами, изображающими сцены войны и царской охоты, он видит процессию жрецов с приношениями, в руках у некоторых из них цветы, аромат которых будет питать души безмолвных. Впереди процессии — шесть огромных тельцов, откормленных для жертвоприношения. Рога их увиты цветами — яркие и благоухающие голубые лилии, ноготки и олеандры, вьюнки, королевские хризантемы. Двое из жрецов открывают клетки с ибисами и соколами, выпуская их на волю. В прудах, расположенных по углам двора, среди розовых лотосов, распускавшихся на рассвете и бледнеющих к вечеру, плещутся золотые карпы... Слуги развешивают на колоннах и деревьях грушевидные лампы с фитилями из кожи саламандры. Эти лампы не чадят, освещая дворы, подземные храмы и лабиринты равномерным красноватым светом...

Основная часть празднества начнётся с восходом луны. Берега реки будут похожи па две длинные полосы живого огня, а воды её приобретут красный оттенок из-за сияния, исходящего от этих ламп. Пальмы, сикоморы и папирус, растущий вдоль берега, посеребрённые лунным светом, будут отбрасывать причудливые тени на гладь реки. И он сам станет одной из этих теней, скользя по поверхности воды в ярко освещённой ладье, быстро прорезающей себе путь в блестящем потоке, а священные белые цветы будут подниматься и опускаться вместе с волнами... Потом начнутся увеселения, некогда приятные для него. Музыканты с систрами, барабанами и колокольчиками начнут своё движение от храма к храму. Юноши в набедренных повязках и девушки в коротких туниках, играя молодыми, умащёнными маслами телами, весёлой толпой потекут вслед жрецам и жрицам, поддерживая концы их длинных мантий. Верховный жрец, глава процессии, держа в руках камышовый жезл, будет мягко направлять участников и не даст им разбрестись по сторонам.

Будем веселиться в лунном свете —
Священные, пируйте с нами,
Священные, танцуйте с нами,
Священные, играйте с нами!

В первый день первого месяца сезона посева выпивалось столько же вина, сколько в течение всего остального года. Продавцы еды и украшений на несколько дней устанавливали свои навесы возле храмов, где среди колонн жрецы и их послушники разыгрывали драматические представления и совершали ритуальные действа. Люди шли от святилища к святилищу, принося дары и подношения, и получали право пить, есть, кричать и веселиться. Ароматы ладана, мирры, кедра и кипариса сочились в воздухе, пропитывая тела живых и

мёртвых... Сколько веков он наблюдал этот праздник, а будто бы ничего не изменилось. Драматическое искусство храмовых мистерий медленно растворялось в повседневном мире, приобретая новые черты. Но люди были людьми, постоянно меняющееся выражение их лиц как бы застывало в жесткости и неизменности выражения масок, искусственная плоть которых впитывала их жизненную силу и начинала казаться пугающе реальной. Он сам носил маску когда-то... Эрпа — наследник престола, сила личного животного передавалась ему через имя, но это имя он вспомнить не мог. Как не мог вспомнить и маску, присущую ему. Его пальцы ещё помнили прикосновение к ней, — плотная, облегающая кожа, гладкая на ощупь, но форма маски казалось чем-то утраченным и недостающим.

3

... На листьях винограда лежали тёмные, переспелые фиги. Сок, словно мёд, сочился из треснувших плодов. Вокруг них вились пчёлы: небольшие, но злобивые и неспокойные, они имели светлую окраску с желтыми полосами, а конец брюшка был коричневый и блестящий. Тут же лежали красные яблоки и орехи.

Пока он спал, Мерит принесла ему чистую одежду: несколько схенти из царского льна, по тонкости не уступающего шёлку, гофрированную ткань для юбки, с вышитым на ней ромбовидным орнаментом и затканой бисером, бусами и амулетами, цветные пояса и сандалии из золочёной кожи. Одежда была аккуратно разложена на одном из сундуков, стоящих у окна. Тут же лежали украшения: золотой оплечник, браслеты, широкое ожерелье — усех, жезл и посох. Он перебрал пояса, но так и не решил, который из них подойдёт к праздничному наряду, да и искусством драпировки никогда не владел настолько, чтобы самостоятельно одеться в этот несложный с виду костюм. Мерит знает это лучше и поможет ему, как помогала каждое утро: завернёт вокруг бёдер кусок белой ткани, нежно касаясь их изящными, прохладными пальцами. От этих прикосновений тело его наливалось желанием и сладким томлением, он вздрагивал, когда её смуглые, увешанные тонкими браслетами руки, порхая вокруг туловища, словно крылья золотисто-жёлтых бабочек, изредка, как бы случайно, задевали его плоть и наполняли ожиданием влажной и мягкой ночи, ароматами их тайных встреч и свиданий. Это ожидание сначала пульсировало в его возбужденном теле, а потом стихало, убаюканное её молчанием и отстранённым выражением лица с ровным румянцем на гладких щеках. К тому времени, когда она скрепляла ткань последней заколкой, и он склонял голову, чтобы она могла надеть ему на шею кожаный оплечник искусной работы, он был уже спокоен... То, что среди украшений снова не было змеи-урея, короны, которую боги возлагают на царя во время коронации, насторожило, но не опечалило его. Корона связывает царя с его предками и потомками. «Будет урей — будет имя», — равнодушно подумал он. Отсутствие в памяти собственного имени пугало лишь вначале его пребывания в городе мёртвых, в настоящий момент титул «эрпа» вполне устраивал его встревоженное самолюбие.

После утреннего омовения в священном озере они беззаботно плескались и плавали с Ли среди белоснежных лотосов, потом лежали на берегу на тонких льняных простынях, смотрели на солнце, изредка перекидываясь ничего незначащими фразами. Пхати втёр в его тело куфи — смесь масел, и он тогда почти уснул под чуткими, сильными и умелыми руками карлика. Впитывая в себя ароматы корицы, можжевельника и мирры, он вдруг вспомнил пустынный берег моря: оранжевые глинистые склоны, красные щели оврагов, и у самой воды полоса белого, перетёртого волной, высушенного песка и выброшенные прибоем красноватые водоросли на нём. Кое-где, вдоль берега, росли небольшие кустистые деревья с трещинами на стволах. Из этих ран сочилась бурая смола и застывала, источая приятный запах.

Он был молод и порывист, одежда его была пропитана солью и запахом этой смолы — мирры. Тогда он был рыбаком — или так казалось ему... Город, белеющий на холмах, храм у самой кромки прибоя, высокий старик, сидящий на мраморных ступенях святилища, а вокруг него двенадцать женщин, танцующих какой-то сложный, замысловатый танец. Из неровной тени кустарника он наблюдал за их плавными, причудливыми движениями, смотрел и видел, как в какой-то момент танец прервался... Из высокой повозки, остановившейся на мощёной дороге, ведущей к храму, выскользнула девушка в длинном, развевающимся на ветру платье, с полупрозрачной накидкой на нём. Под этой накидкой сверкали серебряные украшения: браслеты и маленькие колокольчики. Она бежала, шафран и бирюза её одежд трепетали на ветру, колокольчики звенели, а девушка бежала — радостная, смеющаяся — и что-то кричала старику. Тот встал, танцовщицы замерли, и танец угас, как гаснут, оплывая, свечи... В этот момент капля смолы из раны на дереве упала ему на руку, и он лизнул её. Мирра была горькой на вкус...

— Забудь её, — сказала Ли.

— С чего бы?

— Забудь и всё, — в её взгляде не было ничего, что она не могла бы скрыть. Изумрудная вода лагуны...

Он встал и пошёл к террасе. Пхати бросился вслед за ним, смешно подпрыгивая, но резким жестом руки эрпа отослал карлика к госпоже.

... Когда боги отворили мир для людей песка, поднявшихся из хаоса, был задуман первый храм. И все храмы с тех пор строились по единому плану, потому он никогда не терялся в них, а точно знал, куда и зачем идёт. Пилон — две мощные башни с узким проходом, или главные ворота — всегда вёл во внутренний двор. Здесь устраивались ритуалы и торжественные церемонии для смертных: чествование богов, благодарения их за помощь и моления о божественном покровительстве. Далее этого двора хода для живущих не было. Это был предел — бета, сокрытое. Но в нём текла кровь фара — разделяющего, способного совмещать смертную и божественную природу — и по праву крови он мог переступать этот предел. Кроме него это могли делать только жрецы. Но им это право давалось трудом и умением, и не было приобретено по наследству.

Верховные жрецы находились в храме постоянно, но большинство рядовых жрецов ухаживали за жертвенными животными, принимали участие в подготовке празднеств, ведали управлением храмовой жизни, исполняли ритуалы. Они могли входить в следующий зал, где живой искрой горела капля бога, застывшая в каменной статуе — главной фигуре святилища. Статуя была украшена золотом и драгоценными каменьями. Жрецы обеспечивали её едой, напитками и одеждой. Прикасаться к статуям могли только ритуально чистые посвященные, для чего они дважды в день совершали омовение в священном озере.

Здесь росписи храма меняли свой цвет — от светло-оранжевых фресок внешних стен храма до тёмно-оранжевых рисунков зала с колоннами. Украшенные искусными мастерами колонны эти уподоблялись гигантским цветам лотоса и папируса и стояли очень близко друг к другу, превращая храм в гигантский каменный лес. Солнечный свет проникал сюда через маленькие отверстия в потолке. Этот зал считался главным святилищем, а по краям его находились молельни, пристройки и кладовые. Изображения мчащихся колесниц, тонконогих ланей, бегущих от разящих стрел охотников, сменяли картины торжественных, спокойных шествий, сцен коронаций и обрядов основания храма...

Иногда он шёл так быстро, что животные, изображенные на стенах, оживали, двигались, убегали и умирали у него на глазах, но в главном святилище он усмирял свой шаг, и фигуры будто замирали или перемещались так медленно, что он не видел их движений, лишь чувствовал изучающие, недоверчивые взгляды за своей спиной...

Главный архитектор, верховный сановник и фаворит его тётки был мастером, в искусстве которого он никогда не сомневался. В её времена по всей территории проявленными было более двухсот статуй. В главном святилище стояло, насколько он помнил, по меньшей мере, двадцать два сфинкса, сорок статуй солнечного бога и двадцать восемь статуй, изображавших саму царицу. Около ста двадцати сфинксов украшали дворы и дорогу... Сейчас это те же тени, вечные, как и он сам, идущий в сумрак...

Человек, стоящий у окна, взял со стола яблоко и тонким ножом разрезал его плоть. Брызнул сок. Несколько капель упало на фиги, лежащие на виноградном листе. Пчелы взметнулись роем и снова осели над лакомством, — человек улыбнулся. Мана, мудрость или истина, подобно собираемому пчёлами нектару, накапливается ежедневным трудом, и как пчела выступает образом царской мощи, так терпеливость тоже приносит свои плоды... Человек с хрустом надкусил яблоко, а чёрный поджарый саб в это время подошёл к ульям, выстроенных в форме пирамид в одном из закоулков храмового сада.

4

Голубоватая дымка, насыщенная нежным, смолисто-терпким ароматом, напоминающим запах розы, опускалась на кроны деревьев. Нюхая воздух, саб неторопливо двигался вдоль северной стены храмового двора, рядом с которой тянулась вечнозелёной листвой вслед солнцу рощица высоких и красивых деревьев: идеальная прямизна гладких стволов как ряд бесконечных одинаковых колонн, увенчанных капителью из ветвей с искривленными, как хепеш, листьями, свисающими вниз. У оснований листьев виднелись одинокие цветы, вокруг которых роились пчёлы. В полдень, когда воздух слишком наполнялся испарениями земли, пахло миррой. На закате жрецы окуривали святилище и сад благовонием, состоящим из пахучего тростника, можжевельника, шалфея, мяты, розмарина, мха и других трав, поочерёдно настоянных на меду и вине и смешанных со смолой.

Большую часть дня саб провёл в одной из пещер под храмом, отдыхая и пережидая дневную жару. Но сейчас, когда святилище пропиталось ароматами приближающихся сумерек, он едва заметной тенью, скользил по зелёному ковру у подножия стволов и внимательно рассматривал настенные рельефы. Бегущий в ночь искал изображение крылатой женщины со страусиным пером в густых волосах.

Наконец, он увидел рисунок с ульями: положенные друг на друга продолговатые глиняные кувшины, в которых пчёлы строят свои соты. Рядом с этим изображением, под деревянными навесами, обсаженных вьющимися растениями, стояли улья, изготовленные из полых конусов высушенного ила. Саб сел, и пчёлы — слёзы солнечного бога, упавшие на землю в момент сотворения мира — ринулись к нему, обволакивая его поджарую фигуру, словно коконом. Саб вывернул голову и зашипел, а потом, вытянув морду, издал ровный, плавно понижающийся вой. Потом этот вой начал подниматься, увеличивая силу звука, стремительно нарастал и расширялся, словно саб о чём-то просил, и пчёлы роились вокруг него волнами, и после дневной жары жизнь вокруг начала просыпаться: кузнечики, сверчки, цикады подхватили звёздный голос, и изображения на стенах ожили.

Жрец, держащий в руках кувшин, вздохнул и стал выдувать из него пчёл, чтобы они не смешались с мёдом и не вылились вместе с ним. Другой жрец в белой, поношенной тунике вылил мёд в широкую чашу. Двое подмастерьев в большом кувшине смешивали мёд и воду, а прислужники храма с силой начали отжимать из сот мёд... Тонкое, золотое пёрышко соскользнуло со стены и упало на землю. Маат услышала это падение.

В святилище верховный жрец, стоящий у статуи бога, закончил читать список имён. Человеку, которому возложили на голову золотой урей, из всех имён, произнесенных жрецом, хотелось услышать последнее — личное имя. Но это имя было произнесено шёпотом, и он его не расслышал. Встретившись взглядом с Ли, он улыбнулся. Вся эта коронация была её идеей, а он сам чувствовал себя лишь живой куклой, висящей на тонкой нити её капризов. Но лицо девочки было серьёзным, и взгляд её зелёных глаз выражал спокойствие и целеустремлённость. Накануне церемонии Мерит рассказала ему, что имён будет пять.

Первое — имя юного солнечного бога — «Могучий бык, совершенный в своём воплощении» — указывало на его божественное происхождение — сына Ра, последнего из живущих богов и первого из фаров, посредника между двух миров. Теперь его назовут фараон, и человек принял это, ибо это Истина — первая из заповедей Маат.

Второе имя — «Движущая сила Закона, умиротворяющего обе страны, угодная всем богам» — как воплощение двух владычиц Верхних и Нижних Земель — коршуна и кобры. И вторая заповедь Маат — Правосудие.

Третья заповедь Богини Матери являла собой Чистоту, — то святое, данное всем при рождении, а имя звучало, как «Дающий знаки и примиряющий богов».

Тронное, четвёртое имя, определяло его как царя во имя Справедливости, четвёртой заповеди Маат.

Пятая заповедь Богини олицетворяла собой Согласие, и он склонил голову, а верховный жрец возложил урей, как символ единства, на пшент — корону, сияющей поверх синего с золотом немеса, платка, сплетённого в узел сзади и двумя длинными боковыми фалдами спускающегося на плечи. Урей был выполнен из цельного слитка золота со вставками из гранита и сердолика, — взметнувшаяся в прыжке змея, сжигающая пламенем врагов, и коршун, раскрывший крылья.

Под тяжестью всех этих украшений голову и плечи приходилось держать прямо. Ему всё время казалось, что стоит пошевелиться, что-то из этого сложного убора сдвинется, упадёт и торжественность момента будет нарушена, а главное, он не хотел огорчать Ли. Кто-то из жрецов передал ему статуэтку дочери солнца, увенчанную страусиным пером. Ли кивнула ему, и они сдвинулись с места одновременно и поднесли эту статуэтку к лику божества.

«Совершая такой ритуал, правитель укрепляет принцип царственности, выражая опыт многочисленных предков и создавая основу для жизни будущих поколений», — говорила ему Мерит, сопровождая на церемонию. «Надеюсь, это будет последнее, что мне придётся совершить в этом городе склепов», — пробормотал он в ответ, а Мерит вспыхнула и отстала от него на несколько шагов, а когда он оглянулся, девушки не было. Только колонны, рельефы на стенах, шорох скользящего по камням тела и еле слышное шипение, похожее на звук, который издаёт змея, ползущая по камням...

И снова он стоял один среди каменного леса и внимательных глаз, наблюдающих за ним из глубины настенных росписей. Тишина была оглушительной. Сквозь отверстия в потолке виднелись звёзды. В конце галереи светились два факела, отбрасывающих тени на мраморный пол. Он вздохнул и прислушался к себе, чувствуя неудовлетворённость. Где-то извне, в глубине южной ночи, раздался вой, заставивший его сердце умолкнуть вместе

с дыханием, а когда он выдохнул, то увидел, что впереди, между колонн, метнулась поджарая тень большой собаки. Что-то знакомое было в очертании этой тени, в том, как она двигалась, уже не прячась, за статуями, а быстро перебирая лапами, бежала, к нему навстречу. Страха не было, было желание сдвинуться с места, слиться с этой тенью или с тем, что под ней скрывалось. И когда он пошёл, а потом побежал, его сердце охватило чувство немого восторга, тело казалось невесомым, стремительным. То, исконное, что зрело в нём все эти дни, приобрело свой окончательный, как казалось ему в тот момент, смысл, а столкновение их — человека и животного — неизбежным и даже более — желанным. И в последний момент, за несколько шагов до цели, оба бегущих друг к другу тела вдруг взметнулись в прыжке и слились, став единым. И последнее, что он услышал, был голос, точнее мысль, взорвавшая его мозг: «Раэм», мальчик мой, ты вернулся...»

...Ро-Сетау, таинственный путь в царство мёртвых, начинался в одном из ущелий — в самом центре страны, вниз по течению реки. Он вспомнил это внезапно, едва только открыл глаза в летний полдень.

(*Продолжение следует*)

г. Александров

Ирина Шукшина-Фрик

Посвящается моим дедушке и бабушке.

Закат

От ровной, пустой, выбеленной к Пасхе стены напротив его кровати в маленькой комнатёнке временами начинало рябить в глазах. Уже несколько месяцев он маялся тяжёлой, неизлечимой хворобой. Похудел, ослаб. Сил не было выйти на улицу, спуститься с крыльца, чтобы посидеть на скамейке, подышать воздухом, которого теперь ему всё время не хватало. Так и глядел с утра до ночи в эту белую пустоту.

Крепкий, сильный когда-то сибирский мужик, занятый всю жизнь на тяжёлых работах, вынесший на своих плечах тяготы двух войн, теперь с трудом доносил своё ослабевшее тело до кухни, а иногда и этого не мог сделать.

Ранней весной берёзовый сок вытекает из проделанного в стволе отверстия, падая каплями в подставленную к жёлобу посудину. Не законопатишь вовремя течь, дерево погибнет. Так и жизнь ежедневно по каплям оставляла измученное болезнью тело. Его организм износился основательно. Не законопатить.

— Уходют силы! Чую, скоро весь опростаюсь, — однажды сказал жене Фома.

Она, знавшая всё наперёд, промолчала. Говорить об этом не хотелось.

О том, когда и как всё случится, не думалось. Да и зачем. Старый он был, пожил хорошо. Вырастил с женой троих дочерей. Как ни трудно было, а выучили всех в институтах. Все в больших городах устроились. Замужние. Благополучные. Внуков народили. Что ещё на старости лет может так порадовать? Гордился ими. Сам-то он в школу вовсе не ходил. Между делом читать и писать учился. На фронте только окончившие школу мальчишки, помогали ему письма домой писать. Улыбались, когда он свои каракули выводил.

— Дядь Фома! Ты зачем всё письмо одним словом пишешь? Ты слова-то разделяй, разделяй!

Он старался. Неловко было. Фашистов бить пошёл, когда ему уже сорок три стукнуло, а писать так толком и не научился. А вот его жена, Анна, была грамотная, три класса по тем временам — это о-го-го, что такое! До последних дней жизни выписывала «Комсомольскую правду». Когда читала газету, приговаривала:

— Пожить бы подоле! Хочь узнать, чем же энтая перестройка закончится.

Дед Фома телевизор теперь не включал. Стал к старости чувствительным, слезливым. Всех в передачах жалко было. Да и зачем он ему. У него в голове всё время своё кино крутилось, документальное — жизнь вспоминал. Молчал, да покряхтывал иногда, проматывая в голове собственную киноплёнку.

То лезли воспоминания, за которые стыдно становилось. А то — радостные, когда счастье в руках держал — жила тогда в нём уверенность в собственных силах, вся жизнь была впереди. Никого никогда не боялся. Отчаянный, за справедливостью мог и к начальству в кабинет зайти, а мог и подраться, если она этого требовала. Количество противников значения не имело.

— За ним не заржавеет! Фома так наподдать может, что небо в алмазах покажется! — с уважением говорили лично познавшие его кулак мужики.

Богатырём не был, но жила в нём и природная сила, и накопленная от трудов физических. Коренастый, кряжистый. По молодости в уличных драках бить наловчился и от ударов уклоняться. На фронте пригодилось, когда в рукопашную ходили.

— Э-хэ-хэ! Где она теперича, эта силушка? — вздыхал старик.

Вспомнилось, как, наломавшись на разгрузке вагонов, — грузчиком работал — возвращался домой пьянее вина. С мужиками после работы могли много выпить. Ссорился с Анной, которая хоть и знала его крутой нрав, но иногда смолчать не могла и не хотела. А чтобы не попасть под горячую руку, сбегала с дочками к соседям, пересидеть, пока заснёт.

Однажды надумала его бросить да уехать к матери, но та её отговорила, сам слышал: «Куды тебе одной с дитями? Ой! Чижало будить! Глянь, как девчонок Фома любит. Без гостинцев домой не ходить. А ись сядит, так одну на колени, другу прямо на стол посодит. Они в его тарелке и возятся, и возятся, пока своими ручонками всю гущу то с мясом не выудят, да не съедят. А он какой радый! Остатки из тарелки через край выпьет. Вот и пообедал! Кто ишо твоих дочек так любить будет? Терпи!»

Терпела.

Когда с фронта вернулся, младшая дочка, родившаяся в начале войны, уже подросла — его копия. Она теперь была непроходящей, ежедневной отцовской радостью. Анне спасибо! Сберегла, хоть и болела, и лечить нечем было, но выходила. Да и обе старшие дочки помогли малую вынянчить. Уж девки взрослые были. Разница пятнадцать лет!

На первые же деньги купили ей серенькие настоящие катанки. Вот уж радости ребёнку было! Всех соседей дочка навестила, валеночки показывала.

Ещё вспомнилось, как после войны, вернувшись с золотого прииска, где заработал хорошие деньги, решил приодеть старших дочерей. Они студентками были. Красавицами выросли, да только всё в телогрейках ходили, как в войну.

Пора было их принарядить. Денег с матерью не пожалели.

Купили каждой по чернобурке да по отрезу добротной шерсти на пальто. Крепдешина взяли. Отдали для пошива хорошему мастеру. Сердце радовалось, какими нарядными да счастливыми дочки стали. И платья по моде, и пальто с богатыми воротниками. Всё им личило. Ради этого стоило фашистов разбить, да домой с фронта вернуться. Настрадались кровиночки. Хотелось порадовать. Ладно вышло!

То привиделась любимая лошадь, которую у него украли. Будто среди зимы запряг он её в сани, да поехал в соседнюю деревню. Ходкая лошадка была. Хозяина понимала с полуслова. Они были — единое целое! Мороз крепчал. Набросил на себя длинный до пят тулуп, чтобы не замёрзнуть по дороге. Снегу навалило, искрился на ярком солнце, слепил. Сани, слегка покачивались, как лодка на волнах, мчались быстро... Даже сердце старика чаще забилось. Всё, как наяву увидал.

Лошадей Фома любил и толк в них знал с детства — у родителей до революции много их было. Извозом занимались. С купцами работали, пшеницу возили. Поэтому мужики соседские, когда шли покупать коня, всегда его звали. Знали — не ошибётся!

Когда его красавица исчезла из табуна — месяц дома не жил, всё искал её. Исколесил-изъездил всю округу, все базары, цыганские таборы. Не сыскал. Повезло вору! Нашёл — убил бы!

Анна была моложе мужа на восемь лет. Из бедной семьи. Работящая, швыдкая, терпеливая. Весь дом на ней держался: скотина, огород большой. Домашнюю бухгалтерию вела — грамотная. Готовила вкусно. Дома всегда чистота, порядок. Но неласковая была. Жить с ним жила, а огонька в сердце не имела. Он понимал, что и сам был виноват. Много раз её обижал. Так и жили.

Когда ему перевалило за шестьдесят, влюбился мужик, как видно, в последний раз, во вдову — муж на фронте погиб. Троих сыновей подняла. Бедовала одна. Его не оттолкнула. Фома мужик крепкий был, завидный, с руками-ногами домой с войны вернулся, хоть и сильно раненый. С широкой душой, в которой теперь и жена, и полюбовница соседствовали.

Анне скоро всё стало известно — шило в мешке не утаишь. Дочери взрослые. Жили отдельно, далековато, правда, на другом конце страны, но это к лучшему. Терпеть его измен не хотела. Написала письмо младшей дочери: «Доча! Милая! Приезжай за мной! Расхожуся с отцом вашим. Спутался он с Одаркой. Позору не оберёшься! Не знамо, как в городу вашем жить буду, токмо с ним быть вместе не хочу. Забирай меня!»

Днём позже встретила на улице среднего сына Одарки, Петра.

— Петя! Весь городок ужо сплетнями о вашей матери и моём Фоме оброс. Это скончить надоть! Стыдоба какая! Собери братьёв, да погутарьте с ним по-мужицки. Да хочь отлупите его, чтобы дорожку в вашу избу позабыл. Срам ить какой!

— Разберёмся, тётя Аня! Прости мать! Устала быть одна. Ты ж её знаешь, не гулящая она.

Темнело, когда Фома подходил к дому Одарки. Фонарей на её улице не было. После прошедшего недавно осеннего дождя земляная дорожка превратилась в грязь. Из-за кустов возле дома вышли трое мужиков. Фома их сразу признал — сыновья Одарки. Здоровые, каждый под два метра ростом. Как по одной форме отлитые — в отцовскую породу.

Он почуял неладное, но не испугался. Шёл, как шёл. Разговор был коротким. Драка завязалась нешуточная. Отмутузили его детки, не пожалели. Он их тоже не поглаживал. Но силы были неравные. Когда упал в грязь, остановились. На прощание сказали:

— Ещё раз, дядь Фома, к нашей мамане подойдёшь, убьём!

Ставни дома перед дракой предусмотрительно закрыли, чтобы мать не видала. Дверь заперли снаружи на ключ, чтобы не выбежала, не помешала.

Фому тянуло к ней, как замёрзшего путника в зимнюю стужу к горячей печке, к которой только приложишь ладони: красные, замерзшие, обветренные, с плохо слушающимися стылыми пальцами, подержишь недолго и почувствуешь, как тепло быстро растекается по всему телу. И так становится хорошо, спокойно. А пляшущие огненные язычки пламени в печке веселят.

Бабником Фома не был. Влюбившись в Одарку поздней, зрелой любовью, понимал: изменить ничего нельзя, да и не нужно, но хотелось насытиться этим сладостным чувством, которого раньше никогда не знал.

Явился домой грязный, с окровавленным лицом, сбитой кожей на костяшках кулаков. Анны дома не было. Хлопотала у коровы в хлеву. На столе лежало письмо к дочери.

— Язви тя, в душу! Вишь чаво удумала! Ишо этого не хватало!

Отмылся. Лёг спать голодный. Только выпил стакан водки да закусил куском хлеба. Назавтра пошёл к Одарке. Дома была одна.

Вошёл, как всегда, улыбаясь. Припухший нос, на левой скуле и под левым глазом следы вчерашней драки. На губах запёкшаяся кровь. Женщина бросилась к нему. Обняла.

— Прости ты их, окаянных! Чаво удумали! Ладно, хочь не убили! И меня, дуру, прости за любовь мою! Ведь знала — добром не скончится, а зацепилась за тебя, как репейныя колючка. Не оторвёшь! Не надо нам больше видаться! Пообещали, если ишо придёшь, убьют тебя! А со мной знаться перестануть! Прости меня! Иди! А то оне вскорости явются!

Он поцеловал её длинным, последним поцелуем. Сказал: «Прощай! Манкая ты, горячая баба! До смерти помнить буду!» Ушёл.

Когда за матерью приехала дочь, родители уже помирились. Но обида на мужа не отпускала Анну. Спряталась глубоко, затаилась, иногда скребла душу.

Так и дожили они вместе до глубокой старости. Хорошо ли, плохо ли, но дети, внуки и правнуки были рядом. Деда любили больше, чем бабушку. Он их не воспитывал. Просто обожал и радовался каждому приезду. Бабушка всегда была строгой. Приехавшие в гости дети и внуки работали в огороде, помогали по дому. К старости Анна стала мягче, но ласковой — никогда.

Приближение своей смерти, говорят, чувствуют все: и люди, и звери. Накануне ушёл из дома старый кот. Он плохо ел, худел и всё время лежал у хозяина в ногах. Дремал.

— Помирать ушёл, — сказала хозяйка.

Дома было тихо, тепло, чисто. Как всегда. Ходики отсчитывали время. Каждому своё. Это нам только кажется, что оно для всех единое. Ан нет!

Дед Фома попросил: «Подь сюды, мать! Ужо не долго мне осталося тута быть. Сама знашь! Прости ты меня за всё! За пьянки мои и за характер чижолый, за Одарку тоже. Давно всё это было, а чую — не простила ты меня до сих. Теперь прости! Да, вот ишо што! Умру, дети станут тебя тянуть в квартиру, мол тама удобства, штобы дом ты наш продала и в ихний скворешник поехала. Не ведися! Сразу помрёшь! Держи, бабка, оборону! Крепко держи!

— И ты меня прости!

Вечером солнце, неспешно уходившее на ночной покой, окрасило кроваво-красным цветом небосклон, словно там, за домами полыхал огромный пожар. Закатный свет проник через окно в комнату, сделав белую стенку алой. Старик смотрел на неё и думал: «Напоследок жисть сделала мне подарок. Подойти к окну и поглядеть на энтую красоту в последний раз — ужо не могу. Еле дышу. Зато солнце само зашло со мной попрощаться».

г. Челябинск

Елена Адинцова
Виктория Семибратская

Катюша

1.

Иван Кузнецов отложил в сторону мел и щёточку. Начищенные медали и латунная пряжка на ремне горели зеркалом, поймавшим солнечный луч. Офицер окинул придирчивым взглядом парадную форму и, не найдя в ней изъяна, подошёл к окну. Распахнул скрипучую створку и выглянул на улицу. Холодный ноябрьский воздух ворвался в комнату, наполнил её чужими запахами и звуками.

Сегодня ровно полгода, как я застрял в этом пряничном австрийском городке, отметил про себя Иван, так и не дошел до Берлина, зато дожил до Победы. А это уже немало. Мысли мелькали отрывками, затеняя волнение, охватившее мужчину.

Где же носит этого мальчишку? Между пшеничными бровями пролегли две глубокие бороздки. Неужели что-то случилось? Ну не мог Люка опоздать в такой день. Праздничный концерт в Доме офицеров — событие нерядовое. Сколько времени репетировали, и что теперь? Иван бросил взгляд в угол комнаты, где на венском стуле стоял трофейный аккордеон, и вспомнил день знакомства с маленьким артистом.

По улицам оживающего под майским теплом Айзенштадта далеко разносился задорный голос аккордеона. Красноармейцы где-то раздобыли инструмент. Для командира постарались, знали, скучают пальцы музыканта по клавишам, да и самим хотелось песни. Почему не спеть, если на душе хорошо. Скоро домой.

Расцветали яблони и груши[1],
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Иван аккуратно опустил аккордеон на землю, взял видавшую виды алюминиевую кружку. Удержать в руках кипяток было невозможно, отставил в сторону. Развернул складной нож. Лезвие приятно заскрежетало по окружности металлической консервной банки. Нос защекотал аромат приготовленного мяса. Аккуратно отрезал ломоть серого хлеба и намазал тушёнкой. Сделал длинный вдох, наслаждаясь моментом. Прикрыл глаза.

Как там соседка Маша? Наверное, совсем взрослая стала. Помнит ли, как в переглядки играли? Смутившись мыслям, Иван улыбнулся почти детской улыбкой. Двадцатидвухлетний младший лейтенант, гордость заводской самодеятельности, сегодня командир взвода. Домой вернусь — женюсь, птицей трепыхнулось сердце.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Иван раскрыл рот, намереваясь разделаться с приготовленным солдатским бутербродом. Рука с хлебом остановилась на полдороги. Напротив, на бордюре сидел мальчонка лет восьми в сером чистом костюмчике. Из-за бледности и худобы личика зелёные глаза казались огромными. Не мигая, пацан смотрел на Ивана.

— Эй, иди сюда, — офицер поманил рукой ребёнка, — иди, не бойся!

Мальчик нерешительно заёрзал, но с места не двинулся.

— Голодный, бедолага? Возьми, — Иван вытянул руку со своей нехитрой снедью перед собой, — я поделюсь, иди!

Мальчик неторопливо встал и осторожно шагнул навстречу. Налетевший ветерок подтолкнул ребёнка в спину, взъерошив аккуратно причёсанные русые волосы.

Мальчонка приблизился к младшему лейтенанту. Тонкая рука потянулась за хлебом.

— Катюша? — малец повторил только что пропетое Иваном различимое слово.

[1] В рассказе использованы стихи Михаила Исаковского из песни «Катюша».

— Катюша-Катюша, — звонко рассмеялся командир и уверенно вложил сдобренный тушёнкой хлеб в детскую руку. — Ешь и расти большой. Как зовут тебя?

— Катюша, — повторил парнишка фартовое, незнакомое слово, откусывая добрый кусок от внезапного угощения.

Никогда не угадаешь, чем обернется случайная встреча. Маленький Люка привязался к Ивану Кузнецову. Каждый день пацанёнок бежал через весь город к русскому офицеру. Мать мальчика, фрау Мозер, узнав о том, куда исчезает её сорванец, устроила взбучку и настрого запретила посещать «русских варваров».

Боевого офицера Красной Армии и маленького австрийского мальчика объединила любовь к музыке. В свободные от службы часы Иван не расставался с аккордеоном, а Люка всегда носил в кармане губную гармошку. Пацанёнок удивлял сообразительностью. На лету схватывал мелодию, запоминал труднопроизносимые русские слова.

Маленький австриец обладал красивым голосом. Так, неожиданным образом сложился дуэт. Иван аккомпанировал на аккордеоне, а Люка пел. Дискантом выводил «Катюшу» так, что бывалые бойцы задумчиво качали головами: «Немчонок, а русскую песню чувствует. Эх, война, проклятая...»

За окном проехала телега местного старьёвщика. Тягучий звук плохо смазанных колес вернул Ивана к действительности. Полдень. Люка не придёт, — догадка переросла в уверенность. Разочарование и пустота комом стали в горле. Ничего, нам к потерям не привыкать. Младший лейтенант подхватил инструмент и вышел.

Праздник седьмого ноября сорок пятого собрал полный зал красноармейцев и офицеров. Иван до самой последней минуты не отрывал глаз от входной двери. Где ты, пострелёнок? Через пять минут начало концерта.

Люка не появился. Не пришёл он ни на следующий день, ни потом. Встретились они случайно на стихийной барахолке. Иван отправился с другом выменять часть сэкономленных продуктов офицерских пайков на вещи.

Люка стоял в самом конце торговых рядов и крепко держал почти новую мужскую шляпу.

— Отцова? — однополчанин Ивана, Тимофей, нахлобучил головной убор, ожидая услышать мнение друга. Но Кузнецов не отрываясь смотрел на лицо Люки.

— Кто тебя так разукрасил, подрался с кем-то? — младший лейтенант привык к способности местных, не зная языка, понимать смысл сказанного по интонации.

Люка опустил голову, стараясь спрятать фиолетово-желтые отметины. С разбитых губ не до конца сошла припухлость и говорить мальчишке, судя по всему, было больно.

— Это мамка твоя, фрау Мозер, тебя так? Не нравятся ей наши песни, мы ей не нравимся? — волна обиды за мальчишку накрыла Ивана с головой. Он выкрикивал слова, перекрывая мерный гул торговли.

— Иван, оставь мальчонку. — Тимофей потянул друга за рукав шинели. — Ты чего от них ждешь? Благодарности, понимания? Да они никогда не простят нам нашу победу! Посмотри на них, как они живут, разве война выжгла их, как нас? Чего им вообще не хватало? — Левую сторону лица Тимофея исказил нервный тик — последствие тяжелой контузии. — Забудь, — увлекая Ивана в гущу народа, от души посоветовал боевой товарищ.

Отойдя на приличное расстояние, Иван вдруг резко развернулся и бросился к месту, где стоял Люка.

— Вот, возьми, — сунул в руки ребёнка вещмешок с приготовленными для обмена банками консервов.

Больше они никогда не встречались. Вскоре младший лейтенант Иван Кузнецов демобилизовался. Вернулся домой, женился. Стал счастливым отцом, дедом. Дождался правнуков. Вспоминал ли его когда-нибудь Люка, Иван не знал. Но даже спустя 75 лет в памяти ветерана всплывали эпизоды далёких событий.

Последняя совместная репетиция, на которой Люка в подаренной солдатской пилотке с сияющими глазами, старательно выводил слова «Катюши». Тяжёлая встреча на рынке: детская согбенная фигурка с отцовской шляпой в руках.

2.

— Что нового в мире происходит, Алексей? — поинтересовался Иван у правнука, просматривающего новостную ленту в мониторе ноутбука.

— Да, всё тоже, дед, что вчера. По всей Европе локдаун. Новоявленные переписчики истории орут на все голоса свою «правду». Кто-то выложил новую публикацию в нашу группу.

Алексей с дедом вот уже два года вели в социальных сетях тематическую группу «Мелодии военных лет». Подросток гордился растущей популярностью созданного ими сообщества и живо обсуждал с прадедом каждый новый пост.

— Дед, смотри, — парень с ноутбуком в руках подсел поближе к Ивану, — народ не обмануть. Помнят нас. Вас, дед, помнят! Вчера студенты из Африки, Австралии, Америки спели наш «День Победы». Сегодня пришёл ролик из Австрии. — Правнук щёлкнул «воспроизведение».

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Что-то горячее толкнуло слева. Сколько раз Иван пел эту песню. Сколько приходилось слышать. Но память упрямо возвращала его в неприветливый Айзенштадт к пацанёнку с огромными зелёными глазами и пронзительным высоким голосом.

На видео у старинного камина сидела большая семья, четыре поколения. В центре — старик лет восьмидесяти. Все улыбались и с немецким акцентом дружно распевали одну из самых любимых песен военных лет. Подросток аккомпанировал на губной гармошке.

— Лёш, прочитай подпись, кто поёт?

— Есть подпись, дед. Люка Мозер и его семья, Австрия, федеральная земля Бургенланд, город Айзенштадт.

В груди больно сжалось, сбилось дыхание. Набежала слеза.

— Жив, пострелёнок! — только и выдохнул.

— Дед, что ты, — засуетился Алексей, — ты это брось. Сейчас, накапаю валокордин. Тебе надо быть в форме. Не забыл, вечером записываем нашу «Катюшу»? С дедом, отцом, братьями, сёстрами созвонился. Ровно в восемнадцать часов начинаем.

Иван сидел во главе большого праздничного стола. Рядом его жена Маша, верная подруга. Трое детей. Семеро внуков. Двенадцать правнуков. Не все съехались на главный праздник семьи, Родина большая. Но с каждым была налажена видеосвязь. В назначенное время Алексей помог надеть на плечи Ивана ремни раритетного аккордеона и зазвучала песня. Через годы, границы и сердца:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

г. Донецк

Михаил Афонин

Собака по имени Лава

На донецкую шахту имени Калинина Игорёк попал в 1973 году. Ровно в день своего восемнадцатилетия он вместе с бывалыми шахтёрами спускался в шахту в первый раз. Остальные в бригаде были опытными и взрослыми, а по меркам самого Игорька — даже пожилыми. А какими ещё ему могли казаться мужчины тридцати пяти — сорока лет?

Отработав смену и тщательно вымывшись в бане, Игорёк поднялся из недр на поверхность. Теперь на солнце он смотрел совсем по-другому. Оно казалось ему ярче и как-то веселее, что ли.

— Как там тебя? Игорь? — кто-то окликнул Игорька.

Игорёк вздрогнул от неожиданности. Сейчас он думал совсем о другом, поэтому замер, как вкопанный.

Игорёк обернулся на оклик. Вся его бригада стояла в тени раскидистого каштана. Кто именно Игорька позвал, он определить не смог. Игорёк ещё не всех знал даже по имени, не то, чтобы определять человека по голосу.

— К тебе обращаюсь, парень. Иди к нам.

Теперь Игорёк увидел, что его позвал бригадир.

— Чего стоишь? Давай сюда, дело есть, — бригадир смотрел на парня, и тому было как-то не по себе. Что нужно бригаде от новичка? Может, станут ругать? Ноги Игорька стали ватными.

— На бутылёк с нами пойдёшь, — бригадир подождал, когда Игорёк подойдёт ко всем в тень и похлопал его по плечу.

Традиция ходить «на бутылёк», можно сказать, считалась святой и незыблемой. Провожали ли кого-то в отпуск, свадьба ли была, день рождения и ещё миллион поводов становились предлогом для шахтёрских посиделок с «бутыльком».

Наверно, для тех, кто не знает, стоит объяснить, что такое «шахтёрский бутылёк». Это трёхлитровая банка. Не пустая, разумеется, и не с водой или квасом. Три литра чистейшего и крепчайшего самогона — вот что такое «бутылёк».

— Лёню в отпуск провожаем. Ты теперь наш, так что — участвуешь. И за вход в бригаду — выставишься. Не сегодня, но имей ввиду. Входной бутылёк — дело чести. Мушкетёров читал? — бригадир продолжал говорить с Игорьком, пока вся бригада шла в лесопосадку на берегу Кальмиуса (река, что делит город на две части), где у шахтёров «прикормленное» место. Все «бутыльки» — только там.

Игорёк не очень понял, при чём тут роман Дюма, но на всякий случай утвердительно кивнул. Тем более, он и вправду его читал.

— Вот, — продолжал бригадир. — Про подвески королевы помнишь?

Игорёк снова кивнул.

— Так бутылёк — это как подвески, только для нас. Понял? — бригадир засмеялся. Остальные шахтёры, которые, казалось, не слушали разговор, тоже стали смеяться.

Игорёк рассмеялся вместе со всеми. Он видел, что к нему относятся, как к равному. И это Игорьку нравилось.

На берегу Кальмиуса, когда бригада занялась «бутыльком», Игорёк с открытым ртом слушал шахтёрские байки и старался запомнить приметы. А о них говорили особенно много.

— Привидение увидишь — не пугайся. И его не пугай. Понял? — бригадир, подсел к Игорьку.

— Угу, — промычал Игорёк с набитым ртом.

Все снова засмеялись.

К сидящим на траве шахтёрам подбежала собака.

— О, Лава за нами увязалась. Мужики, колбаса осталась? Дайте Игорю.

Игорёк взял кусок толсто нарезанной колбасы и не знал, что с ним делать.

— Корми собаку, чего ждёшь? Примет Лава из твоих рук — всё хорошо будет, не примет — тут уже сам думай. Считай, предупреждение. Это не просто собака, а талисман. Знаешь, что такое талисман?

Игорёк не ответил. Вместо этого он поманил собаку. Лава с удовольствием приняла угощение из рук Игорька.

— Всё, проверку прошёл. Теперь точно сработаемся, — бригадир сунул в руки Игорька до краёв наполненый стакан.

Всё последующее время на берегу Лава не отходила от Игорька. Она, как кошка, тёрлась об его ногу и заглядывала в глаза.

На следующий день, когда Игорёк шёл на смену, первой у шахты его встретила Лава. Собака выбежала откуда ни возьмись, стала прыгать и крутить куцым хвостом.

— Не додумался я колбасы взять. Не обижайся, — Игорёк хотел почесать собаку за ухом.

Но ни почесать, ни погладить Лаву Игорёк не успел. Собака острыми зубами впилась в его руку.

Кровь с прокушенной кисти капала на асфальт. Лава убежала, а Игорёк пошёл в медпункт.

— Кто тебя так? — молоденькая медсестра наложила Игорьку повязку.

— Собака. Лава.

— Лава? Не может быть? Никого ни разу не кусала. Может, обидел?

— Не обижал, — Игорёк говорил, и не слышал своих слов. Он не отводил взгляда от стоящей прямо напротив окна медсестры. Яркое солнце делало её и без того лёгкий белый халатик совсем прозрачным. Игорёк засмотрелся на стройные девичьи ножки.

— Свободен! Считай, на больничном. Бригадиру не забудь сказать.

— Я на перевязку вечером приду. Вы во сколько заканчиваете?

— И этот туда же! — медсестра засмеялась так звонко, что Игорёк непроизвольно стал смеяться вместе с ней.

— Куда туда же? — Игорёк искренне не понимал, о чём ему говорят.
— На свидание хочешь меня пригласить?
— Хочу! — набрался смелости Игорёк.
— Приглашай тогда. Чего ждёшь?

Игорёк пригласил медсестру, которую, кстати, звали Лена, на свидание. Молодые люди стали, как говорят в народе, встречаться, а потом поженились.

Игорь и Лена часто вспоминали Лаву. Они считали собаку своей свахой и хотели забрать её к себе.

Но после того дня, когда Лава укусила Игорька, собака пропала. Говорят, её видели потом у шахт в Макеевке и Шахтёрске, но люди могут и ошибаться.

Ясно только одно — звание «талисман» Лава носила не даром. Игорь с Леной знают это абсолютно точно.

Степная свадьба

В памятном олимпийском 1980-м году мне было шесть лет. Понятно, что я считал себя взрослым мужчиной и наравне с отцом смотрел спортивные соревнования. Я повторял все отцовские жесты и даже иногда словечки, после каждого из которых мама прибегала из кухни и шлёпала меня по спине кухонным полотенцем. Отец, шахтёр, был в отпуске и в выражениях не стеснялся. Можете представить, что я за ним повторял. А мне что? Говорю же, шесть лет мне было.

Смотреть по телевизору, как улетает Олимпийский Мишка, мы собрались всей семьёй. Помню, мама даже плакала. Сентиментальная она у меня.

— Слушайте, семья, а почему бы нам не рвануть к Рае, — передача закончилась, и отец выключил телевизор «чтоб не перегревался». Рая — это моя тётка, сестра мамы.

Чтоб вы понимали, телевизоры были тогда совсем не такими, как сейчас. У нас стоял огромный, по тем временам, конечно, кинескопный. «Радуга», наверное, потому что цветной.

— Поедем. Мишка, поедем в Седово? — Это значит — на море, тётя жила в этом славном посёлке. И мама моя тоже родом оттуда. Это в Донецкой области, а в Донецке она когда-то училась в техникуме, да тут и осталась.

Мишка — это я, только шестилетний. Сейчас меня уже так не называют, всё больше Михаилом, да ещё и с отчеством. Конечно, я тогда обрадовался. Во-первых — море, а во-вторых, не нужно ходить в детский сад. Помню, в детстве я завидовал школьникам — у них каникулы, весь день во дворе, а меня водят в садик, не погуляешь толком.

И через пару дней отец завёл наш оранжевый «Москвич», и мы поехали.

Море для шестилетнего пацанёнка — всегда праздник. В воде я сидел с утра до вечера. На берегу грелся только когда мама буквально за ухо вытаскивала меня на песок:

— Губы уже синие! Посиди, пока трусы не высохнут!

И я сидел. Слушаться маму — святое дело. Тем более, когда отец из-под бровей смотрит на твоё поведение.

А однажды у соседей тёти Раи была свадьба. Роман, соседский парень лет двадцати, наверное, женился на Светлане. Она была из Донецка.

Я, конечно, пошёл на это дело смотреть. Больше всего меня удивило, что весь двор (свадьбы в посёлке праздновали не в кафе-ресторанах, я даже не знаю, были ли они там в то время) был устлан травой. По одной стороне ковылём, а по другой — травой, название которой я не знал.

Когда молодожёны приехали после «росписи», родители Ромки и его теперь законной жены встречали своих детей не караваем, как это принято в городе, я видел много раз, а охапками такой же травы, которая лежала во дворе. Родители Романа стояли с ковылём, а родители девушки — с той, другой травой.

А дальше — всё, как обычно, как принято и у нас в городе, — поздравления, танцы, песни. Я, пока родители сидели за столом, с другими ребятами сбежал на море. А что мне на гулянке делать? Мал я ещё был свадьбы отмечать.

Потом был второй день свадьбы, потом третий. В посёлках свадьбы часто длились и дольше. Там же все родственники, считай, все друг друга знают.

О том, почему двор перед свадьбой был устлан травой, я узнал совсем недавно. И это меня не просто удивило — я был ошеломлён глубоким смыслом и историей. Вот тогда-то и всплыли воспоминания детства, то, о чём я вам рассказал.

Про ковыль все знают, его узнает любой. Вторая трава, что держали в руках родители невесты, и лежала на земле, называется типчак. Её многие видели, но не знают названия. Растут и ковыль, и типчак в Хомутовской степи. Именно оттуда они попали на празднование, и именно там их нужно брать для этого дела.

Появился «травный» обычай в те далёкие времена, когда степь топтали русичи и половцы. Воевали они, понятное дело. Вот с этой войной и связана легенда.

Как-то остановились в Хомутовской степи два враждующих отряда — русичи и половцы. И те, и другие не знали, сколько у врага воинов, сколько лошадей. Нужна была разведка, это если по-военному. А по-другому и не скажешь.

Русичи отправили в стан врага лучшего разведчика: юношу по имени Ковыль. Половцы же тоже не оставили разведку без внимания. Понимали её важность. От них в сторону русичей тоже пошёл лазутчик. Правда, не юноша, а хрупкая девушка по имени Типчак. Посчитали, значит, басурмане, что ей будет легче остаться незамеченной. Росточку-то в ней было всего ничего. Как бы сказали сейчас: она была девушкой миниатюрной.

И надо же было такому случиться, натолкнулись эти разведчики в степи друг на дружку. Выходит, велика степь, да места в ней мало.

Девушка думала от русича убежать, да куда ей! Парень быстро её догнал и связал. Да вот только, когда Ковыль разглядел, что перед ним не вражеский воин, а девушка с бездонными чёрными глазами, не смог держать её связанной. Очень она ему мила оказалась.

Типчак тоже не осталась равнодушной к Ковылю. И хоть не знали они языка друг друга, это не помешало им провести ночь вместе.

Утром и русичи, и половцы, не дождавшись своих разведчиков, выдвинулись по направлению друг к другу. И на полпути, и те, и другие, увидели в степи влюблённую пару. Крепко обнявшись, юноша и девушка спали. А потом поженились, тут всё, как положено в легендах.

На месте, где ночевали русич Ковыль и прекрасная половецкая девушка Типчак, выросли травы. Как вы понимаете, это ковыль и типчак.

С тех пор на свадьбах принято дарить травяные букеты. Ковыль — со стороны жениха и типчак — со стороны невесты.

Я, когда был маленький, не видел, что перед первой брачной ночью молодые оба подаренных букета смешивают и крепко связывают в один. А во дворе трава, если помните, она лежала по разные стороны, постепенно смешивается под ногами гостей. Особенно, я думаю, в моменты безудержных сельских танцев.

Своей жене на каждую нашу годовщину я теперь дарю букеты из ковыля и типчака. Специально для этого в Хомутовскую степь езжу. Много травы не беру, конечно. Природу беречь надо.

Супруга же моя легенду про влюблённых знает и всегда улыбается, когда я приношу ей эту пахнущую бескрайней степью охапку. Понимает, если принёс, значит — люблю. И она, конечно, права.

г. Донецк

Михаил Афонин

Красным — сердце на блокнотике

За окном

Ночь. За окном Донецк.
Мы — строки в мониторах.
Я — пожилой юнец.
Но! Бывший в мушкетёрах.
Ты — не вольна в словах,
Ты — вся в мечтах и с мужем.
Путаюсь в адресах.
Мой мне сейчас не нужен.

Я — в книжке записной.
Ты — в облаке из красок.
Спрятана за стеной
И комендантским часом.
Я — говорю: «дела»,
Ты — отвечаешь: «тоже».
Старые удила
Нам разрывают кожу.

Ночь. Время быть собой.
Вот бы уснуть счастливым.

Но светофор немой
С красным горит отливом.
Я — зажигаю свет.

Ты — закрываешь окна.
Я — твой большой секрет.
Мы — отраженья в стёклах.

Рассвет

Никотиновый рассвет, пересохшие слова.
Прилетевший рикошет оставался ночевать.
Не допитый в танце стон, не добытый в жажде крик.
Раздели на миллион знаний всех из толстых книг
Незаметно огранён неподатливый алмаз,
В венах кровью растворён каждый пролетевший час.
На подушках дремлет день, за окном проснулся дождь.
В утекающей воде нас на миллион умножь.

Наполнена чаша любви до краёв

Наполнена чаша любви до краёв.
Её подними осторожно.
Отпей. Что осталось, то будет моё.
Мне тоже немножечко можно.

Скажи, что опять не хватило минут,
Что время безжалостно к людям.
Но те, кто притронуться к чаше рискнут,
Утонут в сплетении судеб.

Расспрашивать станут, где чаша сейчас,
И чем до краёв наполняли?
Отвечу улыбкой незначащих фраз —
Не помню, и вспомню едва ли.

Нам просто везло, мы источник нашли
И путь позабыт потаённый.
Но видел: в том месте цвели ковыли
И в небо рвались терриконы.

Комната игрушек

На самом деле, все давно ушли,
А мы остались в комнате игрушек;
Актёры из провинций и врали,
Заблудшие и умершие души.

Что из того, что мы давно не те:
Не мальчик, не девчонка в босоножках
Касаемся уже запретных тем
И переплётов под суперобложкой.

Когда вернутся все, мы будем спать,
Устав от разговоров и объятий.
Окончен том, и начата тетрадь.
Там ты и я, и смысл двоим понятен.

Красно-синее

В синем небе белым кажется
Прошлых жизней след расплывчатый.
Самолётов сталь бумажная
Для забытых и забывчивых.

Синим — буквы о прощении,
Красным — буквы о прощании.
Осень жизни в отражении,
Тихий голос с придыханием.

Опоздали самолётики,
Прилетели не по адресу.
Красным — сердце на блокнотике.
Синим — имя в форме паруса.

Написали и не вспомнили.
Потеряли — не заметили.
Паруса накрыло волнами
И прошло сорокалетие.

Остаётся только маяться
И не спать, как будто чокнутый.
Красным — туфельки и платьице.
Чёрным — после перечёркнуто.

г. Донецк

Динара Гатауллина

Разбуди меня так рано

Письмо Левитана брату

У ангелов крылья радужные, Авель.
Они гуляют утром по росе.
Какое дело тихое оставил
Ты только мне, всего лишь мне.

Чтоб я ловил их переливы крыльев
Как бабочек в холщовые силки,
Шёл напрямик, свой опыт пересилив,
И дни вокруг сгорали, как листки.

Небесный свод нас в землю обращает
И всё теснее воздуху в груди
Как хочется воскликнуть: «Что не камень,
Не птичья песня, Господи, прости!»

Я всё растратил глупо, не расправив
Тугие струны в необъятный ритм.
И брат мой бедный, праведник без рая,
Меня уже не вспомнит молодым.

* * *

Я пишу тебе, как Иосиф — Рейну,
Облачками ванили и пряной вишни.
О предпраздничном свете гирлянд столичных,
Бесконечными строками, но, наверное,

Становясь ничтожнее и сильнее,
В неизбежной снежности, в театре мира.
Приглушая звуки, живой, счастливый,
Всё лицо твоё, вспоминая, смея.

И теперь, в бесконечном разливе улиц,
До тебя добраться сквозь злых прохожих,
Через тёмный лес своих мыслей то же,
Что в саду вишнёвом найти жар-птицу.

Я пишу тебе, как спелёнут снегом.
И коринки сладость на сломе сдобном
Я тебе пою, как псалом субботний.
Что ты плачешь, словно я не вернулся?

* * *

На улицах, в коридорах,
И в лиственных снах померанца,
Вдали от бессмысленных взоров
Прекрасное в нас сбывается.

Душа — чернильница звука,
Откуда на свет пробивается
Вся тысячелетняя мука
Художников и скитальцев.

Бездельников нежных и тонких,
Как стебли и первые листья,
Когда их касаются капли,
Когда в них влюбляются птицы.

И движутся грациозно
Над ними закатные тени.
Прощаясь с печальным прошлым,
Творцы уходят на север.

* * *

Разбуди меня так рано, как сможешь,
Мне неможется сегодняшней ночью —
Капли крови изнывают под кожей
По свободе, по былой своей мощи.

Остановится движение кругом,
Распахнётся небывалое завтра,
Мы решительно теряем друг друга,
Потому что не встретились, автор.

* * *

Белая память. Бессильней, чем слог.
Чем очарован — оставить не мог
В этом краю недочерченных троп,
Дальних дорог.

Он — Всепрощающий, скажут ещё.
Ритм подхватит и с сердцем сроднит,
Чтобы теперь и навек не забыть,
Что ты — родник.

г. Донецк, ДНР

Надежда Куликова

Такое мало кто снесёт

Спи, Донецк

Спи, Донецк, мой город ратный,
Крепко спи.
Ноют швы и ноют раны,
Все в крови.

Пахнешь пóтом и металлом,
Без воды.
Ничего, приляг, усталый,
Отдохни.

Я не знаю, мой любимый,
Ничего.
Всё сильнее тебя били
Отчего?

То ли прошлое со скорбью
Вспомнил Бог.
Каждый знает, чем он сгорблен
И в чём плох.

То ли вылечить он волен
Разом нас.
Жив? Будь счастлив и доволен.
Здесь. Сейчас.

Отбирает напрочь силы,
Душит страх.
Надо спать, уснуть, мой милый.
Что в слезах?

Отдохнёшь, наступит завтра,
Много дел.
Будут силы, будем правы.
Будет день.

Свистит

Свистит. Сейчас. А если это всё?
Да ладно, если всё, а если ранит?
Нет-нет, избавь от этого всего:
Боль... Бинт... В наркозе, как в тумане...

Свистит. Опять! А если это всё?
Да ладно, если я, а если дети?
Нет-нет, такое мало кто снесёт.
Пусть я. Сто раз. Оставь детей на свете.

На свете. Свет. Да что это за свет,
Где сыплют прямо к нам в дома снаряды?
Оставь меня, без мамы счастья нет,
Кому нужны и где им будут рады?

Я не готова. Потуплю глаза.
В твоих селеньях не найду ответа.
«Живый... Речет... Не убоишися...»
Свистит. Сейчас. А если всё вот ЭТО?

Восьмого мая

Уложен спать вояка;
Ему четвертый год.
Во сне смеется сладко.
Наверно, снится кот.

На завтра ему папой
Обещан был парад.
Увидеть много танков
Наш «лыцаль» будет рад.

А мне совсем не спится,
И мыслям нет конца.
Сынишка, милый, нежный,
С глазами в пол-лица

И он в шеренгу встанет,
И он пойдет: «Вперед!»
Случись, беда настанет.
Нельзя наоборот.

Спиной, где рельсы-шпалы
Сегодня я черчу,
Прикроет этот малый
Сестру, жену, страну.

Парад московский раньше:
«Какие пареньки!..»
Четвертый год иначе,
Теперь смотрю: «Сынки!»

г. Донецк

Наталья Литвиненко

На улице опять разбили дом

* * *

Сверчки... Как будто нет войны.
Как будто при луне,
Как будто дети видят сны,
А не кричат во сне.
Жаль, не заброшен тот подвал,
Где вечно хлам и пыль,
Где, затаившись, ночевал,
Где спал, и просто жил.
Сверчки сегодня у ребят
Не гонят сон от глаз
И верю: все ребята спят.
Проснутся в нужный час.

* * *

Напугали «грады» голубей —
Вот рванули с места и летят...
Не привыкнут птицы, хоть убей,
Если где-то запускают «град».
А девчат пугает самолет.
Прячутся девчонки по домам.
Это «град» противника, прилёт —
Ну как отработает по нам?! —
Я люблю грачей... и в целом птиц,
Красоту закатов наяву...
Мне вообще милее всех столиц
Город, где я восемь лет живу.

* * *

Вот под плакатом про конъюнктивит
У окулиста очередь стоит.
Вот в кабинет зашёл бочком амбал.
Сел, буквы по таблице называл.
Врач ручкой в стену тыкал не спеша,
И слышал он в ответ то «Б», то «Ша»
И медсестра на записи в тетрадку
Уже почти вписала по порядку
То, что уже проверили сейчас:
— Да всё понятно — левый идеально.
Давайте на второй посмотрим глаз!
А врач стоял спокойно и печально...
А врач по долгу промолчать не мог:
— Ты выучил таблицу наизусть,
Но называл ее со сдвигом вбок.
И перепутал ты порядок строк.
Как это понимать, спросить боюсь?
У парня в голосе задор исчез:
— Да, там протез...
— На дембель!
— Не сейчас!
Врач табурет свой размещает рядом.
— Да там тебя раздавят, как щегла.
Да я ж тебя — спасаю! Не со зла...
Да ты пойми, что нет объема взгляда...
— Я пулемётчик, мне оно не надо!
Оно важней для снайперов, их пар —
А мне нужнее сила и удар!
Мне что — спиваться грузчиком под складом?!
Да я стреляю стоя из ПК!
Мне ваш «костыль» как оперу «Макар»...
...Я в мирной жизни спец был по баяну —
Учил детей, наяривал в ДК.
И что — я снова инструмент достану?
Я в музыканты не пойду пока!
Меня на свадьбы звал весь наш район —
Но нынче больше стало похорон...
Ещё моей земле покоя нет —
А я возьму, пойду за инструмент?
Как людям я в глаза взгляну потом?
На улице опять разбили дом...
Врач охнул:
— Много вас, таких зараз!
Я в медосмотре распишусь сейчас,
И дуй с моих, боец, немедля глаз.
Вздохнул:
— Не умножай число потерь!
Амбал, ликуя, чуть не вынес дверь.

* * *

Я различаю голос соек,
И гаубицы и стрижа.
Дом человеческий нестоек —
Трясется, стеклами дрожа.
Я отличаю голос чаек,
Улёт с прилётом различаю.
Как мать кричит: потише, слёток!
Предположу калибр прилётов.
Я соловья не слышу в мае...

...Зачем они по нам — не знаю.

г. Донецк, ДНР

Владислав Русанов

Нам полжизни ещё догулять

* * *

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за небокрай.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
День ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут, почти что без надежды
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.

И потекут, прорвав барьеры —
долой тоску! —
рекой стальною БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

* * *

Время ничуть не лечит,
не назначает встречи,
не произносит речи —
на языке крамола.
Видишь танцует пламя,
видишь трепещет знамя.
Это уходят сами
души седьмого помола.

Помним ли друг о друге,
мчась, день и ночь по кругу?
Не затянув подпругу,
не победить в паркуре.
Выжить, конечно, можно,
только безумно сложно,
если сжимают вожжи
волки в овечьей шкуре.

Вечность — игра в орлянку.
Снова пробили склянки.
Не удержаться... Глянь-ка —
рушатся в прах кумиры.
Грешные и святые,
мудрые и пустые
будут они отныне
эхом войны и мира.

* * *

А мы много хотим успеть —
кто допеть, а кто долюбить.
А мы за нос поводим смерть,
из надежды свивая нить.

А мы много хотим сказать,
лишь бы слушать, кто захотел,
лишь бы кто-то глядел в глаза
в суете каждодневных дел.

А мы много хотим забыть,
и забудем — не в первый раз.
Чем казаться, так лучше быть
без иллюзий и без прикрас.

А мы много хотим понять,
не страшась ни тюрьмы, ни сумы.
Как ладонь ляжет на рукоять,
так за правду поляжем и мы.

А мы много хотим простить
и чтоб нас простила земля.
Веселей гляди, волчья сыть!
Нам полжизни ещё догулять!

* * *

Когда в эфире что ни час
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит несломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью «калаши»
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

* * *

Набей потуже чемодан,
набей потуже!
Ты уезжаешь в никуда,
и ветер кружит

в пустых бульварах, площадях
и на перронах.
Тебя, конечно, пощадят
и не затронут.

И будет жизнь твоя легка,
как вольный ветер.
Играй по жизни дурачка
и в Интернете.

Обрушь на Родину свою
ушат реляций,
потребуй новый «Хасав-юрт»,
капитуляций.

Но только думать перестань,
что ты здесь нужен.
Набей потуже чемодан,
набей потуже!

г. Донецк

Виктория Семибратская

Время не верить в плохие приметы

Я слышу приближение грозы

Я слышу приближение грозы
Сквозь тишину безоблачного рая.
Блеск молнии от края и до края —
Невидимый неистовый призыв.
Осипли в напряжении часы,
Отсчитывая прошлого песчинки.
Пророчат непокорным поединки,
Прощания недолги и легки.
Дыханье непогоды давит грудь,
Истома овладела мыслью прыткой.
Прибоя гром за маленькой калиткой,
И бездны мрак беснуется... Шагнуть
Тебе навстречу в тёплый бархат рук —
Обрушится небесная стихия!
С тобою мы — святые несвятые,
Оправданные тысячей разлук.

Вечернее

Тихо спускается пасмурный вечер,
Уличный гул осторожней и тише.
Я зажигаю янтарные свечи:
Время молчанья, прогулок по крыше.
Мыслям навстречу иду по карнизу;
Лёгкое платье ласкает колени.
Где вы: художник и беличьи кисти?
Изобразить бы исканий ступени.
В космос возьму обжигающий кофе,
Силу, отвагу, с ванилью печенье
И бесконечность любви на Голгофе —
Верю, что жизнь не закончится тленом...
Добрый мой вечер, как старая сказка,
Тушь заштрихует дневные огрехи.
Шепчет: «Назавтра ко мне возвращайся,
Время не верить в плохие приметы».

Не бойся, я тебя не разлюблю

Не бойся, я тебя не разлюблю:
Моё тепло не знает расстояний,
Не в будущем, лишённом очертаний,
Здесь, в настоящем, каждый миг ловлю.
В моих мирах приручены ветра,
Шторма не давят грудь девятым валом.
Чего греха таить, они бывали,
Бескрылая тоска вещала страх.
Долой оковы самости и грёз!
В разбитом сердце грани совершенства —
Вселенной бесконечное блаженство,
Печаль и нежность одиноких звёзд.
Не бойся, я тебя не разлюблю...

Загляни

Не по делу и не за байками,
Загляни ко мне просто так.
Видишь, птицы кружатся стайками:
Биться с холодом — не пустяк.
Загляни, расскажи пустячное,
Чем по капле наполнен день.
Но молчим, добровольно прячемся,
Взгляд направив к одной звезде.
Снова вечер к порогу катится,
Ожидания свет иссяк.
Мы залечим друг другу ссадины,
Загляни ко мне просто так.

Быть твоей женщиной

Хрупкий лёд — быть твоей женщиной,
Не любовницей, жаждой пламенной,
Восхищающей ночь. Изменчивой.
Обнажилась, и звёзды замерли.
Тяжкий труд — быть твоей женщиной.
Не женой, с кем рассвет поровну,
Драгоценным речным жемчугом,
Не роняющей взгляд в сторону.
Сладкий сон — быть твоей женщиной,
Чище радуги, выше облака.
Не целованной, не обвенчанной,
Берегущей мечту робкую;
Обнимающей пьяной нежностью
Одного, кто судьбой обещанный.
Одиночество неизбежное —
Быть твоей не твоей женщиной.

Живопись

Свои рисунки, изгнанной из рая,
Листаю тихо, запиваю мёдом.
Который раз мечты не совпадают —
Сложу на полку к пробным эпизодам.
С натуры счастье рисовать не мудро:
Дыханье резче, сомкнуты ресницы...
Писать идею — чуть коснётся утро
На шёлке белом новую страницу.

Цвет дикой розы, золотой и чёрный —
Оставлю в прошлом скучные эскизы.
Тушь расплывётся, колор непокорный,
В грядущем дне ты бесконечно близок...

г. Донецк

Челябинск — Донбассу

Алексей Баскаков

Павшим — в небеса раскрыта дверь

Предвоенное

Навстречу бронетанковым колоннам,
Когда исход был предопределён,
На Запад шли десятки эшелонов
С зерном, металлом, лесом и углём.

Опять сгустились тучи над Отчизной,
Но мы исправно гоним нефть и газ.
Уходят каждый день десятки жизней,
Что завтра будут отняты у нас!

Экипаж

Каждый из оставшихся в строю
Будет дальше жить с формулировкой:
«Ваш корабль не погиб в бою —
Затонул во время буксировки».

Но в ночные страшные часы
Видит мать, едва смежая веки,
Как её двадцатилетний сын
Гибнет в развороченном отсеке...

Будет флот по-прежнему силён,
Но душа матроса не на месте:
Каково погибшим с кораблём
Числиться «пропавшими без вести»?

Павшим — в небеса раскрыта дверь,
Окрылённых душ уже немало.
Списком не озвученных потерь
Прикрывают ж@пу генералы.

Дома ждут с тревогой новостей,
Молятся о здравии мальчишек[1].
Не сдадут посты и вахты те,
Кто из строя прямо в небо вышел...

Когда закончится?

Ще не вмерла Україна.
Первая строка гимна Украины

Там побеждаем, и тут побежали,
Танки разбиты, сдающихся — масса...
Город был отдан на растерзание
«Цезарям», «точкам», «градам» и «марсам».
Как в Сталинграде — скелетами здания,
Станет он символом, как Хиросима.
Город, как смертник, идёт на задание.
Участь оставшихся — невыносима!

Ведь предлагали: эвакуировать.
Вышли автобусы — полупустые.
Ненависть больше из сердца не вырвать
Жителям каменной полупустыни.

Дым от пожарищ врывается в лёгкие,
Даже металл в этом пламени корчится.
Меряют жизнь не часами — прилётами...
— Скоро ль конец?
— Вот помрёт — и закончится!

РазНицца

Злостно нарушаются права
Тех, что отдыхать привыкли в Ницце:
Призывают русским не давать
Визы ни в какие заграницы!

Из разбитой танками страны,
От полей, сгоревших с урожаем,
Прибыли на Родину сыны...
Мы таких уже не нарожаем!

На поминках мать хватил удар —
Прадед ляпнул, хоть и не просили:
«Внук мой пал в бою за... Соледар.
А отец — погиб, но спас Россию».

г. Касли

[1] До получения достоверного свидетельства о смерти христианина его следует поминать на молитвенном правиле о здравии. Это является выражением веры в милосердие Божие, которое может возвратить к жизни погибших.

Борис Беленцов

Терпения кончается лимит

Донбасс война

Война никого не ласкала,
Любимчиков нет у неё.
Сегодня она догнала
Серёжку. Упал в жнивьё.

Серёжке и мне по двадцать.
Пошли в ополченье мы.
Он мог на гитаре сбацать,
И видел цветные сны.

Война пришла из тумана,
Куда от неё бежать?
Враги явились незвано,
Убили сестрёнку и мать.

Не будет уже как прежде,
Ничто не вернуть назад.
На наши мечты, надежды
Снарядами сыпал «Град».

Свои города отстроим.
Погибших поднимет кто?
Серёжка ушёл героем,
Помянем его, браток.

Война никого не ласкала.
Металось пламя свечи.
Ах, как она всех достала.
Икал миномёт в ночи.

Одесса 2 мая 2014 года

Потомки тех, кто зверствовал в Хатыни,
Кто не жалел детей и стариков
Сегодня жгут людей на Украине,
Невинных убивают, льётся кровь.

И пляшут на костях горелых бесы.
Терпения кончается лимит.
Скорблю я с вами, жители Одессы,
В душе клокочет ярость и кипит.

Нацизм и власть — любовники в экстазе;
Жизнь русского не стоит ни гроша.
И только лишь один заслон заразе:
Смотреть на Зло сквозь прорезь «калаша».

Донбасс в огне

В этот солнечный день умирать не хотелось,
Но под пение птиц затрещал автомат.
И пошла карусель, и война завертелась,
И посыпались мины, превратив утро в ад.

Вдруг заплакал малыш: «Мама, мама, мне страшно!»
И плеснулся испуг в глубине детских глаз.
Безысходность кругом, как ни кинь, всё ужасно,
Вы скажите: за что убиваете нас?

Вы скажите, за что, чем мы так провинились?
Нам всем хочется жить, петь, смеяться, любить...
Но над пляжем Зугрэс самолёты кружились,
И несли в себе смерть, и хотели убить.

Нет, никто не хотел умирать этим утром,
Но посыпались бомбы с неба, словно горох.
И ребёнок упал, и заснул он как будто,
Отлетела душа... Ты прими её, Бог...

п. Увильды

Наталья Дубровина

Кому горе и война, а кому-то мать родна

Про свободу громко бают,
Все Зеленского спасают.
С легкой (подленькой) руки
Гибнут дети, старики.

Опа, опа, Америка, Европа...

Байден — главный демо-н-крат
Оголил Европе зад.
Если дальше так пойдет,
Запад грязью зарастет.

Опа, опа, Америка, Европа...

Байден дал такой указ:
Экономить свет и газ
И водичку зря не лить,
Свои попы реже мыть.

Опа, опа, Америка, Европа...

Миллиарды на войну
Шлет на Украину,
А Америку свою
Погрузил в путину.

Опа, опа, Америка, Европа...

Ах, Зеленский, ну, герой,
В президентах значится.
Столько лет войну ведет
И за спины прячется.

Опа, опа, Америка, Европа...

Пан Зеленский слезы льет:
«Мало Запад нам дает».
Все, что смог, уже продал,
В нищету страну вогнал.

Опа, опа, Америка, Европа...

То трагедии играет,
То комедии ломает.
Как такого упыря
Терпит до сих пор Земля?

Опа, опа, Америка, Европа...

На чужой, брат, каравай
Лучше рта не разевай.
Так пословица гласит,
Это ставим вам на вид.

Опа, опа, Америка, Европа...

Торопитесь, господа,
Скоро грянут холода.
Вы дровишки запасайте
Да «буржуйки» доставайте.

Опа, опа, Америка, Европа...

Пряжи тоже подкупите,
Панталонов навяжите.
Не забудьте про пимы —
Модный бренд любой зимы.

Опа, опа, Америка, Европа...

Вы Россию не гнобите,
Языки поприкусите.
Не ходите к нам с мечом,
Тогда встретим с калачом.

Опа, опа, Америка, Европа...

Впредь давайте дружно жить,
Чтоб планету сохранить:
Опа, опа, Америка, Европа...

п. Увельский

* * *

Нас Луганск и Донецк попросили
Руку помощи им протянуть,
И великая наша Россия
В непростой снарядилась путь.

Воевали когда-то с фашизмом
Наши деды в Великой войне.

Наталья Емельянова

И опять на борьбу с бандитизмом
Выходить нужно нашей стране.

Отличает нас дюжая сила,
Мы единством своим сильны.
В Украине всем гибель грозила,
Защитим мирных жителей мы!

с. Чесма

Нэлли Кизилова

Своих Россия не бросает

Нет в России такого человека, который остался бы равнодушным к событиям, происходящим на Украине (уже восемь лет подряд). Почти в каждой семье там живут родственники, друзья, хорошие знакомые, потому что была единая страна, мы жили единой семьёй, не различая национальных особенностей. В каждом классе, студенческой группе, в каждой семье сроднились люди из разных республик СССР.

Меня до глубины души зацепила история армейских друзей, которую поведал редактор нашего журнала «Графоман» во втором номере за 2022 год Александр Андреевич Мишутин.

Годы службы в армии, как и студенческие годы, остаются в памяти на всю жизнь. Отчётливо вспоминаем какие-то шуточки, забавные истории, приколы и острые словечки. Хочется говорить о них с теми, кто был тогда рядом и испытывал те же чувства, выражал те же самые эмоции. У Мишутина и его друзей был Устав ЗК («затумбочный комитет»).

Мы называли себя кунанбаевцами. Мне тогда солдат прислал письмо из Москвы, а на конверте портрет казахского поэта Абая Кунанбаева. Мы нашли в библиотеке сборник его стихов, перечитали, и нас стали дразнить таким не понятным для других именем. Забавно... Вспомнила благодаря Александру свои студенческие годы.

Да, жизнь распоряжается по-своему. С годами разошлись пути-дорожки армейского братства Александра Мишутина и Владимира Жигало из Запорожья. Попытался наладить связи Александр, даже по скайпу поговорили, но с горечью осознал, что ничего общего у них нет. Умные, высокообразованные люди не смогли найти общего языка.

С какой болью и разочарованием понимает земляк, что дружбы между ними быть не может. А прощальная фраза прозвучала по-христиански: «Прости... Прощай».

Информационная война развела в разные стороны братские народы. От третьего инфаркта умер мой брат, через два месяца его старшая дочь от инсульта. Трудно людям разобраться, где — чужие, где — свои. Когда началась специальная военная операция на Украине, мне родная племянница по телефону заявила:

— Только нас перестали бомбить, мы вышли из подвалов — пришли ваши. И опять наши озверели...

Родительский дом в Новоайдаре разрушен. Внучки брата прятались в подвалах с четырёхлетней дочкой и двухмесячным сыночком. Слава Богу, выжили. Потихоньку жизнь налаживается. Красное знамя Победы водрузили над Лисичанском. Получают жители российские паспорта.

Есть у нас родственники в Горловке, Макеевке и Константиновке. Держись, Донбасс!

Каждый россиянин имеет подобные истории и переживания. И вопросы, вопросы. Как такое могло случиться? Чем я могу помочь? Как пережить нашим братьям страшные годы войны? Россия с вами. Крепись, Донбасс.

Наше дело правое.

Победа будет за нами.

с. Миасское

Александр Фунштейн

Посвящается школьному другу
Юрию Эйжвертину

Детство на Донбассе

Идёт сорок четвёртый год
Ещё двадцатого столетья,
Сражается родной народ
В кровавой битве лихолетья.

Война разрушила наш край.
Мы только школьниками стали,
В войну в развалинах играли,
Никто не запрещал — играй.

Однажды мы нашли гранату —
Не стало Юриного брата...
Сам Юра ранен был тогда.
Шли наши детские года...

г. Челябинск

Валентина Клименко

Неожиданная встреча

Даже сейчас, когда вспоминаю — страх охватывает. Этот рык, глядящие в упор волчьи глаза, рядом, совсем рядом — на расстоянии вытянутой руки. А тогда... Вот странность-то какая.

Враждебный клыкастый оскал и глядящие в упор волчьи глаза, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, привели меня в ужас. До сей поры, когда прикрываю глаза и вспоминаю, передо мной возникает образ матёрого хищника.

В Якутии наступило долгожданное жаркое лето, но очень короткое, с воробьиный скок. Созрела ягода брусника. От своего стойбища с первыми лучами солнца мы с мамой и две её подруги направились в тайгу. Я была счастлива, что мама взяла меня с собой. Хотя долго не соглашалась из-за того, что я ещё мала, да и всякое может произойти в тайге. Самый опасный враг летом в лесу — гнус. Это мелкая мошкара, рой которой может уничтожить незащищённого человека.

Мы взяли с собой накомарники, сплетённые из тонкой проволоки с прикреплённой к ней мелкой сеткой, спадающей на плечи. При сборе ягод в таком головном уборе не совсем удобно, но безопаснее, а вот рукам достаётся с лихвой.

Несмотря на трудности и опасения, я была безмерно рада, да и что может быть интереснее встречи с целым семейством ежей, белочек, бурундуков и везде снующих ящериц. Хотелось заглянуть в каждую звериную норку, побегать по лесу, но это невозможно: немного в сторону — и заблудишься.

Моя мама была геологом, очень хорошо ориентировалась в тайге и не любила подолгу на одном месте брать ягоды, постоянно перебегала с одного ягодника на другой, а брала только крупные и спелые. Я старалась поспевать за ней. Мама дала задание, чтобы я набрала полный туесок, а не отвлекалась на все шорохи и звуки окружающей живности. Любопытные, непугливые белки прыгали с ветки на ветку, сновали возле моих рук, касаясь меня своими роскошными пушистыми хвостиками. Наконец, вишневые крупные гроздья сочных и сладких ягод увлекли меня полностью. Дятел, как будильник, монотонно отбивал дробью на дереве, я задумалась: «Неужели у него голова не болит так долго стучать?»

Неожиданно, прервав мои мысли, эхом разнесся по тайге крик мамы: «Смотри, на тебя бегут две косули, не напугайся!» Я быстро вскочила на ноги. Они, увидев меня, как по команде ринулись в сторону и скрылись из вида, удивительно изящные, быстроногие лесные красавицы.

Мы продолжили сбор ягод, время от времени перекликаясь: «А-у-у! Ты где?!» — несмотря на то, что находились совсем рядом, а мошкара и комары донимали — хоть плачь, руки были изъедены в кровь. Мой туесок был уже почти полным — это успокаивало и радовало. Вдруг я почувствовала на себе... взгляд. Не поднимаясь с колен, я замерла, а потом осторожно повернула голову влево. Я почему-то испугалась и даже услышала, нет — учуяла дыхание и запах. Не разгибаясь, я медленно повернула голову вправо и увидела в шаге от меня собачьи лапы. Собак я боялась: разные они бывают. Я замотала головой: «Нельзя! Нельзя!», выставила перед собой в защиту руку и подняла голову. Передо мною был волк. Я удивилась, да и застыла с вытянутой рукой. Волков я не боялась, потому что не встречалась с ними. Волк рыкнул, понюхал мою ладошку и, кажется, даже лизнул. Затем развернулся и не спеша потрусил в глубину леса. «Нельзя», — прошептала я, приходя в себя.

Было тихо. Очень тихо. Будто всё живое вокруг напугалось вместо меня: замерли белки, перестали токовать глухари, даже дятел остановился. Или мне так показалось...

А в голове что-то шумело и звенело...

Мама была рядом, всё видела, но, затаив дыхание, держала паузу, чтобы не вызвать агрессию хищника. Подошла ко мне бледная, взволнованная и осипшим, неузнаваемым голосом произнесла: «Доча, как ты?» Я ответила: «Мама, он как собака, даже руку мне облизал!»

Незаполненный туесок

Прошло много лет... Этот случай я вспоминаю всегда с улыбкой. А дело было так.

На моей родине, в холодной Якутии, лето короткое, но очень жаркое. За этот период вырастает много ягод, сладких, сочных малина, земляника, голубика, брусника, а на болотах какая клюква — объеденье! Недалеко от нашего стойбища были заросли малины, и мы, ребятишки, бегали туда с туесками за ягодой.

Как-то утром я пошла нарвать малины к завтраку для всей семьи. Сначала решила полакомиться вдоволь, увлеклась настолько, что сразу не обратила внимания на шорохи, доносившиеся из зарослей. Наверное, дети или взрослые тоже собирают ягоды, подумала и успокоилась. Прямо напротив меня раздался сильный треск веток, я раздвинула кусты. О чудо! Нос к носу, глаза в глаза мы столкнулись с медведем. Медвежья морда даже коснулась меня в какой-то миг, или мне это показалось; что есть силы я закричала: «Ой, мамочка!» Испугавшись, мы отпрянули друг от друга. Я помчалась от него в стойбище, бросив туесок, ещё не наполненный ягодами. Когда оглянулась, то увидела потрясающее зрелище: медвежонок без оглядки, косолапя, через поляну мчался в тайгу. Я больше не убегала, а любовалась им: яркие лучи солнца играли в его роскошной, блестящей шерсти, он постоянно фыркал и мотал своей красивой лохматой головой. Я весело рассмеялась, размышляя, кто же кого больше напугал?

Медвежонок забежал в тайгу, даже ни разу не оглянувшись. Похоже, я его напугала больше, чем он меня. Досадно, что завтрак мишке я испортила, да и самой мне уже не хотелось собирать ягоды. Туесок подобрала позднее с мамой, рассказав ей эту историю. Мама сказала: «Летом медведи сытые и человека не тронут, а малину они обожают, потому что, как и дети, любят сладкое».

г. Троицк

Людмила Куковенкова

Фартук с карманом

Утро... Какое оно будет сегодня, ясное или хмурое? Наверное, это не столь и важно для носика с веснушками, который выглядывал из-под клетчатого одеяла и сладко посапывал. Жизнь в селе уже потихоньку начиналась, мычало стадо коров, проходящее по улице, кудахтали и гомонили куры, слышались голоса людей.

Мать прикрыла форточку, чтобы не так слышен был этот утренний гам, поправила одеяло на Людкиных ножках и ушла на работу. По субботам в садик Людку никто не водил, и это дитятко ранним утром оставалось спать, пока не придёт баба Саня и не заберёт её.

В окно кто-то постучал — и всё: сон, как провалился куда-то. Люда соскочила и к окошку: баба Саня пришла. Быстро надев сандалии, платье, косынку, она выскочила во двор.

— Баба Саня, ты где? — и в огород шмыгнула.

Бабушка доставала из колодца воду, улыбнувшись, подала ковш внучке:

— Умойся, студёная водица-то. Хорошо, сразу покрасивее станешь!

— Ну да, а то я страшная, как баба Яга!

Внучка, умываясь, взвизгнула от холодной воды.

Потом курам воды налили, собаке Шарику, закрыли избу на клюшку и потихоньку отправились.

— Бабуля, а дед-то чё делает, спит? — спросила внучка.

Бабушка ласково глянула на неё, крепче взяла за руку, сказала:

— Дед твой ещё по росе уехал сено косить, а то чем кормить будем Марту, коровушку нашу, зимой!

И дальше они уже пошли молча. Дома у бабушки Людка принялась за дела: бабушка насыпала ей пшено и велела перебрать, чтобы чистое было, без чёрных крупинок. Занимаясь этим делом, Людка вдруг вспомнила сказку про Золушку и заявила бабушке:

— А вот у Золушки, той работницы, фартук был, а я всё на вас работаю, работаю и не заслужила даже.

Бабушка пекла блины, смазывая их топлёным маслом, повернулась к внучке и спросила:

— А вы за работу как брать будете: чай с блинами или фартук сшить?

Людка аж засветилась вся (фартук, фартучек — маленький, хороший с карманом!) и запрыгала от счастья. Самовар уже был готов и обе работницы уселись пить чай. Людка искоса поглядывала на бабу Саню, а потом сказала:

— А чай я пить не буду: фартук-то уж шибко охота, как твой!

— Пей, уж чудо моё! Ну, раз пообещала, так вот мои юбки, обе уже прохудились, но куски хорошие мы выберем тебе на фартук. Бери блины-то, работница, заслужила.

К вечеру Людка бегала по соседям и горланила, как оглашенная, от счастья.

— Я-то Золушкою стала, у меня и карман есть на фартуке, как у моей бабы Сани, вот!

Много ли надо было в то наше время для счастья. И кто был счастливее тоже не понять: то ли сама баба Саня, то ли её прекрасное конопатое чудо — Людка! Пусть не всё было в достатке: и вещи перешивали, и валенки одни были на двоих, но мы были счастливыми! Самыми счастливыми!

Звон благодатный

Людмилке шёл шестой год от роду. Любознательная, шустрая, она мечтала об одном: чтобы однажды её взяли в большой город. Она даже во сне его видела. А ещё ей снилось мороженое, неведомое и очень, очень, должно быть вкусное.

Однажды мать смилостивилась и взяла дочь с собой: надо было ехать в Троицк на рынок, продать излишек продукции — масла, сметаны, молока, овощей. От Бобровки до Троицка путь неблизкий. В большую деревянную телегу впрягались по очереди по три женщины и тянули, волокли эту телегу.

Ранним утром, только солнце встало, бабушка подняла Людку, а та и не капризничала, ведь впереди её ждало что-то необыкновенное и интересное. Женщины сплошь все были наряжены в плюшевые маринатки-жакетки. Девочку укутали в тулуп, откуда торчал её красный, обгорелый на солнце носишко, очень, очень любопытный, и блестели глаза.

Ехали долго, более трёх часов, через каждые полчаса женщины-возницы менялись. И вот наконец город: красивый, большой, всюду сновали нарядные люди! «Какие же они все богатые! — думала Людмилка. — Как хорошо, как дорого одеты!» У них в Бобровке даже на праздники народ был одет беднее.

Бабушка купила Людке эскимо. Какое же это было наслаждение! За всю свою бурную пятилетнюю жизнь девчонка не ела ничего вкуснее. Привезённая продукция была распродана быстро: бобровских троичане знали и старались покупать у них.

Сияло солнце, синело небо и вдруг бухнули, ударили колокола. Звон колокольный заколыхался, поплыл в воздухе. Люди крестились, некоторые упали на колени. А Людкина грудь наполнилась такой неземной благостью, что она заплакала, закричала. Бабушка пыталась успокоить внучку, но всё было бесполезно, слёзы сами так и рвались наружу.

— Больная, видать, девчонка-то, эк её разламывает!

— Сама ты, видать, больная, — огрызнулась мать. — Девочка первый раз колокола услышала, благостно-то как звонят! Чистая душа ребёнка и отзывается слезами.

Закупив всё необходимое, бобровчане отправились в обратный путь. А Людмилке в утешение купили три штуки эскимо и сложили в банку из под сливок. Утешилась-то она быстро. Мать ворчала:

— Пусть облопается этим мороженым, только реветь перестанет.

О, Людка была согласна облопаться и даже лопнуть от удовольствия. «Господи! Какой красивый, какой большой этот город Троицк» — думала Людка, поглощая чудесное лакомство. — Когда я вырасту большая, буду жить в городе и мамку заберу, и бабушку, буду работать, мороженое продавать, и есть мы его будем каждый день. А какие церкви в городе, какой чудесный звон, у нас в Бобровке тоже есть церковь, но с неё сорвали колокола, и она стоит грустная и молчаливая, куда ей до троицких церквей!

Когда приехали в Бобровку , мать всплеснула руками:

— Ишь, измызгалась своим мороженым, пыль на сладкое-то хорошо прибилась... А рожа-то, рожа прямо сияет. Что довольна поездкой-то, шемела?

— Ох и довольна, так довольна, что боюсь радость выдохнуть, — затараторила девчонка.

—То-то же, — заулыбались взрослые. — Мало пока тебе для счастья надо, ну да и ладно, радуйся!

С той поры минуло шестьдесят лет. Людмила любит Троицк, а живёт в своей дорогой Бобровке. Участвует в восстановлении храма. На телегах, запряжённых женщинами, никто больше не ездит. Ходят автобусы, шустро носятся маршрутки. Жизнь другая. Но колокольный звон обновлённых церквей так же рвёт душу, вызывая благостные слёзы. И город Троицк не такой уж большой, но, как прежде, любимый, навсегда поселился в её сердце.

г. Троицк

Олег Ник Павлов

Записки о детстве

Рукописное детство

Всё началось с обыкновенной школьной тетрадки, в которую наш старший брат Саша записал свои первые стихотворения. Было ему тогда десять лет. Вдохновение его разрасталось, и? соответственно, разбухала, заполнялась тетрадочка. К стихам добавились рифмованные сказки, загадки, шарады. Рукописные странички украсили разноцветные рисунки. Тетрадка уже больше походила на журнал, и свершилось — на обложке ее появилось название: «Воскресник» № 1, январь 1959 год.

Мы, младшие братья, стали первыми восторженными читателями «Воскресника». И не просто читателями, но и светлыми завистниками. Первым не выдержал средний брат Вова — ответил четырехстраничной цветной газетой «Георгин». Вскоре появилась и еще одна газета — «Огонёк». Её выпускал уже я и, стараясь подражать старшим братьям, старательно выводил печатные буквы под аляповатыми рисунками.

Издательский бум начался! Расход тетрадок увеличился едва ли не втрое, хотя я еще не ходил в школу. Вслед за первыми, заполошными изданиями, пошли устоявшиеся, на долгие годы. Так у меня появился журнал «Котёнок», у Вовы — «Ласточка». Саша оказался более склонен к переменам. За десять лет нашего рукописного детства он выпускал газеты «Школьная правда», «Вчера, сегодня, завтра», журналы «Воскресник», «Северная упряжка» и «Синяя птица».

Множащиеся издания требовали хоть какого-то упорядочивания. Возникла объединяющая организация — «Домашнее рукописное издательство» (сокращенно «Домриз»). Председатель издательства и казначей избирался на определенный срок общим собранием. Да, казначей! Ведь для оплаты гонораров, окладов и подписки на издания братьев потребовались рукописные деньги. И мы их сделали, назвав почему-то талонами. Общаться между журналами солиднее письмами — и возникла почта, самодельные почтовые марки и конверты.

«Домриз» развивался. Кроме журналов и газет, появились рукописные книги. Рассказы, сказки, повести теперь выходили отдельными изданиями, богато проиллюстрированными самими авторами, а иногда и взаимообразно кем-то из братьев.

Собрания «Домриза» начинались всегда торжественно, исполнялся гимн издательства — известная «Бригантина» на стихи Павла Когана. Заседания проходили бурно, мы ругали друг друга за слабые материалы, за неважные рисунки. Старшинство тут не признавалось, а прения порой доходили чуть не до потасовки.

Критика продолжалась и на журнальных страницах. Часто журналы вызывали друг друга на турниры, соревнуясь в качестве художественности.

Вместо фамилий истинных авторов, которые по сути разнились только инициалами: «А», «В» или «О», на страницах запестрели псевдонимы — имена выдуманные. Постепенно псевдонимы обрели устойчивые образы. Так наши редколлегии обрели постоянных сотрудников. Причем не все они были люди. У Владимира в «Ласточке» «работали» дикобраз — критик Уай Игуай, репортеры — собаки Шарик Лапин и Шарик Гонцов. У меня в «Котёнке» — заместителем редактора был пёс Трат Бегоглаз, коты Борис Тилимбом, Рыжик Юрташкин и кошечка Мура Игручая. Часть наших сотрудников имели своих прототипов в реальной жизни — оба Шарика были нашими собаками, Рыжик, Мура, Мурзилка и др. — нашими кошками.

Игра росла как на дрожжах. Очеловеченные нами звери требовали «реального местопребывания». В океане нашей фантазии проявились материки, а на них раскинулись Объединенная Страна Зверей во главе с царём Львом и Котятская Народная Республика, где поначалу тоже правил царь Василий Павлов, а потом царя сменил президент, его родной брат, Тихон Павлов. Рядом с КНР расположились Котфранция, Котиталия, Котниягрия и т. д.

Надо ли говорить, что события в этих странах часто соответствовали происходящему в реальном мире — революции, войны, политические конфликты, выборы, олимпийские игры. Львовцы вечно сражались с барсовцами (по форме очень похожими на фашистов), котята из КНР чаще всего воевали с Котфранцией.

Сам «Домриз» обосновался на независимом творческом острове-городе Павлограде. Там же одна за одной открылись три киностудии — имени Лысочки (Сашина), имени Мурочки (Вовина), имени Васеньки (моя). Фильмы тоже были рисованными — по принципу диафильмов, только на бумаге. Кадры с рисунками (размером в половину тетрадного листа) складывались стопочкой и по очередности демонстрировались зрителям. Рекордное количество

кадров-рисунков в некоторых фильмах доходило до 500! Кинобум породил кинофестивали, где мы всерьёз боролись за награды, изготовленные самими же из картона или жести. Журналы публиковали кинокритику, кадры из фильмов, портреты ведущих актеров.

В селе Писанском Свердловской области, где мы жили, в школе, где учились, почти никто не знал о той странной игре, что творилась за стенами нашего дома. А если кто и узнавал, то заинтересовывался этим ненадолго. Для нас же это было смыслом существования. Все другое — школа, улица, игры или стычки с односельчанами — было вторично и как бы полуреально.

Источниками связи с внешним миром тогда были книги, радио (какое тогда было чудесное радио!), показ кинофильмов в клубе и — конечно же! — настоящие газеты и журналы. Мы (спасибо маме!) выписывали их огромное количество — «Пионерская правда», «Пионер», «Костёр», «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Советский экран» и многое другое. Всё это подпитывало нас, не давало скукожиться в мирок, где было бы душно и нам самим, и нашему творчеству.

У нас завязалась переписка с «Пионером». Журнал решил опубликовать подборку наших стихов и рисунков. В 1965 студия «Диафильм» выпустила ленту по нашим стихам-сказкам — «Про слониху», а вместо гонорара устроила нам творческие новогодние каникулы в Москве. Это был неожиданный прорыв.

Вернулись из Москвы мы повзрослевшими, хотя и было мне тогда всего одиннадцать. Изменилась и «полиграфия» наших изданий — в ход пошла цветная тушь, шариковые ручки. Мы больше не прощали друг другу халтуры, каких-либо ляпов и безвкусицы — к тому обязывало знакомство и переписка с профессиональными писателями, самым известным из которых был Корней Иванович Чуковский. Мы понимали, что пришла пора что-то менять в жизни, подкреплять свое творчество связями с другими творческими, культурными источниками.

Вскоре мы переехали в город. Разрыв с селом неожиданно больно ударил по нам всем. Казалось бы, там, в Писанском, нам не было разницы, какой вид за окном — деревенская природа или городской пейзаж, но переезд обнаружил внезапную ностальгию по просторам полей, скатам оврагов, щебету речушки Ирбитки.

Город перестраивал нас на другие ритмы, старшие братья уже завершали среднее образование, уходили во взрослый мир. Постепенно угасало пламя «Домриза». Каждый из нас еще пытался не расставаться с любимой игрой, время от времени пытаясь возродить выпуск своих журналов.

Не все из созданного нами в детстве сохранилось. Не всё исполнилось, о чем мы мечтали. Но было главное — чудо нашего счастливого детства. Порою мне кажется, что будь оно другим, я был бы несчастлив в жизни. Благодаря игре и сотворчеству с братьями я обрел все то, что помогло мне во взрослой жизни получить любимую профессию, заниматься любимым делом, осуществить хотя бы часть своих творческих замыслов.

Спасибо Вам, братья мои, за наше рукописное детство!

О кино

Не могу утверждать, что кино являлось для нас «важнейшим из искусств». На первом месте в доме прочно восседала литература — книги, журналы, газеты, своё сочинительство. Ещё было радио, но о нём и разговор особый. Но было и кино...

Особенностью кино было то, что с ним был сопряжён выход в свет — в зал сельского клуба. Репертуар фильмов там менялся каждый день — детские сеансы — часов в 17 и взрослые — в 19 часов. Цены были небольшие — от 5 копеек, и мы почти каждый день ходили в клуб на детские сеансы. В хорошую погоду в ожидании фильма дети и подростки толпились на крыльце, а в непогодь и зимой — в фойе, где на столах, покрытых плюшем, лежали затертые до дыр «Крокодилы» и скрипел-стучал разбитый бильярд.

Обычно зрители разбивались на три неравных группки — мальчишки, девчонки и «павлины». Это мы — братья Павловы — самодостаточная компания, которой и «в свете» было привычней держаться вместе.

В числе множества изданий, которые выписывала мама, был, конечно же, и «Советский экран». Благодаря этому журналу мы были в курсе кинособытий, новинок и примерных содержаний ожидаемых премьер. Поэтому чаще всего знали, на какой фильм идём, чего от него ждать и кого из актеров увидим на экране.

Как-то на летних каникулах я взял на себя обязанность домашнего кино-информатора. Зная примерное время приезда автомобиля из районного кинопроката, я бежал к зданию клуба и ждал, когда киномеханик вывесит на стену афишу о новом фильме. Запоминая название, а чаще еще и записывая подробности, я тут же бежал домой, где на развернутом

тетрадном листке рисовал свою афишу, вывешивал её на стену, и все домочадцы с интересом ее прочитывали.

Среди фильмов, которые потрясли меня в то время — «Алые паруса», «Королевство кривых зеркал»...

Из «взрослых» фильмов — «Гамлет».

Особое впечатление на меня произвела романтическая комедия «Три плюс два». Я почему-то страстно возжелал любить и быть любимым — тут же и сразу, хотя было мне всего-то десять. Помню, что весьма драматично раскидывал стулья и кричал: «Хо-чу любить!» Что мне за это было, не помню. Наверняка ничего хорошего.

Конечно же, я очень хотел сниматься в кино. Да и не только я. Думаю, братья мечтали о том же не меньше меня. Очень жаль, что этого не случилось. Мне и сейчас представляется, что с нами тогда можно было снять что-то очень интересное. Верю, что «актёрски» мы были на это способны.

Ну что ж, раз не снимали нас, мы должны были снимать сами себя. Кинокамеры у нас, понятное дело, не было, зато фотоаппарат был, и снимать-проявлять-печатать мы более-менее уже научились. И мы пробовали снимать фотофильмы — фильмы, состоящие из фотокадров по принципу диафильма (слайд-фильма). Во время съемки всё казалось идеально — и костюмы, и грим, и парики, и антураж. Но проявив пленку и напечатав кадр, мы с ужасом понимали, что наши герои одеты и загримированы весьма неправдоподобно, и, что самое ужасное — они запечатлены на вполне реальном фоне нашего двора: дощатого забора, стены дома, сарая, бани и т. п., что вовсе не входило в замыслы «великих режиссёров».

И тогда мы возвращались к изобразительному искусству — начался бум рисованных фильмов. Нарисовать-то можно было что угодно — и море, и небо, и город, и поле боя... У каждого из нас открылись киностудии — имени Лысочки — Сашина, имени Мурочки — Вовина, имени Васеньки — моя. Открылись они, конечно же, в уже известном вам выдуманном острове-городе Павлограде, рядом со зданием «Домриз» и редакциями наших рукописных журналов. Немало терпения и времени требовал выпуск рисованного фильма, в котором насчитывалась не одна сотня рисованных кадров размером в половину тетрадного листа. Для удобства перекладывания рисунков справа вырезался специальный хвостик, на котором был написан порядковый номер кадра. Внизу рисунка, а иногда и вверху, и на самом рисунке располагался текст, как в диафильме. Но шиком считалось «снять» какую-то сцену без текста — чтобы зритель мог по одним рисункам понять суть происходящего.

Обилие созданных нами рисованных фильмов и заманчивая информация о кинофестивалях, почерпнутая в «Советском экране», натолкнула на мысль провести свой кинофестиваль. Какое-то время втайне друг от друга мы рисуем-снимаем фильмы, чтобы выставить их на суд жюри. Готовы призы — золотой, серебряный, бронзовый — искусно сделанные из баночек от диафильмов.

И вот настаёт срок — в Павлограде настоящий кинопраздник. Улицы все в киноафишах, кинотеатры полны, режиссёры и актёры дают интереснейшие интервью.

В доме у нас по стенам действительно вывешены афиши анонсированных на фестивале фильмов. Соперники вытягивают жребий — кому первому показывать свои «шедевры». И далее — самое интересное: просмотр рисованных фильмов. То, что прятали друг от друга, рисуя кадры, впервые выставляется на открытое обозрение. Автор сам и озвучивает фильм — говорит за героев, напевает мелодию, изображает выстрелы и прочее. Голосование тайное... И, конечно, заслуженные награды.

Чёрный хлеб, белое молоко

Пробовали? А вы попробуйте. Причём не просто вприкуску, а классически — покрошите хлеб в молоко. Лучше чёрный, в крайнем случае серый. Помимо сочетания вкусов, насладитесь эстетическим контрастом чёрного и белого. И не останетесь в проигрыше...

Наша бабушка не любила готовить. И частенько объявляла нам на ужин «крошки с молоком». И мы не сетовали — с удовольствием крошили хлеб в тарелки и заливали его молоком.

Надо сказать, что молоко-то было настоящее, коровье, принесённое нами от молочниц, с которыми мама договаривалась о молочных поставках.

Походы к этим молочницам были отдельной песней. Редко мы ходили за молоком вдвоём, чаще всего — всей братией. Нередко это были походы в другой край села — и с нами шли наши Шарики — верные наши собаки, защищая нас и забавляя одновременно. Часто мы приносили из этих прогулок не только молоко, но и несколько стихов, бывало, что и все одновременно.

Помню, одна из молочниц угостила нас шаньгами, и с тех пор я до сих пор ищу тот неповторимый вкус домашней стряпни.

Белый хлеб, сдоба, батоны пришли к нам уже позже, после кризиса, который принято называть «хрущёвским». Голодать мы не голодали, но в какой-то момент купить хлеб стало проблемой.

Наша пустующая церковь, давно используемая как зернохранилище, наполнилась вдруг чуждой нам кукурузой. Прежде там хранилась пшеница или горох. Горох был удобен нам — мы использовали его как пульки для наших самодельных пистолетов. Приспособили мы к стрельбе и семена кукурузы, но их приходилось колоть надвое.

После «хрущевского кризиса» мы распознали вкус белого хлеба. Хорош!

И всё же любимым вкусом осталось сочетание молока с чёрным хлебом.

Молоко люблю до сих пор. Молоком заливаю каши, варёную картошку.

И особенно — жареный картофель. Опять же — советую попробовать. Сочетание вкусов — необыкновенное...

Это блюдо у нас в семье называют «павловским», и, как правило, принимают его в рацион и снохи, и зятья.

Девочка среди лебеды

Есть в жизни моменты — вроде и чудом не назовёшь, но и в обычные бытийные рамки они тоже не вписываются.

А по прошествии лет сознание и вовсе начинает отрицать случившееся: полноте, да было ли это на самом деле? Скорее, что и не было. Просто нечто воображённое со временем стало казаться реально случившимся.

Так было это со мной или не было?

Село, где прошло-пролетело моё детство, разнообразно ландшафтом. Тут тебе и извилистая речка с берегами — высоким да пологим, и поля, и овраги, и холмы, и даже скала — хранящий первобытные рисунки Писан-камень.

Часть села, что звалась Заключевьем, отделялась от центра оврагом с бурлящим в нём по вёснам ручьём. Летом ручей пересыхал и зарастал густой высокой травой, в основном лебедой.

Лебеда тут росла царская, рясная — она вытесняла даже крапиву.

Для машин и телег через овраг смастерили мост, а люди порой предпочитали пройти через овраг и торили в его зарослях крепкие тропы.

Что же касается детей, тот овражек был любимым местом их летних забав. Травы вымахивали тут выше детского роста, и, ныряя в лебеду и скрываясь за ней, мальчишки и даже девчонки играли тут и в прятки, и в догонялки, и в войнушку.

Дети протаптывали в овраге целый лабиринт тропок и тропочек, по которым всегда можно было уйти от погони или зайти в тыл противника, если быстро бегаешь и знаешь схему лабиринта наизусть. Кроме того, сердцевина паутины тропинок приходилась на небольшую горку, взбежав на которую, можно было увидеть макушки других играющих, сориентироваться и тут же спрятаться самому.

Однажды летом я подошел к Заключевскому оврагу один. Он был безлюден — ни детских голосов, ни прохожих, ни машин на мосту. Я сам не знал, почему сюда пришёл. Что-то привело меня, десятилетнего мальчишку, некое странное чувство, что я обязательно кого-то встречу.

Солнце встало в зенит, звенел полдень, зудели кузнечики и негромко потрескивали крылышками стрекозы. Лебеда замерла, пережидая жару и безветрие.

Я залюбовался маленькой голубой стрекозкой, перелетающей через тропу, ведущую вниз, в наш любимый лебедовый овраг. Потом глянул дальше, и на холмике в его центре увидел Её.

Она стояла ко мне спиной и тоже любовалась порхающими вокруг стрекозами. Светло-русые волосы не были ни заплетены, ни взяты в косички — свободной округлой волной чуть касались голых загорелых плеч. Девочка лет девяти была одета в лёгкий, неяркий сарафанчик, кажется, в мелкий синеватый цветочек. Я не видел её лица, но уже знал, что оно прекрасно.

Это продолжалось всего несколько мгновений. Потом Она по-детски взмахнула руками и сбежала вниз, к противоположному краю оврага.

Какое-то время я стоял, словно оглушённый. Опомнившись, со всех ног ринулся вниз, в поглотившую меня лебеду, чтобы найти явленную мне Девочку. Найти! Но попробуй найди кого-нибудь в травяном лабиринте, вдруг обернувшемся непроходимыми зарослями с тупиками и обманными тропками...

В отчаянии я обегал весь овраг, прошёл все возможные варианты её пути. Девочки нигде не было. Я даже выбегал на ту сторону оврага — не ушла ли Она по улице?

Когда же я понял, что никогда не найду ту, кого искал, отчаянию моему не было меры. Мне казалось, что мир обрушен и счастью уже никогда не бывать в моём сердце.

Долго потом, полубессонными ночами я думал о Ней. Кто Она? Живёт в нашем селе или приезжала к кому-то в гости? Что бы я сказал Ей, если бы нашёл её там, среди лебеды? Что бы Она ответила? С этими мыслями я засыпал, с ними и пробуждался.

Став постарше, я думал: что это было? А была ли, так сказать, девочка? Или это было видение, мираж, галлюцинация? И если видение, то что оно означало? Мне показывали судьбу? Мой идеал?

Не скрою, я пытался в жизни найти спутницу, похожую на Неё. Но ведь я не видел лица, и потому не мог искать по внешнему сходству. Оставалось одно — пробовать угадать то неуловимое, что я испытал там, увидев загадочную Девочку на холме. Но как угадать его, неуловимое?

Теперь же разум и вовсе ворчит: чего зря ворошить прошлое? Разве ты не был счастлив с женщинами, разве не любил? У тебя прекрасные дети, да и внуки...

Но сердце, которое всегда спорит с разумом, вновь возвращает и возвращает меня к Заключевскому овражку. Тишина. Полдень. Звон. Полёт стрекозки. И — Она стоит на холмике среди лебеды.

г. Челябинск

Галина Черкасова

Прекрасное далёко...*

Недетские проблемы

Верка была для меня самым надёжным другом. Что бы я делала без неё, когда у меня возникали проблемы, порой совсем недетские.

Приближались майские праздники. В нашем детстве их отмечали весело и ярко. Весна была в разгаре, светило тёплое солнышко, зазеленели белоствольные берёзки и полянки. Дворы и улицы чистились и подметались. Подкрашивались деревянные ставенки и ворота, белились саманные домишки. В школе проводились ленинские субботники, царила суета, чувствовалось ребячье нетерпение в ожидании праздника.

Каждый пионерский отряд готовился к демонстрации и старался лучше всех украсить колонну своего класса. Девчонки без устали делали из цветной бумаги яблоневые ветки, вырезали белых голубей, прикрепляли их к палочкам. Классный руководитель, Зоя Васильевна, вручила мне в последний перед демонстрацией учебный день свёрток с воздушными шарами. Как у всех учителей, у неё было прозвище, но странное, почему-то «Сушенка». Хотя она и вправду была худенькая, маленького роста, плохо умеющая держать дисциплину в классе, но добрая. Я её запомнила очень хорошо. Зоя Васильевна целых две четверти заставляла меня читать на классных часах книгу «Рожок зовёт Богатыря». Одноклассники слушали моё чтение про оленей-маралов плохо, хотя я очень старалась.

Свёрток с шариками я положила в парту. Когда прозвенел звонок с последнего урока, решила забрать шарики. Старательно обследуя рукой все уголки парты, шариков я не нашла. Сказать испугалась, это мало сказать. Может, кто пошутил? Пересмотрела все парты, свёртка не было. Что скажет Зоя Васильевна? С чем мой класс пойдёт на демонстрацию? Что делать? Я не знала. Отчаяние и волнение охватывало меня. А на улице улыбалось солнышко, пели птицы, где-то звучала музыка. Больше всего я думала, как об этом скажу бабушке Катерине. Она и так концы с концами еле сводила, чтобы прокормить нас с братом на мизерную пенсию за папу. Чтобы купить шарики, нужны были деньги, а это неразрешимая проблема.

После уроков я по привычке ждала Верку. Она вышла из своего класса весёлая и превесёлым голосом спросила: «Меня ждёшь? Сейчас домой пойдём». Вот оно, моё спасение. Я ещё ничего не рассказала моей подружке, но приободрилась. По дороге из школы Верка услышала историю с шариками. Некоторое время она молчала, а я с надеждой, чуточку заискивая, вглядывалась в её лицо.

— Ладно, не реви, — наконец промолвила Верка. — Пошли в заготларёк, узнаем есть ли там шарики.

---

* Продолжение. Начало в «Графоман» № 2(50)-2022.

У нас, конечно, не было в то время магазинов таких как «Фикспрайс», где можно недорого купить любую мелочь. Но зато были заготларьки и заготовители, которые ездили по деревням на лошадях со своим товаром. Денег не брали. Чтобы приобрести что-нибудь в заготларьке или у заготовителя, нужно было сдать кости животных, тряпьё, бумагу, старую утварь из меди или сельхозпродукцию.

В заготларьке торговала тётя Катя. Она знала, наверное, всю ребятню села. Девочки приобретали у неё атласные ленточки, бусы, нитки мулине для вышивки, канву, мальчики — рыболовные крючки, лески. Моя надежда исчезла, как шарики из парты, после слов тёти Кати:

— Опоздали, все шарики разобрали.

Я пустила слезу. Верка снова строго прикрикнула на меня:

— От твоих слёз шарики не появятся, пошли к Галею!..

Галей работал заготовителем, и все ребята звали его, как взрослые, Галей, не добавляя «дядя». Дядя Галей очень походил на старика Хоттабыча из советского фильма: высокий, сухопарый, горбоносый с жидкой бородкой:

— Есть, есть у меня шарики, я продаю их на яйца. Принесите мне десяток яиц, а я вам шарики дам, — сказал дядя Галей, выслушав нас.

Легко сказать: «Принесите яйца». А где их взять? Это не кости и не тряпки, которые мы бы наверняка нашли. Каждое яичко у бабушки было на счету. Ими она кормила нас на завтрак, платила сельхозналог, часть продавала, чтобы купить необходимое. Трудно ей было. Не могла я у неё попросить десяток яиц из-за своего ротозейства. А зря, бабушка поняла бы меня, помогла бы. Это я осознала позднее.

Для Верки нерешаемых вопросов не было. «Давай мы возьмём по пять яичек из гнёздышка, как будто курицы не снесли сегодня. Бабушки кур ругать будут, а не нас». От такого предложения веяло чем-то непозволительным. Но выхода не было. Мы разбежались с Веркой по своим дворам.

Некоторые куры сидели ещё в гнёздах в клеушке. Чтобы их не вспугнуть, я наговаривала разные ласковые слова, объясняла, для чего нужны яички:

— Курочки, милые, не бойтесь, не шумите. Кроме вас никто не поможет купить мне шарики у Галея. Зоя Васильевна рассердится и никогда больше не даст мне ответственные поручения.

Куры, на удивление, притихли, вытаращили глаза и тихонько поквохтывали. Видимо с ними редко кто так ласково и уважительно говорил.

Верка прибежала ко мне первой:

— Что ты долго возишься, уговариваешь кур. Вдруг у Галея тоже шарики раскупят.

Положив яйца в косынки, мы почти побежали к Галею. Он встретил нас как старых знакомых, с улыбкой и показался ещё больше похожим на Хоттабыча. Домой мы возвращались с шариками. Кто взял в школе свёрток с шариками, не узнали никогда.

На первомайской демонстрации мои одноклассники шли, держа в руках ярко-жёлтые шары вперемешку с яблоневыми ветками и голубями. Солнечный жёлтый шар был в руках у моей замечательной бескорыстной подружки Верки.

Рождественские гадания

В шестнадцать лет мы с Веркой неожиданно стали превращаться из гадких утят во что-то более приятное. До белых лебедей нам ещё было далеко. Хотя у каждой появились первые симпатии к мальчикам, первая любовь. И мы кому-то нравились.

В то время, вторая половина шестидесятых годов, в комнатах, на стенах деревенских домишек красовались портреты известных киноактёров. Мы с Веркой тоже собирали их, подолгу рассматривали, а потом глядели в зеркало на себя, разочарованно отводя глаза от нашего отражения в нём. Курносые, весной с веснушками, с косичками или маленькими хвостиками-рожками. Мы совсем не походили на киношных красавиц, а хотелось. Лишь позже мы, девчонки, поняли какой красотой обладали тогда, в ранней юности. Конечно, нас будоражило будущее. Как все, мы мечтали о принце на белом коне и о счастливой семейной жизни. Как умели гадали, чтобы узнать, что ждёт нас. Любимым временем для гаданий было Рождество. Мороз, снег, яркие звёзды, сугробы — деревня походила на сказочные театральные декорации, в которых вершилось таинственное волнующее действо.

По части гаданий знатоком и шутницей была Веркина баба Шура. Однажды для своей младшей дочери и её подруг она устроила суровые гадания в Рождественскую ночь.

— Хотите, девки, узнать: богатый или бедный будет жених? — начала баба Шура. Девки сразу же согласились. — Для этого в полночь пойдёте в баню, разденетесь и будете ждать какой рукой дотронутся до вас: голой или мохнатой, — продолжила баба Шура.

После такой инструкции смелых нашлось двое. Знали бы, что их ждёт. Баба Шура спряталась в тёмной бане, надев на руку вывернутую наизнанку овчинную рукавицу. Что было в бане в двенадцать часов ночи мы не знаем, но девчата вылетали из бани голые, несмотря на мороз.

Гадая, мы с Веркой очень хотели, чтобы хорошее сбылось, а плохое старались забыть. Но память удивительная штука, она хранит всё. Она, как мостик, соединяет прошлое и будущее и, как незримый свидетель, подтверждает и хорошее, и плохое.

На Рождество шестьдесят пятого года мы с Веркой получили приглашение от моей бабушки Оли:

— Вы уже невесты, девки, давайте погадаем, за кого замуж выйдете, как будут звать ваших суженых.

Дом бабушки Оли стоял на оживлённой улице Кирова. До поздней ночи на ней был народ. Баба Оля начала готовить гадание с петухом и курицей. А мы в это время бросали с ноги валенок через ворота, чтобы узнать в какую сторону возьмут нас замуж и ждали прохожих мужчин, чтобы узнать имя жениха. Мне назвали имя Юра, а хотелось другое.

Пока мы гадали на улице, баба Оля сняла со стены большое старинное зеркало и прислонила его к тумбовому столу на кухне, поставив зеркало на пол. Насыпала зерно, налила в блюдце воды. Принесла курицу, а потом петуха. Не помню, как прошло гадание у Веры. У меня получилась, как оказалось потом, реальная картинка моей будущей жизни.

Курочка мирно клевала зерно. Бабушка отпустила петуха. Петух грозно посмотрел по сторонам. Мельком взглянул на курочку. Подошёл к блюдцу с водой, стукнул по нему клювом и повернулся к зеркалу. Вот тут и началось главное: петух взъерошился и стал клевать своё изображение в зеркале, издавая при этом какие-то воинственные звуки. Видимо посчитав, что там соперник. Еле оторвали петуха от зеркала, а бабушка, грустно вздохнув, констатировала:

— Пьяница и драчун будет мужик у тебя.

Я тогда рассмеялась, но права пословица: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последний».

Хотите — верьте, хотите — нет, но получилось именно так, как нагадалось. Видимо иногда гадания сбываются. Что нагадали Верке, не знаю. Она вырастила прекрасного сына. У неё растёт внучка, о которой она говорит с огромной любовью и восхищением:

— Вся в меня, такая же ширмачка!.

Так Верку звала баба Шура после её шалостей. Как всё повторяется в жизни.

с. Миасское

Наиля Другова

Водопад «Мирный»

Течение реки, как течение жизни человека. Спокойно идёт, размеренно, вдруг резко падает вниз, меняя своё направление, потом снова успокаивается и продолжает свой размеренный путь. Так и течение реки Миасс, протекающей по нашей местности и разделяющей посевные поля и золотые луга, маленькие деревушки, а то и целые поселения, становится непредсказуемым.

Но в одном очень живописном месте на краю нашего села во всём своём блеске перед нашим взором предстает сказочная картина: на изумительном невысоком обрыве река превращается во множество тонких струек и мерцающим занавесом ниспадает с обрыва, переливаясь на солнце всеми цветами радуги. На вершине обрыва спокойное течение реки становится бурным, течение огибает большие валуны, и тогда создается бурление. С огромным шумом вода падает с высоты, потом вновь река успокаивается и продолжает дальше свой путь по родному краю. Казалось, что можно вот так бесконечно стоять и любоваться этим красивым творением матушки-природы. Водопад «Мирный» — одно из красивейших мест нашего села! Водопад настолько поражает всех своим великолепием и красотой, что возникла легенда.

Когда-то, давным-давно, богатый помещик владел этими плодородными землями. У помещика была единственная дочь, красавица Мира. Она каждый день ходила к реке. И вот однажды повстречала там она паренька Ефима. Влюбился Ефим в красавицу. Да вот только паренёк был из небогатой семьи, помещик запретил девушки встречаться с бедным парнем. Не пускал её никуда, только за водой к реке. С тех пор безутешная девушка, постоянно плакала от несчастной любви, и поток ее слез был настолько велик, что образовался падающий с обрыва водопад. Падая с высоты потоки воды, разбиваются о камни во множество брызг — мелких, как слёзы, отчего создается впечатление, словно берег плачет.

Увидев водопад всего один раз, будешь очарован его красотой на всю оставшуюся жизнь. Ни на минуту не покидает желание вернуться туда вновь. А ещё это замечательное место для отдыха. Я всем бы посоветовала побывать там. Водопад «Мирный» — сказочно красивое место. Берегите его!

п. Мирный

Александр Златкин

Мелодии старых русских городов

Не случайно появилось чудесное определение: «Архитектура — это застывшая музыка». Музыку невозможно рассказать (хотя пытаются это делать). Архитектуру объясняют, разбирают, классифицируют. Архитектурные стили ясны и внешне понятны.

Но, точно описав эти стили и украшения, опишем ли мы эту застывшую музыку, сможем ли словами передать гармонию, скрытую за фасадами, фронтонами и брандмауэрами? А тот, кому мы обо всем расскажем, сумеет ли он услышать, почувствовать эту музыку? Помогут ли ему наши объяснения? Притом, что восприятие, чувствование — дело индивидуальное, интимное. Исполнять можно хором, ансамблем, оркестром, но слушать лучше в одиночку (не скажу в одиночестве).

Сейчас пойдёт разговор о застывшей музыке старых русских городов, о той мелодии, которую поют белокаменные и цветные храмы с сияющими золотом или скромно строгими куполами; крепостные стены башен, отражающиеся в водах рек и озёр и повидавшие так много всякого, пока они исполняли свой воинский долг. Эта музыка созвучна пению в храмах, она о том же, о чём поют певчие, о чём говорят потемневшими красками лики с выпуклых досок икон.

Можно долго и внимательно, со знанием дела разбирать и сравнивать силуэты европейских городов, их колючие островерхие колокольни, огромными заточенными копьями протыкающие небо, черепичные крыши, скупо разнообразно-выдержанные в цвете стены домов. Я как-то поймал себя на мысли, проходя мимо католического псевдоготического собора, что я как будто опасаюсь его. Уважаю основательность и серьезность постройки,

но боюсь воткнувшегося в облако шпиля, нависающего над тяжелой дверью угрожающего проглотить вошедшего портала.

Я сравнивал это чувство с тем, что я испытал, когда зашёл в маленькую белую церковь Покрова, недалеко от речки Нерль. Фантастические существа на стенах Владимирских храмах словно выходили из чудесных детских сказок. А разнообразные чудовища и горгоны готических сооружений выглядят страшными демонами из пугающих историй фантастов определенного уровня.

Конечно, все это личное, и у кого-то может быть совершенно обратное восприятие, но я-то рассказываю о том, как я в одиночку слышу эту музыку. И упомянутая церковь на Нерли стояла передо мной белоснежной невестой, скромной красавицей над чистой водой, поглядывающей на свое отражение, сознающей и стесняющейся одновременно свою прекрасность, безупречность пропорций и гармонию с окружением. Хороша!

О чём поют крепыши с серебристыми куполами на псковских холмах и басовитый плотный, практический воинский строй ростовских барабанов и куполов, всем своим видом и статью показывая стойкость и мужество; какие голоса добавляют в это тысячеголосье расписные, расцвеченные суздальские храмы, белостенные новгородские красавицы, ярославские, костромские? И все-все-все, разбросанные по городам и селам нашей страны?

Особое звучание добавляет гражданская архитектура этих городов и городков. Особняки, домики и домишки, спускающиеся с холмов и, словно спешащие к речным заводям. Кирпичный низ, деревянный верх, резные наличники. А вокруг кусты сирени, заросли жасмина и ещё неизвестно каких благоухающих растений. Обычные домики, жёлтые, голубые, зелёные, розовые, белые — какие угодно. В начале лета их приветствуют самозабвенно любящие солнце, самые стойкие и жизнерадостные, наивные и прекрасные в своей завершённости одуванчики.

Если помолчать совсем немного, настроиться на незримую волну, вибрирующую над поистине необъятными просторами, то вы, конечно же, услышите эту музыку старых русских городов.

Я, к сожалению, пока не слышал пения реальных ангелов, но не могу представить его прекраснее, чем пение певчими в православных храмах. Чаще в небольших церквях пели женщины в платочках со светящимися глазами. Сосчитать эти храмы нет никакой возможности.

Остановитесь, послушайте, как особенно, по-разному поют города северной Руси и юга страны. Вы почувствуете, что это многоголосие фантастического хора, слаженного ансамбля, гигантского необозримого органа, исполняющего нескончаемое, поистине необыкновенное произведение, которому возможно, ещё нет названия, но которое знает и слышит весь способный чувствовать мир. Произведение это славит ДУХ, давший жизнь всему сущему, и любовь, принесшую смысл в эту жизнь. Славит человека, способного так любить жизнь и так чувствовать её.

Хорошо!

г. Санкт-Петербург

Ирина Костенко

Коленька

Я тогда ещё не читала, имея зрение ниже для чтения подобающего, а душа, отдохновения требовавшая, к слову высокому тянулась, и изыскивала я на просторах Интернета аудиокниги. Вот тогда-то и случились в моей жизни «Несвятые святые». Это я уже потом узнала, что не одну душу повернула лицом ко Господу эта книга, не одно сердце умягчила любовью к ближнему да зачатками смирения, возвращая этому слову из смысла уничижительного смысл истинный.

А тогда, ведомая голосами великолепных чтецов: Демидовой, Ланового, Певцова, Бероева, я с головой погрузилась в неведомый мне доселе мир жизни Псково-Печерского монастыря и его насельников. И так светло и радостно было в этом мире, так просто и доверчиво шли герои книги рука об руку с Господом, что впервые, в лет сорок от роду, подумалось и мне об исповеди и причастии.

Исповедалась, причастилась. Помню, вышла из Храма, незнакомыми ощущениями наполненная, долго ещё хранила их в себе бережно, стараясь не расплескать, да куда уж, по ухабам житейским, да при скоростях наших, расплескала, конечно, вытеснились из памяти

мгновения благодати, затмились услужливо событийным рядом, привычным, знакомым, как разношенные домашние тапочки.

Случилось лето, и погнала нас неудержимая страсть к путешествиям вон из душного города. Путь наш лежал в Питер, он, нас южан, измаявшихся жарой и вечно спешащих, встретил прохладой, степенностью, тишиной узких улочек, храмами, каналами, мостами небезызвестными. Мы ходили заворожённые, разглядывали лица прохожих, поражаясь их характерности, изрядно промёрзнув, грелись глинтвейнами, а потом отплясывали под песни уличных музыкантов где-то на Невском. Вдохновенно бросали монетки Чижику-Пыжику, а потом, взявшись за руки, бежали смотреть, как разводят мосты, и до рассвета бродили по городу, читая поэзию улиц, украшающую питерские остановки:

Этот город, хмурый самый,
С трона грёз печалью свержен,
Одинокими ночами
Смотрит вдаль, как в неизбежность.
Я его ласкаю слякоть.
Я его целую сырость.
Этот город — крест и паперть.
Город — плаха, город — милость...

И вот как-то бесцельно гуляя по Невскому, изучая вывески на экскурсионных стендах, я замерла как вкопанная: «Псков — Печоры — Изборск, с посещением Псково-Печерского монастыря» значилось на одном из них. Сеич билеты купил молча, не дожидаясь, пока я начну канючить о том, что мне туда непременно нужно.

Отправились на экскурсию, утро раннее, ехать долго, думали, поспим в автобусе, да не тут-то было. Вошла экскурсовод, пересчитала нас, начала свой сказ, мы так и обмерли и про сон забыли, и про еду и кофе.

Маргарите Савельевне восемьдесят два года, маленькая, седенькая, но старушкой её назвать язык не повернется: хороша до невозможности, волосы в аккуратный пучок уложенный, макияж легкий, а речь — я заслушалась, давно такой красивой, правильной речи не слышала. Блокадница, всю жизни в музеях проработала, историю Питера знает лучше, чем свою собственную. Погрузила она нас в эту историю, мы счёт времени потеряли. Вот и Печоры, остановились на площади близ монастыря:

— Тут у нас Коленька всех встречает — он, может, на первый взгляд покажется, немного не в себе, — старательно избегая слова «юродивый», сказала Маргарита Савельевна, — но безобидный, добрый, обязательно за руку поздоровается, а то и поцелует. Вы не пугайтесь, говорят, кого Коленька поцелует, тому счастье будет. Денежку дайте, если не жалко.

Вышли мы из автобуса. А Коленька уже встречает, лицо открытое, наивное, улыбается ртом беззубым по-детски открыто:

— Здравствуйте, с приездом, — чуть растягивает слова, и буквы не выговаривает, — пойдёмте я вас провожу,

— Здравствуй, Коленька, — Маргарита Савельевна здоровается, как со старым приятелем, руку протягивает, Коленька руку почтительно целует, провожает нас до ворот монастырских и удаляется следующий автобус встречать.

Стоим пред вратами монастырскими, высокими, кованными, у меня слёзы на глаза наворачиваются, уж очень я ждала этой встречи с Печорами.

— Читай Символ Веры, — басит за спиной Виталь Сеич, — потом войдёшь.

Я смеюсь и слёзы по щекам размазываю, это он вспомнил давнюю монастырскую историю о том, как монах, на ворота для порядка поставленный, заставлял всех входящих, включая уполномоченного по делам религии Псковской губернии, Символ Веры читать, дабы в храм входили люди верующие, а не абы кто.

Экскурсия, впрочем, на вратах и закончилась. В силу мер, в то время принимаемых, в храмы нас не пустили, в пещеры тоже, подышали мы духом монастырским да и были таковы.

У автобуса нас уже ждал Коленька:

— До свидания, приезжайте ещё, — кричит и рукой машет.

Ох уж эта улыбка в тридцать два отсутствующих зуба, но от этого ещё более обаятельная.

Руку он мне таки поцеловал прощаясь. «Ну, всё, — думаю, — быть добру». Положила я ему денежку в ладонь, вошла в автобус. Так он и стоял с этой денежкой, рукой махал на прощание:

— Приезжайте, хорошей дороги, — и улыбался.

Вот попробуй тут не приедь, когда так улыбаются, не беззубым ртом, а всем сердцем.

Приехали спустя полгода, но уже сами, чтобы неспешно, размеренно надышаться Печорами и впитать в себя благодать монастырскую.

Как-то стою утром ранним в храме на исповедь, очередь большая, движется медленно, батюшка грех на душу не берёт, челом преклонённых исповедует тщательно, разрешительную молитву над покаявшимися читает, возведя очи горе. Прихожане в очереди тоже времени зря не теряют: кто грехи вспоминает да записывает, кто правило ко причастию читает.

Кто-то тронул меня за локоть:

— А вы правило ко причастию всё дочитали?

Оборачиваюсь, передо мной стоит девушка лет двадцати пяти, глаза раскосые, огромные, на пол-лица, книжечку в руках сжимает.

— Нет, — отвечаю честно, — не всё, — чего уж себе грехов добавлять стоя в очереди на исповедь.

— Вот и я не успела, дочитываю.

Очередь движется, вот уж девушка улыбчивая, кудри буйные беретиком белым прикрытые, я её ещё раньше приметила, склонилась к батюшке тяжесть грехов с души снять, за ней парень высокий, косая сажень в плечах, а там и я.

— Причастие заканчивается, можем не успеть, — говорит парень, девушка за мной заволновалась:

— Ну как же, мне надо, мне очень надо.

— Идите вперёд, — пропускает нас парень.

Я исповедалась, стою посреди храма в растерянности, людей видимо-невидимо, где там причащают, куда идти, Бог весть. Вдруг девушка в белом берете выныривает из толпы, хватает меня за руку, тянет за собой:

— Идёмте, я батюшек попросила задержаться, вас причастят.

— И я с вами, можно?

Оборачиваюсь, красавица с раскосыми глазами робко берёт меня за руку. Так и бежим сквозь толпу друг за дружкой, сцепившись пальцами, к чаше с причастием.

Причастились, выпорхнули из храма радостные, познакомились, телефонами обменялись, разлетелись птахами в разные стороны.

Славен монастырь своим старчеством, и мы, дабы соприкоснуться с их житием, взяли экскурсию по кельям старцев. А ведь и правда, сколько лет прошло, а благодать-то в кельях чувствуется. Помнится мне, большая группа паломников, и мы в их числе, пошли в келью батюшки Серафима. Паломники, в ожидании экскурсии, на улице стоят, жужжат, как большой пчелиный улей, впечатлениями делятся, а в келью зашли — притихли, как будто всё мирское враз как шелуха слетело; молчат, на иконы крестятся, даже о фотографиях никто не вспомнил, это в наше-то время, когда и к трапезе не приступают, предварительно её не сфотографировав, вот чудеса-то.

Пошли в келью батюшки Иоанна Крестьянкина, она располагается на втором этаже келейного корпуса, лестница к ней ведет деревянная, узенькая, паломников набилась тьма-тьмущая. Идем с Сеичем, за руки держимся, чтобы не оступиться, за спиной кто-то тихонечко: «Молитвами Святых отец наших, Господи Исусе Христе, Боже наш, помилуй нас». Отодвигаю Сеича в сторону, освобождая проход. Мимо, очи потупив, протискивается, аккуратно, чтобы никого не задеть юный монах.

— Что это он такое сказал? — недоумевает Сеич.

— Так у них принято, они, прежде чем в дверь войти, молитву произносят и только после ответа: «Аминь» входят, а тут он, видимо, таким образом попросил нас дать ему пройти, — отвечаю я.

— Порядок как в армии, — изумляется Сеич, — вот так ко мне чтобы теперь и заходила.

Потом еще не раз просил ему эту молитву повторить да про себя проговаривал, уж больно она ему понравилась.

Попали мы и в пещеры Богом сданные, подошли к месту погребения батюшки Иоанна Крестьянкина, было ощущение, что я к дедушке своему пришла, доброму-доброму, а он меня по голове гладит, да приговаривает: «Поплачь, поплачь, деточка». И я расплакалась, навзрыд, по-детски, без стеснения. Экскурсовод наш молчит, отошёл в сторонку, видимо, не впервой ему наблюдать такую картину.

Много чего ещё было в той поездке запоминающегося, удивительного, словно Бог нас за руку водил, да владения свои показывал, а мы впитывали в себя, как губка, всё увиденное, дабы увезти с собой в южные края и Печоры неспешные, и монастырский уклад с его праздничными службами, и дивный Крыпецкий монастырь, куда нам довелось попасть, и природу эту незабываемую, удивительную, и обаятельную улыбку нашего давнего приятеля Коленьки.

Впрочем, о нём отдельная история: нищих у ворот монастыря всегда много, так уж повелось, люди в храм идут, сердца размягченные, на лад добрый да милосердный настроенные, а тут тебе — «дай копеечку». Ну как не дать, дают, конечно, улыбаются нищие, копеечку в ладошке прячут, и всем хорошо: и одариваемым, и одаривающим.

Коленьку нашего мы встретили в первый же день по приезду. На площади у монастыря шумно, людно, тут тебе и паломники, и торговцы, и нищие, и зазывалы экскурсионные, средь общего шума слышим радостное:

— Здравствуйте, — Коленька бежит навстречу, улыбается.

Подходим, обнялись как родные, протягиваю Коленьке денежку, отмахивается,

— Ей, ей отдай, — рядом как из-под земли вырастает здоровая суровая тётка с пластиковым стаканчиком в руках, кладу в него денежку. Коленька провожает нас к монастырским воротам и бежит обратно, паломников встречать да улыбки раздаривать.

— Здравствуйте, — уже слышится его радостное приветствие.

Вот так день ото дня и встречали мы нашего Коленьку на площади, да диву давались: встречает паломников, провожает, кого к монастырю проводит, кому вещи к автобусу донести поможет, подходят люди, здороваются, руку жмут, а Коленька и рад, дитя Божье. Денег он никогда не просил, а дадут, не отказывался:

— Ей отдай, — махнёт в сторону суровой тётки и дальше по своим делам бежит, так, словно самим Господом на послушание к монастырским вратам приставлен, и надо ему на том послушании везде поспеть да обо всем позаботиться.

Закончился наш отпуск, поклонились монастырю, простились с Коленькой да тронулись в обратный путь с его напутствием:

— Приезжайте ещё, хорошей дороги вам.

А через пару месяцев на социальной страничке Псково-Печерского монастыря натыкаюсь вдруг на фотографию Коленьки с неизменной детской улыбкой в тридцать два отсутствующих зуба и лаконичную надпись: «С Богом, Коля, Царство тебе Небесное». Не стало нашего Коленьки.

И вот, казалось бы, знаменитые Печоры, монастырь с его многовековой историей, старцы, к могилам которых мы и по сей день ездим колени преклонить, а вот нашлось в сердцах людей место и для этого сотворенного Господом вечного ребенка, приставленного к воротам монастыря встречать паломников радостной улыбкой. Сотни комментариев под сообщением монастыря о смерти Коленьки свидетельство тому. И отозвались сердца людей, и отогрелись, и дрогнули, и взыграло в них что-то давно забытое, детское, доверчивое, доброе. И самое время, ибо сказано: «аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное».

Царство тебе Небесное, Коленька.

г. Краснодар

Анатолий Кухтурский

Районный центр Калмыково — Октябрьское

Первые упоминания о заимке Калмыково находим в Метрической книге Сысоевской Казанско-Богородицкой церкви от 30 января 1895 года. Примерно в это же время сделана запись в Симеоновской церкви села Буланово.

Заимка располагалась у озера Шишкино, принадлежавшего казакам Берёзовской станицы Нижне-Уйской дистанции Оренбургского казачьего войска. Вокруг озера располагалась шесть земельных пустошей, приобретённых разными владельцами. Один из них — Егор Галактионович Калмыков, троицкий мещанин, как гласит народная молва. Лично мне о нём ничего неизвестно. Его имя не приходилось встречать ни в архивных материалах, ни в литературе.

Заимка располагалась у берёзового колка в районе военкомата. Остатки леса ещё можно было видеть в 1960—1970-е годы. Сегодня на этом месте сохранилось всего лишь несколько старых берёз.

По некоторым данным здание военкомата — усадьба братьев Белоусовых, владельцев мельницы. Впоследствии на близлежащих территориях расположились магазинчики, чайная, административное здание.

В районе улицы 8 Марта и части Советской вдоль озера располагалась заимка Францова. Ещё дальше у озера, бывшем колхозе им. Шевченко, на пятой пустоши заимку Благовещенка в начале века отстроили казаки-переселенцы Коельской станицы (Коелга) посёлков Кокушкино и Попова.

Сохранилась межевая книга со всеми подписями. За казаков посёлка Кокушкино расписались Пётр Кокушкин и Егор Савостьянов, за жителей посёлка Попова — Яков Викторович Уряшев и Яков Тимофеевич Уряшев. За жителей пограничных поселений руку приложили казак Пётр Смолин (станица Берёзовская), лесничий Н. Дмитриев (село Белозёры) и жители посёлка Аминевский — Сибагат Сагатдинов и Хаким Сагатдинов.

От бывшего колхозного зернотока и мастерских начинались заимки казачьего генерал-майора Василия Немерова. Участок тянулся вплоть до деревни Красноярка и Шипкино, и назывался Трёхозёрной пустошью. Эти земли генерал при жизни завещал сыновьям Геннадию и Ипполиту, а также дочери Зинаиде. На земельной даче имелись две заимки — Немерово Первая и Немерово Вторая. Немерово Первая располагалась между Красноярской и Трёхозёрками (так раньше называлось Шипкино), Немерово Второе — на берегу озера Шишкино. За богатство и зажиточность деревню Немерово Второе прозвали Куркулями. Развалины Куркулей сегодня хорошо просматриваются в районе пищекомбинатовского сада.

По переписным книгам начала века в районе озера Шишкино значатся ещё две заимки — Поляково и Беляево. Доподлинно неизвестно, где они находились, но по некоторым предположениям, одна располагалась на месте пересечения улиц Качалина, Колхозной, Чкалова, а другая — в районе элеватора, в то время голубинки.

По данным 1900 года, заимка Калмыкова была самая крупная. В ней насчитывалось 24 двора и проживало 163 человека. Остальные явно уступали. Францово имело 11 дворов, Поляково — 6, Немерово — 5, Беляево — 2. Отсутствуют данные о выселке Благовещенка, так как он возник после 1900 года.

Все перечисленные заимки относились к Троицкому уезду, самой его оконечности. Между озёрами Шишкино и Жестки проходила граница Троицкого и Челябинского уездов.

Хутор Жестки относился к Кочердыкской, а после 1915 года — к Чудиновской волости Челябинского уезда.

В 1899 году украинские переселенцы выкупили земли у Калмыкова, а возможно, и у других владельцев. Это были выходцы из Полтавской губернии Зеньковского Кобелякского, Миргородского и близлежащих уездов. Среди них крестьяне Дейнеко, Тристан, Яковенко, Рашавец, Хорольский, Ременец, Нелюба, Яресько, Калабун и другие. На заимку Францова подселились Пивень, Мотрий, Сирота, на Немерово второе — Симоненко и Самойленко.

В первые годы XX века на Благовещенку, где проживали казаки Задорогин, Кувшинин, Муравьев, Любимов, Уржумцев, Сотников, подселяется значительная группа украинцев, а чуть позже — немцев.

Наособицу от поселений Шишкинских пустошей развивалась заимка Жестки. В разное время она называлась Жёсткое, Жестовская, Жестинская. В 1900 году улочка, протянувшаяся вдоль озера, состояла из 16 дворов, в которых проживали 96 человек. Одними из первых заимку заселили семьи Бочкарёвых, Рысевых, Говорухиных, Корниловых, Громовых, Жилиных, Каревых.

До революции Жестки оставались примерно в тех же размерах. Значительные изменения последовали в 20-е годы прошлого столетия. Крестьяне объединились в коммуну, назвав её «Комета». Название оказалось пророческим. Ярко вспыхнув, подобно небесному телу, коммуна вскоре ушла в небытие.

К этому времени выселок насчитывал 28 дворов со162 жителями. Относился он к Булановскому сельскому Совету. Однако вскоре произошли крутые перемены, и он навсегда связал свою судьбу с Благовещенским выселком.

А причины заключались в следующем. В 1932 году постановлением ВЦИК от первого января были упразднены Каракульский и Чудиновский районы, а территории объединены в Подовинный район. Исчезла граница, отделявшая Жестки от шишкинских заимок. Но их судьба была предрешена. С этого времени начинается подготовка создания нового райцентра. Развернулось строительство социально-культурных объектов в поселениях вокруг озера Шишкино. Три года длился переходный период.

В 1935 году Подовинный район был переименован в Октябрьский, так как 10 мая 1935 года все заимки вокруг Шишкино были объединены в единое село под названием Октябрьское.

Ушли в небытие Калмыково, Францево, Поляково, Беляево, Немерово второе, Благовещенка, Жестки, давшие начало нашему районному центру.

с. Чудиново

Станислав Чиликов

Царская дочь

Десятки, а может быть и сотни публикаций убедительно повествуют о том, как в Екатеринбурге в доме Ипатьева большевики зверски расстреляли семью последнего императора России Николая Второго.

Но ещё в 1918 году белогвардейские следователи, проводившие следствие по делу об убийстве семьи царя, сталкивались с фактами, опровергающими или, по крайней мере, подвергающими сомнению версию убийства.

Наиболее известными и эффективными следователями, занимающимися этим делом в то время, были Николай Соловьёв, Намёткин и Иван Сергеев.

Правительство Колчака следило за ходом следствия и под любым предлогом отстраняло тех следователей, которые обращали внимание на факты, не вписывающиеся в версию убийства семьи царя. Был отстранён Намёткин, исчез при загадочных обстоятельствах Иван Сергеев.

По понятным причинам белым была выгодна версия убийства царя, царицы и их детей, включая малолетнего Алексея.

История нахождения (уже в наше время) останков членов царской семьи и спорное подтверждение их подлинности была тоже в какой-то мере политизирована. Недаром церковь долго сопротивлялась их признанию.

В перестроечное время было модно обвинять коммунистов во всех грехах.

Существует также достаточно публикаций о другой версии судьбы царской семьи, согласно которой семья не погибла.

В 1976 году в Лондоне была издана книга авторов А. Саммерс и Т. Мангольд под названием «Дело Романовых, или Расстрел, которого не было». Книга не была переведена на другие языки и осталась незамеченной.

Только в 2011 году Ю. И. Сениным эта книга была переведена на русский язык.

Авторы убедительно подвергают сомнению объективность расследования и приводят ряд свидетельств и фактов, опровергающих официальную версию. Желающие могут ознакомиться с содержанием книги в Интернете.

Автор настоящего рассказа в силу отсутствия у него достаточного объёма информации не склоняется ни к одной из существующих версий и ни в коем случае не претендует на какую-нибудь роль в установлении истины.

Однако автору небезразлично прошлое нашей страны, и он считает, что любые факты из её истории могут способствовать повышению интереса к ней, в особенности, если связаны с тем регионом, в котором человек живёт.

Однажды (это было весной 2014 года), просматривая почту, я увидел письмо Сергея Васильевича Третьякова — председателя Межрайонной торгово-промышленной палаты и моего друга с публикацией «Августейшая семья».

В данном материале излагалась судьба каждого члена семьи Николая Второго, чудесным образом избежавшим расстрела в 1918 году.

Меня и Третьякова заинтересовала судьба Великой княжны Татьяны Николаевны Романовой, которая по версии, изложенной в публикации, проживала в Апшеронском и Мостовском районах, вышла там замуж и похоронена двадцать первого сентября 1992 года в селе Солёном Мостовского района Краснодарского края.

Мостовской район занимает территорию в предгорной и горной местности, заселение которой русскими (казаками) началось в 1894 году.

В районе тысячи природных достопримечательностей. Здесь самые древние останки неандертальцев, дольмены, гора «Большой Тхач», красивейшее ущелье Кызыл-бек, уголок нетронутой природы «Гришкина яма» и многие другие уникальные создания природы.

Высокие горы, глубокие ущелья и бурные реки привлекали наше внимание. Нам неоднократно приходилось бывать во многих красивых местах района. Ну, а Солёное давно известно нам по поездкам за грибами.

И вдруг такое! Невероятно!

Несмотря на, казалось бы, очевидную неправдоподобность версии о судьбе Татьяны, я испытывал соблазн предпринять попытку её проверить. Видимо такие же чувства были у Третьякова. В конце концов, для нас любой повод побывать в горах был хорош.

Поэтому уже в ближайшую субботу, взяв с собой жён, мы отправились в Солёное.

Поездка в горы, даже без всякой цели, доставляет довольствие. Погода была замечательная. Яркое весеннее солнце освещало дальнюю перспективу. Задолго до конечного пункта мы любовались горными вершинами, покрытыми снегом.

Лаба, которую мы пересекли по длинному мосту, была полноводной. Шли дожди и таяли снега.

Через полтора часа мы уже въезжали в Солёное. На улицах ни души, Проживают здесь около полутора тысяч человек. Раньше было в три раз больше. Работы нет, молодёжь уезжает. Остались старики, которые живут огородами, сбором и продажей грибов. Об этом нам рассказали наши новые знакомые.

Поиски решили начать с церкви, рассчитывая на возможно сохранившиеся записи.

С помощью встречной женщины нашли церковь. Она выглядит как перестроенная из большого дома. Церковь оказалась запертой.

Следующим объектом был дом батюшки. На наш стук в ворота вышла матушка и сказала, что батюшка не может выйти — он отдыхает. Мы рассказали ей о цели нашего приезда. Она ничего не знала о Татьяне, зато проводила нас к дому атамана села, который был им в интересующий нас период.

Вышла жена атамана и, узнав, что мы хотим, позвала мужа. Опираясь на палочку, вышел пожилой человек приятной наружности.

Представившись, мы рассказали о цели приезда в Солёное. Алексей Фёдорович Крылов — так звали сельского казачьего атамана — охотно выслушал нас, но ничего не смог рассказать по интересующему нас вопросу.

Алексей Фёдорович любезно согласился показать нам дом смотрителя кладбища. Он доехал с нами до дома смотрителя, который оказался далеко от его дома.

Из маленького домика вышел пожилой, среднего роста человек, который был последним смотрителем кладбища.

Звали его Иван Фёдорович Поповский. Несмотря на возраст, Иван Фёдорович, как потом выяснилось, обладал хорошей памятью.

Он, как и Алексей Фёдорович, ничего не слышал о захоронении дочери Российского Императора.

Иван Фёдорович согласился проводить нас на кладбище, которое находилось недалеко от его дома.

Сельские жители, тем более его поколения, отличались доброжелательностью, отзывчивостью и желанием помочь.

Оставив жён на лавочке в тени пахучей сирени, возле дома смотрителя, а Алексея Фёдоровича в машине, мы отправились на кладбище.

Пройдя через двор хозяина, затем ещё через один двор, мы вышли к дороге (улица Ленина) на противоположной стороне которой увидели кладбище, отгороженное от дороги забором.

В заборе была калитка. Иван Фёдорович раскрутил проволоку, связывающую петли, и мы вошли на территорию кладбища.

За исключением небольшой поляны возле забора, остальная часть кладбища занимала довольно крутой склон горы, заросшей кустарником и большими деревьями.

Могилы расположены хаотично и если когда-то было возможно выделить участки одного года захоронения, то теперь никакой закономерности не существовало.

Смотрителя кладбища уже не назначали. Теперь хоронили, где придётся: или рядом с родственниками или на свободном месте.

Ведомые Иваном Фёдоровичем, мы ходили между могилами, вчитываясь в имена и фамилии в надежде найти искомое имя или дату рождения и смерти (1897—1992). К сожалению, удалось найти только одну Татьяну и то похороненную в 1976 году. На некоторых, даже ухоженных могилах, надписей не было совсем. Когда мы останавливались возле очередной могилы, чтобы прочитать надпись на табличке, часто плохо сохранившуюся, Иван Фёдорович подробно рассказывал о судьбе многих похороненных на этом кладбище.

Не располагая достаточным временем, мы, конечно, не смогли тщательно осмотреть кладбище. Наш обход был весьма поверхностным и неполным. Кроме того ходьба по склону нас утомила.

Уже заканчивая обход и спускаясь со склона, Иван Фёдорович вдруг сказал, что в прошлом году, осенью приезжали какие-то люди и тоже искали могилу какой-то Татьяны.

Вернувшись к дому Ивана Фёдоровича, мы поблагодарили его за помощь в наших поисках, отвезли домой атамана, утомлённого ожиданием нас, и отправились домой.

Несмотря на то что мы не нашли следов царской дочери, а посещение кладбища всегда наводит на грустные мысли о бренности жизни, мы были удовлетворены поездкой.

Горный воздух, чудесные пейзажи, общение с простыми и добрыми людьми оставили в душе чувство покоя и умиротворения.

В последующие дни мы продолжали изучение новых материалов о судьбе царской семьи и возможных поездок в Солёное.

Сергей Васильевич Третьяков связался с директором школы в Солёном Лубенцом Николаем Николаевичем и передал ему информацию о возможной судьбе царской дочери с целью привлечения школьников к поискам, полагая, что это будет способствовать приобщению их к изучению истории родного края.

Поисками дочери царя Татьяны занимался и корреспондент газеты «Предгорье» Дмитрий Бентури.

Читая публикации о чудесном спасении царской семьи, Бентури испытывал полный скепсис. Он не доверял источникам информации, описывающим сказочную судьбу царской семьи, в том числе статье « Царская семья: реальная жизнь после мнимого расстрела», опубликованной в газете «Президент».

Интересным для Бентури в этой статье была информация о том, что дочь царя Татьяна якобы вышла замуж и проживала в Мостовском и Апшеронском районах. Похоронена 21 сентября 1992 года в селе Солёном. Выдумка это или нет, но есть возможность проверить всё самому.

Свои поиски он описал в статье «Ужель та самая Татьяна?», опубликованной в газете «Предгорье» и в Интернете 22 июня 2016 года.

Поместить дочь царя Татьяну в село Солёное автору не кажется совсем уж фантастической идеей.

Романовы знали о здешних местах.

Великий князь Сергей Михайлович Романов частенько бывал здесь на охоте. И напоминанием об этом служит охотничий домик, построенный по его распоряжению в Псебае. Само село Солёное тоже непростое место. Известно, что сюда приезжает немало верующих людей, которые считают эту землю священной. И если совсем удариться в конспирологическую теорию, то случайно ли на территории Андрюковского сельского поселения находится монастырь, в храме которого хранятся мощи святой Татьяны.

Конечно же, просто по-человечески хотелось, чтобы Романовы остались живы, чтобы не произошло того жестокого убийства в полуподвальном помещении дома Ипатьева большой красивой царской семьи (царя, царицы, пяти их молодых и юных детей, а также слуг), когда тех, кто не умер сразу от пуль, добивали штыками.

В январе 2016 года жители села Солёного могли наблюдать на местном кладбище компанию странных заезжих молодых людей. Вытаптывая тропинки в глубоком снегу, он ходили между могилами и внимательно присматривались к надгробиям. У одного из парней был фотоаппарат. Ничего плохого молодые люди тогда не задумали. С фотоаппаратом был Бентури, а остальные люди его друзья, которых интересовала судьба Татьяны Романовой.

Именно с солёновского кладбища, где она могла быть похоронена, и начались поиски могилы с датой 21 сентября 1992 года. Но её так и не нашли. Конечно, они (как и мы с Третьяковым) могли что-то упустить из виду, к тому же на некоторых могилах надписи стёрлись от времени.

Уехали ни с чем.

Заинтересовавшись судьбой царской семьи, на обратном пути уже не могли равнодушно проехать мимо охотничьего домика Сергея Михайловича Романова и решили посмотреть его поближе.

Одна из спутниц наивно предположила, что может быть что-то осталось от царских времён.

Автор втайне надеялся на то, сюда мало кто захаживал, что ещё удастся проникнуться атмосферой исторической старины, обнаружив в доме что-то от княжеского интерьера. Но их опередили. Некий Вася оставил на стене послание о своём посещении. Успели побывать в доме и анархисты, о чём свидетельствует знак анархии, нарисованный на стене.

В охотничьем домике Романовых царит полный беспорядок: грязь, пыль, обвалившиеся потолки и полы со сгнившими половицами, сорванные с петель двери, настенные росписи. Только стройные необычные печи, пожалуй, единственно уцелевшие свидетели княжеской жизни, по-прежнему гордо сносят удары времени и местных авторов.

Как считает автор, если бы этот домик находился в Москве или в Санкт-Петербурге, то он бы вызвал у горожан чувство стыда и его бы восстановили.

Этот охотничий домик — то, что очень немного, связывает с историей царской семьи, царской России, нашей славной и печальной досоветской историей, и эта история здесь умрёт.

Чуть позже Бентури в архивах нашёл женщину, которая умерла 21 сентября 1992 года. Это некая Евгения Даниловна Ефименко. Правда, жила она, скорее всего, не в Солёном, а в Андрюках. К тому же год её рождения 1912, в то время как Татьяна родилась в 1897 году. Но дата рождения, как и имя, вполне могли быть изменены.

Бентури решил опросить местных жителей, знали ли они эту женщину и что им известно о возможном проживании царской дочери в Солёном.

Бывший глава Андрюковского поселения Виктор Николаев, который проработал в этой должности с 1990 по 2005 годы, вспоминает, что ещё около семи лет назад кто-то из жителей говорил, что дочь царя, возможно, поселилась в этих местах. Но он тому значения особого не придал. Не смог ничего сказать Виктор Михайлович и по поводу Евгении Ефименко, так как не был с ней знаком. Он посоветовал обратиться к Михаилу Куйбарову, живущему в Солёном и бывшему в своё время заместителем главы андрюковской администрации.

Михаил Фёдорович тоже ничего не смог вспомнить об этой женщине. Но согласился, что версия о жизни царской дочери в здешних местах вполне заслуживает внимания. По его словам, после войны сюда прибыло много монахинь, и Татьяна могла скрываться под видом одной из них. Думая о том, кто же из живущих здесь подходит на роль царской дочери, он вспомнил про двух необычных старушек-монахинь, которые приехали в село из Краснодара и были, по всей видимости, не из бедной семьи.

Самую интересную историю рассказала жительница села Солёного Галина Тихомирова.

Лет семь назад жила в селе одна монахиня Анна. Приехала она сюда до 1990-х годов. Женщина часто сидела у магазина в центре и просила милостыню. Сестра Галины Тихомировой общалась с ней, и однажды та рассказала, что является племянницей царя, и что ей выпала трудная жизнь, пришлось долго скитаться. Родных здесь у неё не было. Похоронена женщина в Солёном. На могиле у неё нет надгробия, а только лишь крест.

Бентури считает историю Татьяны незавершённой.

Автор настоящего рассказа продолжал следить за публикациями о судьбе царской семьи и, особенно, за ходом идентификации останков членов царской семьи.

Останки членов царской семьи были найдены в Поросенковом логу в 1978 году, однако разрешение на расследование было получено только в 1991 году.

В захоронении оказалось 9 тел, экспертиза которых показала, что погибшие были из династии Романовых.

У многих были сомнения в достоверности выводов экспертов.

Несмотря на сомнения, по настоянию светской власти в Петропавловском соборе в 1997 году произошло захоронение Николая Второго и членов его семьи. Представители церкви в церемонии не участвовали.

Среди найденных погибших не было только двух членов семьи: цесаревича Алексея и княжны Марии.

Существовала версия, что им удалось выжить.

Останки Алексея и Марии удалось обнаружить только в 2007 году.

Исследования останков Алексея и Марии показали их принадлежность к царской семье.

Но сомнения у некоторых заинтересованных лиц продолжали оставаться.

Два тела были сожжены. От них осталось только 170 граммов костей, а после проведенных в 2007 году экспертиз осталось всего 70 граммов. Остальное потеряно, как считают, из-за разгильдяйства. По анализу сохранившихся костей антрополог Денис Пежемский мог утверждать только, что это останки уже сформировавшейся девушки и ребёнка, чей пол он определить не может.

В исследованиях останков царской семьи, Алексея и Марии в 2008 году принял участие американский судебно-медицинский эксперт, специалист по анализу ДНК Майкл Кобл.

Не признавала результаты и церковь.

Владыка Тихон заявлял, что на церковную комиссию оказывалось давление со стороны тех, кто торопил получение результатов.

Новый этап исследований при активном участии представителей церкви начался в 2015 году.

К этому времени значительно выросли возможности учёных-исследователей, в связи новыми достижениями в генетике и других науках.

Одновременно с генетиками работали и другие специалисты. Пользуясь методами своего знаменитого учителя Михаила Герасимова, Сергей Никитин реконструировал лица всех девяти жертв по черепам. Теперь их можно было узнать.

Комментируя ход исследования, Кобл пояснил, что идентификация останков цар-

ской семьи проводилась путём сравнения с образцами ДНК самого Николая Второго, выделенными из пятна его крови на рубашке, хранившейся в Эрмитаже, а также его ныне здравствующих родственников, включая британского князя Эндрю Романова, жившего в Сан-Франциско.

Таким образом, у исследователей имелись как пожизненные, так и посмертные образцы. Совпадение оказалось полным.

По поводу других членов семьи американский специалист отметил, что с их останками велась столь же кропотливая работа. В частности, насчёт принадлежности к царской семье детей из отдельного захоронения, найденного в 2007 году, Кобл сказал, что коэффициент вероятности равен 4 триллионам — во столько раз более вероятно, что они относятся к той же семье, нежели что это какие-то посторонние люди.

«Имеются практически неопровержимые доказательства того, что все члены семьи найдены, — сказал американец. — Нам удалось вычленить индивидуальные генетические профили. Они имеются для самого Николая, для его жены Александры, для четырёх сестёр и Алексея.

В них много общего, как и должно быть, но каждый профиль индивидуален. Так, что и антропология и ДНК позволяют сделать окончательный вывод, что все они налицо». В распоряжении Кобла была американская лаборатория — крупнейший центр такого рода в мире. Огромную работу провели российские учёные.

На сегодняшний день закончены все исследования, направленные на идентификацию людей, чьи останки были обнаружены. Результаты сложных многоэтапных экспертиз, многие из которых были проведены впервые, позволяют сделать окончательный и однозначный вывод, что в захоронениях находились останки Николая Второго его семьи и приближённых.

Когда автор изучал источники информации о зверском убийстве царя и членов его семьи, о том, как заметая следы, убийцы и их подельники прикладами уродовали детей, перед глазами стояли удивительно светлые лица царских дочерей и сына, запечатлённые на фотографиях.

Ничто не может быть оправданием такого чудовищного преступления, совершённого организаторами и исполнителями.

г. Армавир

Николай Шукшин

Счастливая

Пролог

— Ты видел когда-нибудь как землю пашут? — спросила меня Ольга Четоева, едва я включил свой репортерский диктофон. — Я очень люблю запах земли. Весной меня всегда в родные края тянет.

Слушал я собеседницу, и в голову невольно пришли строки известной песни из кинофильма «Осенние утренники»: «Осенних утренников свежесть. / В душе натянута струна, / меня охватывает нежность / к тебе, родная сторона!»

Уральский край. Здесь она оторвалась от материнского подола, здесь сделала первый шаг, бегала по росистой траве. На этих сельских просторах она впервые почувствовала себя счастливой, общаясь с ней вот уже более полувека, я силился понять, какие черты её характера, внешние факторы, позволили ей стать самодостаточной, успешной и везучей, даже несмотря на то, что судьба уготовила женщине много испытаний. Впрочем, обо всём по порядку.

Детство трудное и счастливое. Удивительно, но факт: её всегда тянет в Малый Куяш. Здесь она родилась. На этой земле долгие годы жили её предки. Мама всю жизнь трудилась в совхозе, где повстречала свою судьбу. Иван Плешачков, вернувшись с войны, надолго поселился в наших краях.

У Марии Ивановны, мамы Оли, смолоду проявилась деловая жилка. Она крепко держала дом, соблюдая в нём чистоту и порядок. Кроме того, с ранней весны и до поздней осени без устали трудилась, то на огороде, то на сенокосе, то на заготовке дров. Иван Осипович всегда находился рядом, во всём жене помогал.

В стороне от таких привычных на селе дел не стояла и Оля. В её родительской семье, что, впрочем, на Руси совсем не редкость, от дедов и прадедов по наследству передались

любовь к труду и сила характера, и доброта — основательная и деятельная, как материнская память. Уже в десять лет девочка доила корову, кормила телёнка и кур. А, став постарше, взяла в руки косу. Могла она и сено скирдовать, и поленницу сложить, и за младшим братишкой Васенькой приглядеть, пока мама на свиноферме трудилась.

А ещё, как и все дети, ходила в школу. Училась старательно, но без блеска, чем выводила из себя педагогов, которые постоянно снижали ей оценки, даже за поведение, думая, что ребёнок — лентяй, а у неё просто не было времени, чтобы лишний раз заглянуть в учебник и решить задачу.

Больше всего ей нравились уроки литературы и преподаватель Галина Андреяновна Скрыпник. Рано распознав в своей любимице артистический талант, она частенько вызывала её к доске и просила почитать наизусть стихи классиков.

А ещё Оля не представляла своей жизни без песни. Пела везде: в школьном хоре, дома, в лесу и на берегу озера. Звонкий голос солистки не раз звучал на детских конкурсах, в которых юный самородок неизменно занимала призовые места.

Музыкальные дарования достались девушке в наследство от родителей. Оба они имели от природы хорошие голоса, любили пройтись по деревне с песней под гармошку. Словом, жизнь шла своим чередом, всё в ней складывалось прекрасно. Редкие свободные минуты Оля с удовольствием отдавала общению с подругами, в их числе много лет была и остается моя сестра.

Из воспоминаний Ольги Четоевой: «Учась ещё в начальной школе, мы имели обыкновение копить деньги, экономя на школьных завтраках и обедах. Когда в наших кошельках скапливалась определенная сумма, мы бежали в магазин и покупали любимые лакомства. На первом месте среди них была халва. Как правило, мы прятали её от родителей, а потом ели маленькими порциями. Однажды мы про нее забыли, и её начали поедать пищевые муравьи, оставив нас без любимой сласти. Но горевали мы недолго, снова начали скапливать монетки. В этих невинных шалостях тоже состояла прелесть жизни. Дети всегда остаются детьми».

И вдруг средь ясного неба грянул гром. Беда пришла, от куда не ждали. Всё чаще мама стала жаловаться на нестерпимые головные боли. После детального обследования вердикт врачей прозвучал как приговор: «рак головного мозга». Начались долгие семь лет лечения. Мария Ивановна многое перенесла в борьбе за жизнь, но болезнь оказалась сильней. Её не стало в сорок два года. Четверо детей осиротели разом. К тому времени старшие, Владимир и Александр, жили самостоятельно. А младшие, Ольга и Василий, остались на попечение бабушки.

В любой трагической ситуации человек должен найти в себе силы, чтобы жить дальше. Эту истину хорошо усвоила бабушка детей, Анисья Ивановна. На её долю выпало пережить двух своих детей. Она заслуживает подробного рассказа.

Свет её добра

Эта неграмотная женщина прожила большую жизнь, до 1958 года трудилась без устали на конном заводе, который в то давнее время располагался в Голубинке.

Когда предприятие расформировали, а коней отправили в Троицк, бабушка Анисья ушла на пенсию и занялась домашними делами, а их с ранней кончиной дочери заметно прибавилось. Перво-наперво предстояло решить, с кем останутся Оля и Вася тем более, что на их папу надежды не было никакой к тому времени родители состояли в разводе. Вскоре Иван Осипович нашел другую женщину. Но бабушка, знала точно — внуков никому не отдаст, станет растить их сама. Ей удалось убедить в этом органы опеки.

Жили домашним хозяйством, на бабушкину пенсию да на пособие по потере кормильца. Всем приходилось очень много работать, но в доме было всё необходимое — не хуже, чем у соседей. Анисья Ивановна нотаций внукам не читала.

Из воспоминаний Василия: «Меня она никогда не ругала, к любым шалостям относилась с улыбкой и пониманием. А жили мы, подростки, весело: залезали в чужие сады за огурчиками да ягодками, хотя у каждого из нас дома этого добра было полным — полно. Совершая набеги в соседские владения, мы никогда не ломали деревья и заборы.

Или ещё два примера. Нередко нам приходилось разбирать большие поленницы односельчан и складывать дрова тем соседям, у которых их было недостаточно. Бабуля обошлась без скандала даже тогда, когда в семнадцать лет я впервые лишнего выпил. Просыпаюсь днём, а она сидит у кровати, тихо вздыхает и говорит: «Чтобы больше такого не было». Эти слова пробрали меня до костей. Выводы из них я сделал на всю жизнь.

К спиртному абсолютно равнодушен и сегодня. Удачно женился, мы с женой воспитали двух прекрасных детей, теперь с внуками помогаем. Я двадцать лет отработал в пожарной охране г. Озёрска, теперь занимаюсь наладкой оборудования на законсервированной

“ЮУАЭС”. Во всех моих достижениях есть огромная заслуга бабушки. Она — мой ангел-хранитель».

Быть добрым очень трудно, потому что добрые дела вершатся не для себя, а для кого-то, значит, человеку надо уделить внимание, потратить время и силы.

«Терпение — вот, мой друг, орудие героя, коль выбито из рук оружие другое...» (Кайсын Кулиев)

Его нашему народу не занимать. Недаром есть поговорка: «Господь терпел и нам велел». Так что у нас есть все предпосылки для совершения добрых дел. Добрые чувства проявляются у людей в детстве: это —человечность, доброта, ласка, внимательность, доброжелательность, сочувствие. Они рождаются в труде, заботах о людях и животных, восхищении красотой окружающего мира.

Правильность этих слов личным примером, всей своей жизнью доказала Анисья Ивановна Щербатова. Жители моей родной деревни и сегодня вспоминают её добрым словом.

Тернистый путь в профессию

Жизнь меж тем продолжалась. Получив летом 1972 года аттестат зрелости, Ольга покинула отчий дом и отправилась в город Каменск-Уральский, где получила специальность лаборанта по испытанию железобетонных изделий и начала работать на заводе. Но профессия девушке не нравилась. Она хотела исполнять со сцены народные песни, но, как осуществить свою заветную мечту, не знала. Помог его величество случай. Однажды Оля увидела объявление о наборе исполнителей в Государственный Кубанский казачий хор. Посоветовавшись с бабушкой, девушка поехала в Краснодар, на вступительные испытания.

Провожая свою кровиночку в неизвестность, она тихо молвила: «Спаси и сохрани». Из уст умудрённой жизнью женщины слова эти звучали естественно. Она, пережившая две войны и два голода, похоронившая двух своих детей, всегда полагалась на бога. Произнося эту фразу, старушка не высшей силы заклинала, а себе приказывала: «Спаси и сохрани дом от распрей, ссор, вражды». И спасала, хранила из последних сил — семейный лад, тепло, любовь. И молилась Богородице, посылая ей по сто поклонов подряд, прося помочь внучке. Силовое поле общих хлопот не позволило счастью рассыпаться на мелкие дробинки вражды.

На экзамене внучка с блеском исполнила песню «Урал, Урал, твои просторы» и была принята на работу в известный коллектив. Возглавлял его знаменитый композитор Виктор Захарченко. Оценив по достоинству талант певицы-провинциалки, он сказал ей: «Тебе учиться надо, поэтому поступай в Краснодарское музыкальное училище, а там видно будет».

Хор стал для Ольги настоящей школой профессионализма. Репетиции проходили ежедневно, причём сначала работали хормейстеры, и коллектив просто распевался, после чего приходил руководитель и начинал отшлифовывать с певцами каждую ноту, каждое слово песни.

На занятиях Виктор Гаврилович советовал Ольге: «Разучивая произведение, музыку никогда не меняй, а со словами импровизируй, вкладывай в них душу». Проучившись в Краснодаре два года, она перевелась в Свердловское музыкальное училище имени П. И. Чайковского, чтобы быть поближе к дому. Здесь её наставником стала педагог Нина Лаптева. Знаток народной песни, она рекомендовала своей любимице «формировать репертуар смолоду».

Окончив училище в 1979 году, дипломированная артистка отправилась покорять Москву и держать экзамен в хор имени Пятницкого. Вступительные испытания прошла превосходно, а вот столица с первого раза молоденькой девчонке не покорилась: прописку не дали, жить было негде, денег не хватало даже на еду, порой и голодать приходилось. Помог руководитель хора Валентин Левашов. Каким-то немыслимым образом ему удалось прописать Ольгу в Киргизии и выхлопотать для неё комнату в Москве. За такие вольности директор коллектива едва не уволил солистку. К счастью, в ситуацию вновь вмешался Валентин Сергеевич. Вызвав заместителя, спросил:

— Вы Ольгу Ивановну на работу принимали?

— Нет, — растерянно ответил тот.

— Так вот, отныне её судьбой буду заниматься я сам.

В хоре она проработала более двенадцати лет, побывав с гастролями в Литве, Эстонии, Белоруссии, Болгарии, Греции, Германии, Чехословакии и других странах. Кроме того, Ольга Ивановна записала семь произведений в «Золотой фонд» отечественного искусства. Вот и выходит, что прав был великий Мураками, сказавший когда-то очень давно: «Была бы цель поставлена — а цепочка проб и ошибок сама приведёт к желаемому результату».

И ещё. Мне кажется, что жизнь — стечение закономерностей. Везёт каждому, только вот один извлечёт из момента везения 100 % пользы, а другой его даже не заметит.

Любовь, семья, дети

С этим нашей героине тоже повезло. С мужем, Александром Четоевым, судьба свела её в столице на конкурсе профессионального мастерства более тридцати лет назад. Молодые люди полюбили друг друга и поженились. «Саша — прекрасный музыкант, настоящий профессионал, вспыльчивый, болеющий за дело, человек, у которого я многому научилась, — говорит о супруге Ольга Ивановна. — Он одинок, рано потерял маму, его отец — фронтовик долгое время жил с нами. Я Сашу понимаю, жалею и люблю, он, как и я, заслуженный артист России».

Родители гордятся своим сыном. Сергей — музыкант. Они взрастили его вдвоём, без помощи бабушки и дедушки. От безвыходности мальчика частенько приходилось брать с собой на концерты. Артистическая братия помогала его воспитывать. Однажды плачущего малыша успокаивала Людмила Зыкина. Теперь уже все трудности позади.

«Я хочу построить храм»

В 1991 году артистка Четоева завершила работу в хоре имени Пятницкого и перешла, что называется, на вольные хлеба. Теперь, в основном, она даёт благотворительные концерты или выступает там, где люди хотят слышать её прекрасный голос.

«Судьба и жизнь её — песня». Нашу героиню с полным правом можно назвать полномочным представителем русской песни. За долгие годы искреннего жертвенного служения искусству она, заслуженная артистка России, стала поистине всенародной любимицей. На концертах певицы восторженно замирают и подростки, и пожилые ветераны, а она щедро раскрывает для них истину народной песни, её корни. Её любят и ждут всюду — в далеких деревеньках, в больших и малых городах России, ближнего и дальнего зарубежья. В её голосе есть всё: журчание родника, пение птиц, музыка гор и бескрайних лесов, летний дождь и задушевная благодать уральской деревни. Необычайно одаренная яркой внешностью, исконно русской теплотой и глубиной Ольга Четоева с каждым годом всё ярче раскрывается для нас, своих почитателей. Она душа русской песни, её животворный источник — её голос. В её устах оживают давно забытые старинные песни, а всем известные звучат как-то по-особому душевно, тепло, сердечно и проникновенно. Если бы нам пришлось определять певческую сущность артистки одним словом, то мы бы сказали, что это слово — искренность.

Совсем недавно, 9 июля, её встречали родные места, куда она приехала в очередной раз, чтобы повидать родных, друзей, близких, дать благотворительный концерт в поддержку Покровского храма в Большом Куяше. К слову сказать, в этом году церковь отмечает свой 210-й день рождения.

В зрительный зал под открытым небом люди пришли с небольшим опозданием. Середина лета — пора в деревнях горячая, люди заняты неотложными работами в садах и огородах. Недаром говорится, что летний день год кормит. И всё же они нашли время, чтобы послушать любимые сердцу песни. В парке собрались жители Большого Куяша и окрестных деревень. Сюда прибыла целая «кавалькада» авто: из областного центра, Кунашака, Озёрска, Снежинска, Каслей.

Очередной концерт Ольга Ивановна по традиции открыла песней «Я хочу построить храм», поразившей всей глубиной мысли о восстановлении церкви: «Будет храм стоять века ни на лжи и ни на крови, чтобы мог прийти сюда всяк, нуждающийся в крове». Далее со сцены звучали: «Деревня моя, деревянная, дальняя», «Гармонь моя», «Мама, милая мама», «Ой ты, рожь» и другие. Композиции, знакомые с детских лет, люди слушали стоя и от души аплодировали. После каждой песни зрители вручали певице букеты из ромашек, роз, тюльпанов, лилий. К участию в своем концерте Ольга Ивановна любезно пригласила хореографические коллективы «Карамельки», «Акварель» под руководством Анны Виноградовой. Ребята исполнили несколько танцев и удостоились зрительских оваций и получили подарки от попечительского совета Покровского храма.

Нынче вместе с Ольгой Ивановной в Куяш приехал известный ансамбль «Митрофановна» под руководством заслуженного работника культуры России Геннадия Зыкова. Коллектив является лауреатом многих российских и международных конкурсов. Артисты исполнили весёлые песни о деревенском житие-бытие, которые заставили пуститься в пляс даже зрителей весьма почтенного возраста.

Ольга Ивановна Четоева получила в подарок икону с изображением Богородицы с омофором в руках на фоне Куяшских храмов. Она была заказана и изготовлена в Свято-Казанском женском монастыре города Троицка.

Своими впечатлениями о прошедшем мероприятии мы попросили поделиться некоторых его участников. Вот что они нам рассказали.

Любовь Петровна Атёсова, ветеран труда, бывшая заведующая Куяшским ДК:

— Организаторы посвятили этот концерт Дню семьи, любви и верности, юбилею Покровского храма. Отрадно, что он состоялся в рамках Года культурного наследия. Прозвучавшие в нём песни давно известны всем и каждому. Они уже давно вошли в золотой фонд культуры нашей страны. Надо сделать всё, чтобы сохранить их для потомков. Особую благодарность хочется выразить председателю попечительского совета нашего храма Михаилу Геннадьевичу Янину за его неустанный труд по сохранению культурного наследия и идеи восстановления церкви. В нашем поселении ни одно мероприятие без него не обходится. Приходится лишь удивляться, где он находит время, силы и средства на благие дела...

Николай Михайлович Атёсов, председатель совета ветеранов Куяшского сельского поселения:

— Люди всякий раз с нетерпением ждут очередного концерта Ольги Ивановны Четоевой и тех, кто приезжает вместе с ней. Выступления артистов проходят весело и задорно, они согревают душу и сердце теплом, пробуждают светлые воспоминания детства и юности, побуждают вспомнить тех, кто подарил нам жизнь — наших родителей.

Нина Ивановна Удалова:

— Творческие люди, видимо, постоянно испытывают потребность побывать в родном краю, чтобы подпитаться силой его земли, надышаться его целебным воздухом, встретиться и вдоволь наговориться с дорогими сердцу людьми — родственниками и друзьями, вспомнить тех, кого уже нет с нами.

В этом году исполнилось ровно полвека с тех пор, как мы получили аттестаты зрелости. Судьбы наших одноклассников, среди которых была и Ольга Плешачкова, сложились удачно. Они стали военными, инженерами, педагогами, полицейскими, артистами. Путевку в жизнь мы получили в Куяшской средней школе. Нашими любимыми педагогами были математик Фарида Хамитовна Ахтямова. Её с полным правом можно назвать учителем с большой буквы. Она прекрасно знала свой предмет, используя при его подаче разнообразные и очень простые формы. Отличительными чертами её характера можно назвать задор, тактичность, удивительную работоспособность, любовь к детям и наличие мягкой силы. Фарида Хамитовна обладала умением донести до каждого своего питомца любую свою мысль. Мы слушали и понимали её с первого раза, она была нашим классным руководителем с 5-го по 9-й класс и учила нас не только математике, но и жизни, дружбе, патриотизме. Обо всём этом мы говорили перед началом концерта в Куяше со своими одноклассниками.

Хочется сказать несколько слов и о нашей Оле. «Звёздная болезнь» её совершенно не коснулась, она осталась такой же трудолюбивой, скромной, весёлой, тактичной и добродушной, какой мы её знали в школьные годы. Особого восхищения заслуживают её благие дела на пользу людям и делу. К слову сказать, на становление личности Ольги Ивановны большое влияние оказала учитель русского языка и литературы Куяшской средней школы Галина Андреяновна Скрыпник. Именно она сумела рано распознать и раскрыть в Ольге певческий дар, сделав всё возможное, чтобы он проявился. Ольга Ивановна с детских лет имела заветную мечту стать певицей и смогла её реализовать, пройдя через многие трудности. Самостоятельно, без всякой протекции поступила в музыкальное училище, успешно его окончила, прошла вступительное испытание в Кубанский казачий хор и хор имени Пятницкого, отработав в них много лет. Кто-то из мудрецов сказал: «Счастливым может считать себя лишь тот, кто, имея в юности заветную мечту, сможет реализовать её в зрелые годы». Наша Оля может гордиться собой и всем тем, что она уже сделала, делает и ещё сделает в жизни. Мы желаем ей новых успехов на этом непростом пути и будем ждать с нетерпением новых встреч с ней и прекрасными песнями в её исполнении.

К сказанному остаётся добавить ещё несколько слов, благотворительный концерт продолжался около двух часов. Все собранные на нём средства пойдут на Благовест — праздничный колокол Звонницы Храмов Покрова Пресвятой Богородицы и Рождества Христова. Об этом на своей странице в социальной сети сообщил председатель попечительского совета Покровского храма, адвокат Михаил Янин. А Ольга Ивановна Четоева через несколько дней дала часовой концерт в Екатеринбурге. Всего же за время пребывания на Уральской земле в этом году, артистка дала семь концертов.

Эпилог

Вот такая она — певица Ольга Четоева — талантливая, активная, трудолюбивая, добрая, бескорыстная, целеустремлённая и счастливая.

г. Челябинск

Юлия Найденко

Сникерс

Мама вела Женьку домой из детского сада. Было жарко. Белый пух летел со всех сторон, как снег, залепляя глаза, нос и рот. Женька капризничал.

— Мама! Купи «Сникерс». Я кушать хочу.

— Подожди, дойдем до магазина, куплю тебе булочку.

— Нет. Я хочу «Сникерс»

— Женя, это дорого, у меня нет денег.

Ребенок продолжал хныкать: «Я хочу “Сникерс”». Мама нервничала: сын капризничает, на работе устала, жара, пух раздражает, в общем, ещё чуть-чуть, и всех «покусаю».

На дворе был 1992 год. Год начала современной России, первый после распада СССР. Вот где была инфляция! В январе 1992 года буханка хлеба стоила два рубля, а в декабре уже стала стоить пятьдесят рублей. Заработную плату людям задерживали на несколько месяцев, выдавали небольшими авансами или вещами и продуктами. Средняя заработная плата была около шести тысяч рублей. На одну тысячу рублей можно было купить полкило мяса и два десятка яиц. При этом «Сникерс» стоил триста сорок пять рублей. Это было очень дорого! А маленький Женя полюбил этот шоколадный батончик, который только появился на прилавках наших магазинов, вместе с другими заморскими сладостями: шоколадками «Марс», «Твикс», «Баунти» и карамелью «Чупа-чупс». Мама могла купить ребенку «Сникерс» только раз в месяц, после получения скромной зарплаты учителя.

Она практически волоком затащила сына в магазин, быстро купила продукты и с одной мыслью: «Скорее домой!» — выскочила на улицу.

Возле входа в магазин, опираясь на палочку, стояла пожилая женщина. У её ног была большая картонная коробка. Она очень тихо и скромно просила:

— Люди, возьмите, пожалуйста. Они хорошие, чистенькие.

Непроизвольно мама и Женя заглянули в коробку. А там четыре маленьких пушистых комочка — котята. Не успела мама и глазом моргнуть, как Женя выхватил одного, самого маленького, самого хиленького, самого страшненького котёнка шоколадного цвета и со словами: «Это мой!» — прижал его к груди.

— Нет, нет, Женя. Папа нам не разрешит.

Сын со слезами на глазах улегся животом на асфальт, подмял под себя котёнка и зарыдал во весь голос.

—Он мой! Хочу!

— Женечка, папа не разрешит. Давай я тебе лучше «Сникерс» куплю.

— Не надо «Сникерс». Хочу котёнка. Никогда не надо «Сникерс», только киску возьми.

Вокруг уже начал собираться народ. Послышались возмущенные голоса:

— Ну что же вы, мамочка, не жалеете своего ребенка? Возьмите ему котика.

— Ребенок так плачет, а матери хоть бы что. Совсем сердца нет.

— Вот-вот, потом дети нервные растут и жестокие.

— Ну все, хватит! — не выдержала мама. — Бери, но с отцом будешь договариваться сам.

— Да! — закричал радостный Женька.

Он прижал малыша к груди и не выпускал до самого дома.

Дома их ждал разговор с папой. Мама всю дорогу мысленно готовила речь. Если честно, то она и сама очень хотела котёнка, но их папа не любил животных и не разрешал брать в дом.

Только они вошли в квартиру, как Женя бросился к отцу и сразу же разрыдался так, будто сломали его любимую игрушку. Отец, ничего не понимая, смотрел то на сына, то на жену. Она пыталась что-то объяснить, но сын перекрикивал её.

— Папа никогда не надо «Сникерс», только котёнка. Я всю жизнь не буду есть «Сникерсы», только возьми.

Жена объяснила ему, что случилось. Папа посмотрел на рыдающего сына и умоляющий взгляд жены и подвел итог: «Если кот, то оставим. Если кошка, то нет».

Мама взяла у Жени котенка, посмотрела, какого он пола, и выдохнула с облегчением:

— Держи своего Сникерса. Это кот.

Счастью ребенка не было предела.

Сникерс рос очень смышленым. Женя с ним практически не расставался, везде брал с собой. Только в детский сад котёнку был вход закрыт. Мама с папой были довольны. В еде Сникерс был неприхотлив, ел всё, даже хлебную корку. Справлять нужду ходил только на улицу, причём в любое время года и при любой погоде. Мама с Женей не боялись отпускать его одного гулять. Они знали, что питомец обязательно прибежит домой. Мог прийти подранный после боевых действий с местными подвальными котами, но всегда являлся домой, зализывать раны. Так прошло около двух лет.

Однажды Сникерс пропал. Мама с Женей искали его по всем окрестным дворам, проверяли с фонариком в подвалы. Сникерс как в воду канул. Так прошло четыре месяца. Сын очень плакал, переживал. Мама, как могла, подбадривала его, придумывала всякие небылицы про Сникерса, хотя сама уже потеряла надежду на возвращение кота. И вот однажды вечером за входной дверью кто-то начал скрестись и мяукать. Мама с Женькой, не поверив своим ушам, бросились к двери. Открыв, увидели своего обожаемого, исхудавшего, грязного Сникерса. За его спиной сидела облезлая, грязная бело-рыжая кошка и пять котят. Сникерс привёл домой свою семью. Мама с Женей опешили, а Сникерс важно прошел в квартиру, мяукнув на пороге. Кошка с котятами последовала за ним. Женино лицо светилось радостью и счастьем.

— Папа не переживет! — сказала мама и закрыла дверь.

Дуська

Наташа доделывала первый в новом году пирог с рыбой. Саша сидел рядом за столом с газетой в руках и читал. Он безмолвно присутствовал в этом таинстве создания уюта, тепла и радости. И тем не менее его утреннее чтение газеты и присутствие на кухне вносило свою нотку совершенства в семейные отношения.

В этой молодой, но крепкой семье были свои уже сложившиеся традиции. Одной из них была встреча Нового года. Они не один год встречали этот праздник вместе. Только они и никого больше. Друзей и приятелей у них было много, но это был день единения и укрепления семьи. Поэтому он был для них дорог.

Наташа и Саша молчали. Каждый был занят своим делом, но это было такое соединение душ, которое можно понять и почувствовать только самым близким людям. Наверное, это и есть любовь и семья.

Тихо тикали часы на кухне, отмеряя ход времени. Шурша и шкворча, закипал на плите чайник, и было в этих звуках столько тепла и уюта, которые радуют душу.

Из коридора раздались лёгкие шаркающие шаги. Это брёл в уборную полусонный двенадцатилетний Славка. Он всегда утром долго просыпается. Вроде ноги и руки уже шевелятся, совершают привычные движения, а голова ещё спит.

Следом из детской комнаты раздались полусонные сладкие постанывания. Это просыпалась пятилетняя Анечка. Она всегда бормочет что-то невнятное перед тем, как проснуться.

От пирога в духовке исходил умопомрачительный запах.

— Ну вот, вся семья в сборе. Все тянуться на запах вкусненького, — пробормотал Саша, не отрываясь от газеты.

— Так это же здорово!

— Угу, — раздалось в ответ.

В это время на кухню вошёл вполне проснувшийся Славка.

— Ой, как вкусно пахнет! А скоро пирог будет готов?

Он очень любил мамины пироги. И действительно, пироги у Наташи были отменные. Не каждой хозяйке дан талант печь такие чудные пироги. Они всегда получались сочные, с тонкой хрустящей, румяной корочкой. Такого дара Бог отмерил Наташе полной чашей.

— Пирог будет готов через пятнадцать минут, а вот рыба в ведре запахнет быстрее, Слава, сбегай пожалуйста, выкинь мусор.

Славка нехотя взял ведро и поплёлся в коридор. Неторопливо натянув ботинки и красный пуховик, который он так любил, вышел за дверь.

Аня в это время продолжала тихо фыркать и что-то бурчать в ванной. Это был ее ежедневный ритуал. Она проводила утром в ванной ровно тридцать минут, что-то всегда бурча и фыркая. Вся семья этому тихо умилялась.

Наташа накрывала утренний праздничный стол и тихо мурлыкала себе под нос любимую песенку «Оренбургский пуховый платок». Саша, отложив газету, прислушивался к её пению. Голос у Наташи был глубокий и сильный. Она пела завораживающе, проникновенно.

Была тихая семейная идиллия. Никто из них не мог и предположить, что в этот момент их жизнь сделает неожиданно крутой поворот.

Славка влетел в кухню с улицы, как ураган. Он даже не разделся и не разулся. В его глазах стояли слёзы.

— Мамочка, папочка, пожалуйста! Я вас умоляю! Оставьте его. Он маленький, он замерзнет, погибнет! Пожалуйста!

— Подожди! Подожди! — перебил его Саша.

— Давай сначала и по порядку. Что стряслось и по какому поводу такая горячка?

— Вот! — выдохнул Славка и достал из-за пазухи маленький, чуть больше ладошки, рыжий мохнатый клубок.

Наташа и Саша даже не сразу поняли, что это маленький щенок.

— Он сидел в мусорном контейнере и пищал. Его кто-то туда выкинул. Он совсем замерз, — продолжал Славка плачущим голосом.

— Отставить слёзы и сопли! — сказал Саша.

— Собака нам не нужна. Верни туда, где взял.

Славка молча захлюпал носом. Наташа нахмурилась, глядя на всю эту картину. Она понимала, что собака им не нужна, но и бросить это крошечное существо на верную смерть она тоже не могла.

В это время в кухню вошла Анечка. Она увидела щенка и глаза её засияли.

— Ой! Это Дедушка Мороз нам сделал подарок? — закричала она.

Анечка схватила щенка, прижала его к груди. На её лице светилось такое искреннее счастье, что ни Наташа, ни Саша не смогли ничего возразить. И этот момент решил всё. Щенок остался в доме.

Дети унесли щенка в свою комнату и стали спорить, как они его назовут.

— Мухтар, — категорично заявил Славик.

— Ты что, какой же он Мухтар? Он Рыжик, — сказала Аня.

— Рыжик — это банально, — возразил Славка.

— Тогда Малыш.

— Ага, и вырастет этот Малыш выше тебя. Нет, это всё не то. Нужно придумать какое-то необычное имя, которое подойдёт и большой, и маленькой собаке.

Наташа долго прислушивалась к детскому спору и, наконец, решилась его прервать. Она заглянула в комнату и не терпящим возражения голосом сказала:

— Так, дети! Оставьте щенка в покое. Марш мыть руки и за стол.

Славка и Анюта поплелись в сторону кухни. Им так не хотелось расставаться с этим маленьким живым чудом, но спорить с мамой себе дороже. Поэтому они быстро сели за стол, ещё быстрее съели всё, что было в тарелках, обмениваясь только им одним понятными взглядами, и так же быстро убежали в свою комнату.

Наташа с Сашей молча жевали пирог. Каждый был погружен в свои мысли.

Первым прервал молчание Саша.

— Дорогая, ты же понимаешь, что собака нам абсолютно ни к чему.

— Конечно, милый. Я с тобой полностью согласна, но не можем же мы его выкинуть зимой на улицу.

— И что ты предлагаешь? Оставить его себе? Ты понимаешь, какая это ответственность и лишние заботы?

— Саша, конечно, я всё понимаю, но нельзя же так обмануть детей. Аня так верит, что это Дед Мороз принёс ей подарок. Разрушить веру в чудо — это сломать ребенку психику. Так нельзя!

— А как можно? Идти на поводу у детей и выполнять все их прихоти? Завтра они захотят слона, и ты им его организуешь? Они уже большие и должны понимать всю меру ответственности за живое существо.

— Саш, ты как всегда категоричен. Давай попробуем оставить щенка на праздничные дни. Дети за время зимних каникул с ним наиграются, и он им станет не интересен, а мы за это время подыщем ему семью.

— Хорошо. Не такой уж я и бессердечный. Думаешь, мне его не жалко? Просто я понимаю, что это лишняя головная боль.

— Всё, всё, всё! Я поняла! — радостно сказала Наташа.

Она и сама не могла объяснить, почему так рада, что щенок остаётся в доме. Видно это судьба.

Наташа пошла в комнату к детям. Только она открыла дверь, как две пары глаз устремились на нее с надеждой и мольбой.

— Щенок остаётся. А сейчас его нужно помыть и приготовить место.

Дети облегченно выдохнули и радостно загомонили. Они стали наперебой предлагать клички для щенка, а Наташа смотрела на них и радовалась, что у неё такая замечательная семья.

В это время Саша стоял под дверью и подслушивал. И кто бы мог подумать, что в его душе царит такая же радость и гордость за свою семью.

Наташа взяла щенка на руки и пошла с ним в ванную, на ходу давая им указания. Славе подогреть немного молока, налить в блюдце, а Ане найти в кладовке коробку из-под обуви и сделать щенку уютную, тёплую лежанку.

Саша быстро прошмыгнул на кухню, схватил газету и сделал серьезное сосредоточенное лицо. Наташа искоса глянула на него и заулыбалась. Газету он держал вверх ногами.

Она помыла щенка. Он мило отфыркивался и сопел, совсем как Аня по утрам в ванной. И Наташа поняла, что расстаться с этим чудом ей будет очень непросто, практически невозможно.

«Ничего, — подумала Наташа,— за десять дней всё как-нибудь решится и утрясётся».

Она завернула щенка в махровое полотенце и пошла с ним в детскую. Ребята продолжали спорить насчёт имени. Наташа засмеялась и сказала:

— Хочу вас огорчить, дети. Ни одно ваше имя не подойдет щенку.

— Почему? — хором воскликнули Слава и Аня

— Потому, что это девочка, а вы придумываете имя для мальчика.

Дети озадаченно замолчали. Такого поворота событий они не ожидали.

Наташа взяла блюдце с молоком и начала поить щенка. Он жадно тыкался носом в блюдце, но лакать у него не получалось — он был слишком маленький. И тогда он начал подсасывать молоко через край блюдечка.

Саша зашел в детскую. Не таясь, наблюдал за всей этой суетой. Когда щенок повернул к нему свою чумазую мордаху с двумя голубыми глазами-бусинами, душа его перевернулась, и он, не задумываясь, выпалил:

— Да это же Дуська!

Наташа посмотрела на него вопросительно, а дети радостно загалдели:

— Дуська!

— Дуська!

— Прикольно!

— Ни у кого такой Дуськи не будет!

Таким образом, вопрос с именем был решён. А Наташа с Сашей поняли, что Дуська осталась у них навсегда.

Все праздничные дни прошли в хлопотах по освоению роли собаковладельцев. Наташа с Сашей свозили Дуську к ветеринару, где её осмотрели.

Ветврач Ирина им понравилась с первого взгляда. Осмотрев Дуську, она вынесла вердикт:

— Щенок, похоже, породистый, но пока говорить что-то определенное рано. Подрастет — посмотрим. Она здорова, ей примерно три — четыре недели. Через недельку её можно будет уже проглистогонить, а через месяц начнем ставить прививки, согласно схеме. Сейчас купите ей мягкий ошейник для щенков, чтобы приучалась к будущим прогулкам, миску для еды и миску для воды, пару небольших игрушек и специальный шампунь для щенков. А через неделю я вас жду на очередной приём.

Славик и Анюта все эти дни усиленно мыли пол в квартире. Они не только замывали маленькие лужицы за Дуськой, но и отмывали все вокруг, вплоть до плинтусов.

Первое время Дуська больше времени проводила в своей коробке-домике. Она ела и спала, играла мало. Все были довольны. Не такие уж это и хлопоты. Но время шло, Дуська росла.

Незаметно пролетели новогодние каникулы. Наташа и Саша вышли на работу, Аня в садик, а Слава в школу. И тут началось все самое интересное.

Дуське было скучно дома одной, поэтому она очень быстро нашла чем себя занять. Сначала в спектр её развлечений попало всё, что находилось в детской комнате: игрушки, книги, настольные игры, детские тапочки.

Затем она научилась выходить из детской. Для игры сгодилась вся квартира. Что тут началось!!!

Вся семья очень быстро приучилась к новому порядку. Всё было убрано в зону недосягаемости Дуськи.

Саша постоянно ворчал: «Не было печали, купила баба порося!»

Наташа его успокаивала:

— Саш, ну не ругайся. Она же ещё маленькая, совсем ничего не понимает.

— Дети тоже были совсем маленькие, но они же научились не пакостить, — ворчал Саша.

— Мы и Дуську научим. Вот сейчас поставим последнюю прививку и найдем кинологический центр. Пойдём с ней на обучение.

— Она у нас как ещё один ребенок. Питание, прививки, прогулки, учёба. Ужас какой-то!

— Ну, давай отдадим её соседке, она ведь просила, — как бы между прочим проговорила Наташа.

— Ага! Сейчас! Ни за что! — возразил Саша.

Он весь подобрался, встал в оборонительную позу и готов был грудью закрыть Дуську.

— Ну и что тогда бубнить попусту? — так же спокойно ответила Наташа, — Молчал бы уже.

На этом все споры закончились, хотя Саша и продолжал ещё периодически возмущаться.

Время шло, Дуська росла, и пора было её начинать учить хорошим манерам.

Наташа нашла кинологический центр недалеко от дома и записалась на первое пробное занятие.

Хмурым мартовским субботним утром они повели Дуську на первое занятие. В центре их приветливо встретил молодой мужчина.

— Дима, кинолог, — представился он.

— Наташа, а это мой муж Саша.

— Очень приятно! А это что за чудесный сеттер? Как зовут?

— Кого? — удивленно переспросила Наташа.

— Какой сеттер? — не менее удивленно спросил Саша.

— Ну вот же ваша собака, — растерялся Дима. — Или вы впервые слышите название её породы?

— Стоп! Стоп! Стоп! Давайте разберемся. Это чудо зовут Дуська. Мы её нашли в мусорном бачке. О том, что она породистая собака, впервые слышим. Конечно, наша ветврач говорила нам, что, возможно, она породистая, но мы сомневались, — внесла ясность Наташа.

— Ну, надо же! Это каким кретином надо быть, чтоб выкинуть такого щенка! — возмутился Дима. — У вас прекрасный ирландский сеттер, с отличным экстерьером. Я бы даже сказал отличный выставочный экземпляр, если бы были документы. Должен вам пояснить, что это охотничья порода. Она требует много движения, и ей обязательно нужен объект охоты.

— Ага, я уже это понял, — как обычно заворчал Саша.

— Дома уже ничего целого не осталось. Она на всё охотится.

— Купите ей как можно больше игрушек для охотничьих собак, — засмеялся Дима, — и больше гуляйте.

— Спасибо за консультацию, — ответила Наташа. — Воспитанию она подлежит?

— Воспитанию подлежат все, даже вы, — ответил Дима.

— Это хорошо, — отозвался Саша.

— Ну что, пойдёмте на площадку? Будем знакомиться, — позвал всех Дима.

И они пошли на дрессировочную площадку. Наташе и Саше там очень понравилось. А больше всего понравилось Дуське. Площадка располагалась в лесопарковой зоне и была оборудована всем необходимым для дрессировки собак. Несмотря на март месяц, снег здесь ещё лежал белый, чистый, не растаявший, как в городе.

Дуську отпустили с поводка, и она бегала, наслаждаясь свободой. Дима провел первый пробный урок и остался очень доволен.

— Она у вас способная и очень умненькая, — сказал он Наташе с Сашей.

Они договорились о плане занятий, и потекла череда новых дней, наполненных заботами.

Наступила осень. Дуське было примерно около десяти месяцев. Дрессировки и регулярное посещение ветврача продолжались.

Однажды, Саша пришел домой и сказал:

— Семья, я купил путевки, поедем отдыхать.

— Ура! — закричали дети.

— А как же Дуська? — спросила Наташа.

В квартире повисла тишина. Все ждали, что скажет папа.

— Ну, что поникли? Я все предусмотрел. Мы едем с Дуськой.

— Ура! — опять закричали дети.

— Не поняла! — изумилась Наташа.

— Что тут непонятного? Я взял путевки на местную охотничью турбазу. Там лес, озеро, рыбалка. Будем отдыхать. А я попробую с Дуськой на охоту сходить.

— Но ты же никогда не охотился.

— Вот и попробую.

— Отлично! — обрадовалась Наташа.

— Когда выезжаем?

— В эти выходные.

— Ура! — опять раздался крик детей.

И начались предотпускные хлопоты. Нужно было собрать вещи для всей семьи, собрать аптечку для себя и для собаки. Сложить миски и корм для Дуськи, купить ей ошейник от клещей. Получить от ветврача справку, что собака здорова. Всё крутились вокруг Дуськи. На себя времени тратилось гораздо меньше.

Наконец наступил день отъезда. Все загрузились в машину и поехали.

Когда прибыли на турбазу и вышли из машины, Наташа ахнула.

Вокруг стояла такая тишина и благодать! База находилась в лесной зоне. За ней шло огромное поле, а дальше расстилалась голубая зеркальная гладь озера. С другой стороны базы начинался первозданный, нетронутый цивилизацией лес. Красота была вокруг неописуемая!

Семья заселилась в свой домик, и потянулись дни беззаботного отдыха. Наташа с детьми ходила на озеро, а Саша с Дуськой — в лес охотиться. Но больше гулять, так как охотник из него был никудышный.

В один из таких беззаботно-расслабляющих дней решили всей семьей пойти в лес погулять. Они гуляли, наслаждались природой, Дуська бегала рядом. Вокруг пели птицы, солнышко ласково пригревало, проглядывая сквозь ветки деревьев. Вдали были слышны выстрелы ружей охотников.

Вдруг Дуська остановилась, насторожилась. Она увидела между деревьев ствол охотничьего ружья, направленный в сторону Ани. Собака, не задумываясь, как стрела, метнулась в сторону ребенка. А минутой позже раздался выстрел. Все остолбенели, никто ничего не понял. Только Анюта недовольно захныкала и завозилась, пытаясь выбраться из-под собаки.

— Дуська, ты чего? Тяжелая ведь уже. Совсем с ума сошла, разбесилась, разыгралась, — ворчала Аня.

Когда она выбралась из-под собаки, Дуська не двигалась.

— Мама, у Дуськи кровь! — закричала Анюта.

Саша понял, что случилось что-то страшное. Он в два прыжка подскочил к Анюте и Дуське. Сначала осмотрел и ощупал Аню. С ней было все в порядке. Она ничего не могла понять, только смотрела на окровавленный бок собаки. Саша стал осматривать Дуську. Сбоку на её теле виднелась небольшая ранка, из которой обильно сочилась кровь. Она тяжело дышала и поскуливала. Подбежали Наташа со Славкой. Они тоже ничего не понимая, смотрели то на Дуську, то на Сашу.

— Папа, что с ней? — спросил Славка.

— Она ранена.

Наташа опомнилась первой.

— Саша, хватай Дуську и поехали быстрее к Ирине.

Дети поехали с ними.

Всю дорогу Славка держал Дуську на руках, гладил её и шептал: — Дусенька, милая, держись. Не умирай. Ира тебе поможет!

Аня тихонько плакала рядом и шептала:

— Дусенька, как же так?

В ветклинику они приехали быстро. Саша влетел в дверь с Дуськой на руках. Навстречу ему из кабинета выбежала Ира.

— Что случилось? Что с Дуськой? — скороговоркой спросила она.

— Огнестрельное ранение, — закричал Саша.

— Ира! Спаси её! Пожалуйста!

Врач быстро оценила обстановку и приказным тоном велела:

— Быстро её в операционную. Там разберусь.

Саша занес Дуську в операционную, положил на стол и вышел. Ира занялась собакой, а все в коридоре замерли в ожидании. Никто не мог произнести ни слова. Время тянулось медленно. Наконец, врач вышла из операционной. Все взгляды с мольбой и ожиданием устремились на неё. Все боялись задать самый главный вопрос и услышать самый страшный ответ.

— Жива! Но состояние тяжелое, — выдохнула Ира. — А теперь рассказывайте, что произошло.

Первым пришёл в себя Саша:

— Мы и сами не знаем. Были на охотничьей базе, гуляли. Вдруг Дуська прыгнула на Аню. Раздался выстрел. Наверное, браконьеры. Когда я подбежал, то увидел рану и кровь. Конечно, мы сразу руки в ноги и к тебе.

— Тогда благодарите Дуську. Она спасла Ане жизнь, — с этими словами Ира достала из кармана и показала им небольшую пулю.

— Если бы не Дуська, все закончилось бы гораздо хуже.

Только сейчас Наташа поняла, что для них сделала Дуська. У неё началась истерика. Саша пытался успокоить жену, а Славка тихонько дернул Иру за рукав и прошептал:

— Тётя Ира, ты только вылечи Дуську!

— Вылечим! Такую собаку нельзя не вылечить, — ответила Ира. — А сейчас все марш домой, нечего здесь делать, а то Дуська вас услышит и будет переживать. Завтра после обеда приедете.

Семья понуро поплелись к машине.

Весь вечер дома был наполнен слезами и переживаниями. Они нервно реагировали на каждый телефонный. Ночь была бессонной. Они еле дождались обеда следующего дня и бегом кинулись в клинику.

— Ну что, как она? — сходу завопили дружно.

— Во-первых, здравствуйте, во-вторых — не кричите, в-третьих — всё хорошо. Опасность миновала, — спокойно ответила Ира. — Можете забрать Дуську домой. На улицу будете выносить в первую неделю на руках. Нужно будет давать обильное питьё и богатую белками и витаминами пищу.

Все облегченно выдохнули. Саша взял Дуську на руки и бережно отнёс в машину. Наташа и дети наперебой благодарили Ирину за спасение любимой собаки.

Дома Дуська была окружена вниманием и заботой, как самый любимый и самый главный член семьи. В этот день они поняли, что дороже и лучше друга, чем эта собака, им никогда не найти.

г. Челябинск

Наталья Сумина

Как Ирина и Артём Лизуна ловили

Ох уж эта деревенская жизнь! Особенно в гостях у бабушки.

Эта история записана со слов моей сестры Ирины. Произошла она в те славные времена, когда ей и брату Артёму было 4—5 лет. Они погодки. Из-за небольшой разницы в возрасте они были очень дружны. Проделки совершали вместе. Вместе и отвечали за них.

Как и положено, в деревне у бабушки был свой огород. Очень долго мы даже не подозревали, что картошку-морковку могут продавать в магазине. У нас всё выращивалось в огороде, и не было необходимости покупать овощи.

Зная непоседливый нрав своих внуков, бабушка очень переживала за свои посадки. Для младших внуков вход в огород без бабушки был категорически запрещён. Чтобы отбить охоту ходить в огород, она придумала и рассказа им сказку о Лизуне. Будто бы живёт в огороде среди грядок некий Лизун. Зверь невиданный и сказочный. Он весь мохнатый и злой. У него есть длинный слюнтявый язык. Он очень любит непослушных детей, которых зализывает до смерти своим липким языком.

Но для таких сорванцов, как мои брат и сестра, преград не существовало. Наоборот, запретив ходить в огород, бабушка добилась совершенно обратного эффекта.

Забравшись в укромный уголок двора, они вели примерно такой диалог:

— Пойдём сегодня искать Лизуна?

— Пойдём. А ты боишься его?

— Нет, не боюсь. А что он нам может сделать?

— Бабушка говорит, что у него большой язык, и он может зализать им до смерти.

— Вот ещё! Языков я, что ли, не видел. У меня и у самого язык есть. Я его сам зализу.

— А мне очень хочется посмотреть на его язык.

— Вот и посмотрим сразу.

— А вот найдём его, что делать будем?

— Возьмём большую палку и прогоним. Нечего ему в нашем огороде жить. Пусть к соседям уходит. А то выбрал самый хороший огород и живёт себе.

— Точно! А то вдруг бабушку зализет.

— Бабушку в обиду давать нельзя. Она у нас самая хорошая. Что мы без неё делать будем?

— Да, за бабушку надо заступиться. Она уже старенькая, сама прогнать Лизуна не может.

— Тогда решено! Как только уйдёт суп варить, так и пойдём.

— Только надо сделать вид, что мы в огород идти не хотим, а то узнает и опять не пустит.

— А давай у ворот в песочнице пещеру строить. Бабушка подумает, что мы там играем и караулить нас не будет.

— Давай!

Сестра и брат всячески показывали, что огород их не интересует, наоборот, у них много других игр и занятий. Но стоило только бабе отвлечься на дела по хозяйству, как внуки тайком пробрались в огород.

Прячась между грядок и кустов смородины, они крались к дальнему забору, за которым было болото и камыш. Именно там, по их мнению, и прятался Лизун. Место глухое, и воды сколько хочешь. Высокий камыш и крапива стояли сплошной стеной. Там можно было хоть десять лизунов спрятать.

Охота на Лизуна была делом непростым. Приходилось часами лежать в засаде между картошкой и забором. Да ещё и крапива с комарами одолевали. Но беспокойство за бабушку и огромное любопытство придавали сил и храбрости.

Бабушка, поначалу довольная, что внуки чем-то спокойным заняты, постепенно начинала волноваться. И выждав около часа, принималась их искать. Обежав всю улицу, расспросив соседей, она вспомнила, что в огороде было место, в котором внуки закапывали банку с водой для лягушек. Может, они там?

Войдя в огород, она услышала, как в картошке кто-то разговаривает. Подкравшись поближе, она увидела Ирину и Артёма. Они лежали в ботве и тихо переговаривались между собой.

— Ну что, ты видишь Лизуна?

— Я нет, а ты?

— И я нет. Может быть, он спит в болоте?

— До ночи теперь что ли ждать?

— Нет. Я есть уже хочу. Да и бабушка может нас потерять. Она в прошлый раз обещала крапивой по ляжкам всыпать.

— Давай тогда пойдём пока. Поедим и вечером опять сюда вернёмся. Может, он днём спит, а выходит только ночью. Очень уж хочется посмотреть на Лизуна.

— Давай!

Бабушка в это время тихонько сорвала крапивину и уже не прячась, побежала к внукам.

— Я что вам говорила? Чтобы вы не ходили в огород!

— Да мы только на Лизуна посмотреть хотели!

Бабушка лупила внуков крапивой, пытаясь попасть по голым ногам.

— Я вот вам дам Лизуна! И тебе. И тебе.

Внуки уворачивались. Крапива почти не достигала своей цели. Было и смешно, и больно. Да бабушка и сама чувствовала, что сейчас засмеётся. Чтобы не уронить своего авторитета, в последний момент она пригрозила внуком крапивиной и пошла домой.

Детям ничего не оставалась делать, как с виноватым видом, почёсывая ошпаренные крапивой места, пойти за ней следом.

Таких вылазок было несколько. Но Лизуна они так и не увидели.

Сейчас, когда мы сами бабушки, с теплотой вспоминаем с сестрой эти милые детские годы, а с ними и нашу несравненную бабулечку.

Как Ирина и Артём на русалок смотреть ходили.

Недалеко от бабушкиного дома протекала река Ураим. Сама речка была невелика, и мы часто купались в ней. Когда-то через неё был мост. Но Ураим сменил русло и мост остался в стороне. Новый делать не стали, да и старый забросили. То, что осталось за мостом, со временем превратилось в болото. Чтобы мы не ходили на старый мост и не попали в болото, бабушка рассказала нам большой секрет о том, что в том болоте живут русалки. Они заманивают к себе людей и топят их в тине. Описывала всякие ужасы, которые происходят в болоте с непослушными детьми. Но Ирине и Артёму от этого было только интересней.

Вот и созрела в их головках гениальная идея! А что если сходить и посмотреть на русалок? Заброшенный мост было недалеко. Буквально в пяти минутах ходьбы от бабушки. Только вот как уйти незаметно? Дети долго ломали голову над этой проблемой. После долгого совещания было решено идти поздно вечером. Дни в то время стояли длинные, и темнело очень поздно. Спать ложились ещё засветло.

Дождавшись, когда все уснут, Ирина и Артём тихонько выскользнули из своих постелек. Лето стояло жаркое, и дверь в дом была распахнута настежь. Так что на этом этапе сложностей не представилось. Осторожно, крадучись, на цыпочках, маленькие исследователи прокрались мимо спящих взрослых. Первый этап был пройден!

Предстояло не менее сложное испытание — выйти за ворота. Но и тут их поджидала удача. Ещё с вечера бабушкин дворовый пёс Собик приготовил для себя лаз. Ему время от времени надоедало смотреть за прохожими в узенькую щель в заборе, и он решал эту проблему кардинально, а именно рыл подкоп под этим самым забором.

Дед постоянно засыпал подобные инженерные проделки Собика, но пёс не сдавался, и всё начиналось сначала. Бабушка с дедом, придя с работы, видели свою сияющую от счастья (видит любимых хозяев!) дворнягу с уличной стороны забора. Пёс был на цепи и убежать не мог, но вот облаивал всех проходящих с особым рвением.

Все мы любили Собика и часто играли с ним. Поэтому он без слов дал Ирине и Артёму воспользоваться своим новым свежевырытым лазом.

Вот они уже и за воротами.

Теперь по улице — к мосту. Двое маленьких храбрецов уверенно и бодро шагали по дороге. Взошедшая луна как путеводный фонарь освещала им путь. Просёлочная дорога, нагретая дневным солнцем, приятно грела ноги. Земля, покрытая целой периной пыли, гасила торопливые шаги. Никто не встретился им по дороге. Все спали.

Таинственным сооружением впереди нарисовался мост. Вокруг него во всю шла ночная жизнь. Громко, на разные голоса квакали лягушки, играя свадьбы или ссорясь из-за комаров. Что-то стрекотало в траве, шуршало, ползало. Где-то ухала сова, переговариваясь с подружками. В воде постоянно булькало, плескало. Детям стало жутко? Да ничего подобного! Наши храбрецы совсем не боялись. Ведь их было двое и всё вокруг было знакомым. А ещё им было сказочно интересно.

На мост пробирались осторожно, что бы не спугнуть русалок. Наверняка эти болотные жительницы были очень пугливы. Усевшись на краешек, стали ждать появления болотных обитательниц.

— Ты что-нибудь видишь?
— Я нет. А ты?
— И я нет. Вон смотри, смотри, кто-то плывёт!
— Где?
— Да вон там! За корягой.
— Ага, вижу.
— Нет, это не русалка. Слишком маленькая. Наверно жаба какая-то.
— А вот смотри, что-то плывёт!
— А нет, это ондатра. Папа говорил, что их тут много развелось.
— Эх, жаль. А то бы уже посмотрели на русалку и домой пошли.
— Ты что, испугалась?
— Да нет, просто спать хочется.
— Да и мне тоже спать хочется.
— Но и на русалку посмотреть хочется.
— Это да.

Неподалёку от берега вынырнула стайка пузырьков.

— Что там? Русалка?
— Нет, это всего лишь воздух.
— Эх, жаль!

Так они сидели, тихо переговариваясь, и смотрели на болотце. Ночь потихоньку шла своим чередом. Болотные жители, напевшись и накричавшись, потихоньку успокаивались и замирали где-то в глубинах болотного мирка. Сколько времени они тогда просидели на мосту, Ирина уже и не помнит. Да только вконец устав, брат и сестра пошли домой.

Русалок они так и не видели. Ночная вылазка осталась незамеченной. Боясь наказания, дети никому ничего не говорили. Только спустя много лет, когда они были взрослыми, Ирина и рассказала мне эту историю.

Как Ирина плавать научилась

Эта история произошла в те славные годы моего детства, когда мы жили с родителями и все деревья казались большими. Нас было трое. Я — старшая сестра Наташа, потом шла Ирина, а последним был брат Артём.

Жили мы в многоквартирных бараках. Улица была спокойной и заканчивалась выходом на небольшую речку Ураим.

Сама река была интересна тем, что каждую весну меняла своё русло. После половодья оставалась небольшая речушка с множеством разных заводей и озерков. Вода там была стоячая и хорошо прогревалась к лету. К тому же везде было мелко. Коровы часто отдыхали там по полдня, стоя по брюхо в тёплой воде . Там же и мы, детвора, и резвились всё лето.

Из нас троих плавать умел только Артём. Он лихо переплывал Ураим, и нырял с коряги, что лежала на другом берегу. Я плавала плохо и не любила это дело. Мне нравилось просто барахтаться в воде, поднимая как можно больше брызг. Ирина же плавать совсем не умела. Обычно она сидела на самом краешке воды, играла в песке, строя свои собственные крохотные заводи, и наблюдала за нами. Мы с братом звали её играть с нами, плескаться, но глубже чем по колено она заходить в воду никак не хотела, боялась, что мы утащим её на глубину.

В те года игрушками нас не баловали. А тут родители купили нам большую надувную бабочку. Мы надували её на берегу и с братом плавали по очереди как на плотике. Было очень здорово! Ложишься на неё животом, потихоньку гребёшь руками и разглядываешь дно. А там снуют маляшки, плавают какие-то жучки, растут травинки. Завораживающая картина.

Предлагали и Ирине покататься на бабочке, но она хоть и хотела всё это увидеть, всегда отказывалась заходить в воду. И только с завистью глядела на нас. Уж что только мы не делали, что бы наша сестра тоже покаталась на бабочке. Уговаривали, приводили примеры, лично всё показывали. И вот, однажды, нам удалось-таки её уговорить.

Место выбрали не глубокое. Мне, девятилетней девочке воды там было по пояс. Брату — чуть выше.

Ирина, крепко держась за меня, легла животом на бабочку. Сестрёнка лежала вдоль тела бабочки, держась за её голову, а бабочкины крылья торчали у неё с боков. За них-то я и принялась катать сестру. Не торопясь, я качнула её то в одну сторону, то в другую. Ирина успокоилась, решила приподняться, что бы лучше видеть всё вокруг. Пошевелилась и тут же произошёл большой плюх! Сестрёнка рыбкой соскользнула под воду! И её не стало.

Что произошло со мной — не передать словами. Нет, не тысяча мыслей пронеслась в моей голове. Только одна ярко вспыхнула и горела перед глазами: «Как сказать маме, что сестра утонула? Мама расстроится».

Мы с братом в оцепенении стояли в воде и не предпринимали никаких действий. Секунды, что прошли тогда казались самыми длинными в моей жизни. Я и сейчас помню, как они тянулись и тянулись.

И вот, среди этого безмолвия и трагизма, вдруг с шумом и плеском появляется Ирина.

«Нет, — хотелось крикнуть мне — ты утонула. Я даже слова для утешения мамы придумала. Ныряй назад!» Но потом смысл произошедшего дошёл до меня. Сердце наполнилось радостью и облегчением.

Сестра стояла по грудь в воде и руками стирала с лица воду. Она не плакала, а была очень зла на нас с братом. Ведь мы всё-таки заставили её зайти в воду по самую грудь.

Будучи уже бабушками, мы как то вспоминали этот случай. Смеялись.

Ирина рассказывала, что для неё самой было большой неожиданностью оказаться под водой. Всё произошло так быстро, что испугаться она не успела. Просто оказалось, что она сидит на дне и большой полосатый окунь висит перед её лицом. Он удивлённо смотрел не неё. Она хотела потрогать его, но он увернулся и уплыл прочь. Ирина огляделась вокруг. На дне лежали камешки, росли кустики водорослей. Тишина и умиротворение было во всём. Всё, как и на берегу. Ничего страшного. Даже захотелось подольше побыть в этом раю. Но кончался воздух, и надо было дышать. Тогда она просто встала на ноги и вернулась к нам.

С тех пор она перестала бояться воды и скоро научилась хорошо плавать.

г. Нязепетровск

Борис Беленцов

Стихи

Виктору Ивановичу было под восемьдесят, и он давно уже жил на пенсию. Большую часть жизни пенсионер проработал в шахте. Читать не любил, а уж стихи, можно сказать, ненавидел, поэтому к писателям и поэтам, даже самым великим, относился скептически: «Языком молоть — не мешки ворочать. В шахту бы этого писаку, хотя бы на полгодика — посмотрел бы я потом на него». По этой причине все считали его человеком скучным и неинтересным.

И вот год назад внезапно у него открылся дар: непонятно с чего сам стал писать стихи. Причём, как ему казалось, такие красивые, что зачитаешься. Стихотворные строчки возникали в голове внезапно, и Виктор Иванович, чтобы не забыть, сразу, схватив ручку или карандаш, записывал их в тетрадочку. А самое удивительное, что он не испытывал никаких творческих мук, строчки сходили к нему, будто бы с небес — целыми четверостишиями. Бывало так, что он на несколько секунд задумывался — и тут же красивые строки откуда-то возникали в его голове, и он, боясь их забыть, записывал. Своих стихов Иваныч стеснялся и никому не показывал, благо жил он один: жена два года назад ушла в мир иной, а сын проживал отдельно.

Когда в тетрадочке скопилось около двух десятков стихотворений, пенсионеру в голову пришла интересная мысль: «А почему бы мне не напечатать их? Говорят, что сейчас можно это сделать за деньги, а деньги у меня есть. Пусть будет даже тоненькая книжечка. Но она же будет... Её можно взять в руки. Подарить кому-нибудь, например Марье Петровне. Сыну на день рождения, он обрадуется, а как внуки будут удивлены, что их дедушка стал поэтом». Приняв такое решение, пенсионер, не откладывая дело в долгий ящик, сунув тетрадку со стихами в карман, отправился в издательство, рекламу которого видел по телевизору.

Симпатичная девушка, специалист по работе с клиентами, узнав, что он хочет напечатать сборник стихов, приятно улыбнувшись Иванычу, произнесла:

— Это замечательно, что вы пришли к нам. Я вас направлю к редактору, её зовут Нина Сергеевна. Она посмотрит ваши стихи. Может быть, что-то подскажет, поможет, исправит. А потом мы с вами заключим договор на издание книги.

Нине Сергеевне было уже за пятьдесят. Всю свою сознательную жизнь она работала в книгоиздании и считалась очень хорошим специалистом в своём деле. Взяв у пенсионера тетрадь, она с интересом стала читать записанные там стихи. При чтении на её лице появилась улыбка, и она изредка, будто бы про себя, произносила: «Прекрасно, замечательно, великолепно, гениально...» От этих слов сидевший напротив неё Виктор Иванович засмущался, и его охватило волнение. «Неужели она говорит это о моих стихах?» — думал он. Прочитав всё, что было в тетради, редактор, посмотрев на пенсионера, сказала:

— Стихи замечательные... вот только они написаны не вами.

— Как не мной? Это всё написал я, — возмущённо ответил Иваныч.

— Нет, это всё написано до вас великими поэтами. В вашей тетрадочке собраны произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Есенина и других. Но самое интересное то, что все эти стихотворения учат наизусть в начальной школе. Я уверена, что и вы учили их... А теперь они к вам вернулись... — мягко улыбнувшись, ответила Нина Сергеевна.

Ошарашенный словами редактора, пенсионер растерянно произнёс:

— Так, выходит, я впал в детство...

— Выходит, так, — с грустью в голосе произнесла редактор.

Забрав тетрадку, горько усмехаясь каким-то своим мыслям, ссутулившись, Виктор Иванович побрёл домой.

п. Увильды

Валерий Дивянин

Электромассаж с музыкой

Как-то раз, в советское время ещё было. В наше сельпо завезли электромассажёры. Пять штук. Для вибрационно-ударного массажа, применяемого в лечебных, косметических и спортивных учреждениях, а также в бытовых условиях.

Один взяла себе продавщица Вера, ещё один припрятала за прилавком, на всякий случай, а остальные выложила на полку.

Бабка Полина, охочая до новых товаров, долго вертела электромассажёр в руках.

— Ну и что с ним делать? — рассматривая диковину на свет, спросила она.

— Там всё написано! — ответила Вера.

— Так я ж без очков не разгляжу.

— Раз без очков — положь, сломаешь.

— Как же, — сказала бабка Полина. — Только положь — расхватают.

Наш местный балагур Василий, зашедший с дружком в сельпо покалякать с красно-щёкой Верой, подмигнул продавщице.

— Давай, бабка, инструкцию почитаю, — сказал он. — Да не бойся ты, не унесу. У меня уже дома есть один такой — импортный.

Бабка Полина недоверчиво покосилась на Василия.

— Ну, читай! — сказала она, не выпуская все же коробку из рук. Василий развернул инструкцию, толкнув дружка локтем.

— Так, — сказал он, — тут идут технические данные, это тебе не интересно. Вот дальше — что с ним делать. ОГО! Чего тут только нет. Ну, во-первых, можешь своего деда по голове огреть, если заупрямится. Это раз. Зимой можно греться заместо грелки — два. Под хромоногий стол подкладывать — три.

— Орехи колоть можно, — вставил дружок.

— Опять же для приготовления пищи, — продолжал Василий. — Бросаешь эту дрянь в кастрюлю и вари, пока вибрировать не начнет. После вынимаешь — и на мороз, дня на три, как пельмени.

— Срамники, всё бы смеяться, — сказала бабка Полина. — Отдай бумагу, олух.

— Ну ладно, ладно, — сказал Василий, — уж и пошутить нельзя. Ладно, слушай, буду читать по буквам. — Новейшая модель ударно-вибрационного массажера предназначена для дальнейшего развития сельского хозяйства. Исключительно в целях повышения удоя молока. Значит, так. Включаешь в электросеть, идёшь к корове, прикладываешь его к вымени. Минут на пять, не больше. Иначе вместо молока творог получится. Потом начинаешь доить. Результат налицо. Всё просто как божий день. Поняла?

— Точно, точно, — подтвердил дружок. — В кинохронике даже показывали. Сама небось видела.

Бабка Полина призадумалась. На прошлой неделе действительно что-то такое показывали в клубе.

— Врут, поди, — сказала она, обращаясь к Вере.

Та пожала плечами.

— Тьфу! Ей дело говорят, — обиженно отвернулся Василий. — На, сама почитай. В соседнем колхозе эти штуки давно применяют. Только там они помощнее, специально для ферм, а это для индивидуального пользования, на отдельную корову, так сказать. Съезди в соседний колхоз, погляди!

— Там ещё и музыку включают, — сказал дружок. — Я на прошлой неделе был, сам слышал. Они поэтому на первое место и вышли. Заводят какую-нибудь фугу Баха и доят. И тебе хорошо, и коровам. Просвещайтесь... Говорят, даже хотели в филармонии артистов зазвать, чтобы уж сразу процентов триста выдать. Живую музыку-то приятней слушать. Артисты-то вроде бы и приехали, не разобравшись поначалу — зачем, а после обиделись. Говорят, мы не затем сюда ехали, чтобы для коров играть, свинство это.

— Во! — сказал Василий. — Ты слушай, бабка, слушай.

— И зря отказались, — продолжал дружок. — Денег-то им не заплатили. За что платить-то? За форс? Я так полагаю — ежели ты владеешь музыкальным инструментом, так играй, а для кого — неважно, слушатели сами найдутся.

— Правильно, — поддержал Василий. — Гнать надо таких артистов в шею! Да, может, коровы и слушать бы не захотели? Боднули бы рогами за такую музыку — и привет. Может, они не хуже их мычать умеют.

— У них вроде с нотной грамотой было не все в порядке, — сказал дружок. — Они вроде даже не из филармонии были, а в ресторане играли, подрабатывали. Думали, приедут — удивят всех. Электрогитар их не видели здесь! Думали, наверно, рубли насшибают. А им, нате, пожалуйста, сначала на коровках вас проверим, а может, вы не то играете? Может, от такой музыки не только удой, уши в процентном отношении сократятся.

— Во-во! — сказал Василий. — В самую точку! Был я в ресторане, слышал, как они там играют. Как будто в бочке железной сидел, а со всех сторон гаечными ключами лупят. Да от такой музыки кумыс начнёшь делать, а не молоко. Для этих дел классическая музыка требуется. Лучше всего — «Лебединое озеро».

— Правильно, — поддержал дружок. — На худой конец, и Муслим Магомаев сгодится.

— Так что бери, баба Полина, и не раздумывай, — закончил Василий. — Не отставай от жизни, а мы к тебе молоко придём пить. Попробуем, как оно, с новой-то технологией.

— Только с курами не советую пробовать, — добавил дружок. — Говорят, они мрут от этого.

— Ну, берешь, что ли? — сердито спросила Вера. — Или положь на место, совсем извертела, сломаешь.

— Беру, дочка, беру, — решилась бабка Полина. — Раз такое дело, отчего ж не взять. И недорого вроде...

— Так мы к тебе зайдем! — крикнул напоследок Василий.

Дня через три бабка Полина встретила Василия на улице:

— А, соколик, я тебя и ищу, — сказала она.

— Дела, бабка, дела, — торопливо ответил Василий, стараясь проскочить мимо.

— Погоди, — схватила его за рукав бабка Полина. — Да не рвись ты! Пошли в дом!

— Ну чего ещё! — попытался вырваться Василий, охваченный нехорошим предчувствием.

— Идем, идем, — цепко держа за рукав, сказала бабка. — Там поглядишь.

В комнате на столе стояла большая кринка молока.

— Пей! — скомандовала бабка.

— Не хочу! — наотрез отказался Василий.

— Пей! Да не дрожи ты так.

Василий поднес кринку ко рту и попробовал. Молоко как молоко. Он взял её обеими руками и одним махом выпил до дна.

— Ну? Хорошее молоко, — сказал он, вытирая губы.

— Вот! — сказала бабка. — Теперь, когда захочешь, приходи и пей, это я по стольку уже второй день сверх обычной нормы надаиваю. Вот оно как оказалось. А куды нам с дедом столько? Нам и того, что было, хватало.

— Это как же, — спросил Василий. — Неужели электромассаж?

— Он, милый, он самый. Как пришла, сразу и попробовала. Полное ведро, да ещё миска. Вот как.

— Ну, бабка, — рассмеялся Василий. — Значит, в самую точку попал.

— Я вот только не знаю, — задумчиво проговорила бабка Полина. — Может, это больше от музыки, чем от самого массажа.

— Какой музыки? Ты что, деда на гармони заставляешь играть, когда доишь? Правильно, пусть приобщается.

— Зачем деда? — ответила бабка. — Он у меня сам играет, — она кивнула на массажёр.

— Ты ври, да не завирайся, — недоверчиво сказал Василий. — Ну, чего ты выдумываешь?!

— А ты послушай! — бабка Полина взяла в руки электромассажёр и включила его в сеть.

— Московское время пятнадцать часов, — раздалось откуда-то издалека. — В эфире радиостанция «Юность»...

Василий взял осторожно электромассажёр в руки.

— Дорогой друг! — услышал он. — Пишет нам твоя ровесница из села Ольховка...

— Вот чудеса, — изумленно сказал Василий, поспешно кладя массажёр на место. — Никогда бы не поверил, — он задумался. — Да это, наверное, брак, — сказал он, наконец. — Я знаю, так бывает. Там что-нибудь на заводе напутали, не так соединили, вот он и работает как радио. Надо его обратно отправить. Вон у меня один раз утюг что-то такое промурлыкал, то ли «С добрым утром!», то ли ещё что.

— Какой брак! — возмутилась бабка Полина. — Что ж это за брак, ежели он, что надо, то и делает. Вот оно, молоко-то, сам пил только что. И удой, и музыка. Всё как полагается, сами говорили там, в магазине-то.

— Так-то оно так, — почесал в затылке Василий. — Но ты бы всё ж снесла его в ремонт. Вдруг короткое замыкание будет. Или обменяла бы. Бракованный он...

— Нет! — твердо сказала бабка Полина. — Уж какой-никакой, а самый что ни на есть исправный. Мне такой вот и нужен. Так что спасибо тебе, Василий, огромное! Если б не ты, так бы и жила по старинке, я уж тебя не забуду.

— Ладно, — сказал задумчиво Василий. — Только ты вот что. С курами не экспериментируй. Вдруг и в самом деле помрут со страху.

г. Южноуральск

Николай Задорожный

Критика по просьбе

Руководитель одного госпредприятия Семён Семёнович Мазуров устроил однажды мальчишник на свой день рождения. Приглашены были «мальчишки» от сорока и старше. Ну, там пару замов, технический директор, два-три руководителя отделов, главный финансист — бухгалтер и самый главный — кадровик с громкой фамилией Орлов, да ещё Лев Карпович. Он был то ли племянник тёщи Мазурова, то ли двоюродный брат кого-то. Одним словом, свой человек.

Этот кадровик, к тому же, отставной подполковник, щеголявший доброй внешностью и немалым ростом, по-военному отчеканил собравшимся гостям:

— Друзья! Мы собрались за этим праздничным столом, чтобы поздравить именинника! За нашего, всеми уважаемого, доброго, отзывчивого, а также дорогого всем нам генерального директора, Семёна Семёновича, прошу бокалы поднять! Пригото-влись! Выпьем все разом и до дна!

Выпили, губы вытерли и после отведённой на сосредоточенную еду паузу слово взял первый зам, Влас Силыч Жилкин, мужчина средних лет, детина дюжего роста, со спокойным, певучим голосом:

— Други мои! — спокойно и уверенно произнёс детина. — Помню, наш уважаемый именинник, то бишь Семён Семёнович, говорил нам на планёрке: «Надо поднимать экономику нашего предприятия! Нужно зарабатывать деньги! Живём-то, слава богу, при капитализме!.. Капитализм любит деньги, а деньги это основной двигатель прогресса!..»

Присутствующие прервали его бурными аплодисментами. Тут же вскочил было второй зам, но Семён Семёнович остановил его властным жестом. Он слегка кашлянул в кулак, загадочно улыбнулся и, как бы немного со смущённой улыбкой сказал:

— Коль мы за таким дружеским столом, то я не стану к вам обращаться «господа», я скажу — друзья. В этот необычайный для меня день и просьба к вам будет не обычная. Ну зачем вы зря упражняетесь в красноречии? Я хочу хоть раз услышать, что вы действительно обо мне думаете. Вам понятно? И прошу вас: не стесняйтесь, не бойтесь. Скажите в глаза всё, что думаете обо мне. Начистоту, как есть!

Наступила тишина, нарушенная стуком вилки о тарелку. Кто-то из присутствующих нечаянно обронил её.

— А что, и скажу! — вдруг бодро произнёс второй зам, Иннокентий Васильевич Дергунов, такой маленький и тщедушный, он еле был виден за столом, но зато с басовитым голосом. — Да я сей момент всю правду матку! — громыхнул он так басом, что жалобно зазвенели бокалы. — Это же у нас не руководитель, а...

— Ну-ну, заинтересовался генеральный. — дальше, дальше, давай, давай!

— Это же не человек, а...

— Вот, вот, продолжай! — удовлетворительно подхватил Мазуров.

— Хочу сказать — продолжил зам, — это не необычный руководитель, не просто человек, а человек-пример. Человек...

— Амфибия! — подняв кверху указательный палец, воскликнул сидящий рядом молодой зав. отделом Кравцов, что уже был под хорошим хмельком.

— Нет, нет и нет! — нахмурился Мазуров и поджал губы. — Я же просил вас: нелицеприятно и честно. А вы? Могу я, наконец, знать о себе всё? Я требую правды!

Послышался небольшой гул между присутствующими.

Тут снова стукнули каблуки кадровика, и он скомандовал:

— А ну, тих-хо! — он постучал вилкой по бокалу. — Будете докладывать все добровольно, или вас по одному называть?

Громадный первый зам, Влас Силыч, вскинул львиную голову, развернул плечи, спокойно пропел:

— Если надо, что ж... Отчётливо помню, как в одно хмурое рабочее утро наш уважаемый именинник на планёрке, при всех, заявил... Я цитирую: «Вы что же это, сукины дети, с производством делаете, так вас растак!»

— Факт на лицо, — подтвердил кто-то робко. — Недостаток отдельный, нетипичный, но всё же...

— А вы давайте не отдельные, — весело подхватил Мазуров, — а типичные!

— Если просят, — развёл руками технический директор Халиков Марат Исаевич, и произнёс: — Да он дела не знает! И своим незнанием пытается все свои изъяны в работе прикрыть окриком и руганью!..

— Так меня! — потёр руки именинник. — А что же остальные молчат? Неужто боятся?!

Подвыпившие гости, как видно, осмелели. Не зря говорит народная мудрость: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

И тут кое-кто даже вскочил с места. Перебивая друг друга, торопясь, все завопили:

— Премии лишаешь тех, кто с тобой не соглашается!

— Так... Дальше кто?

— А сколько родственников своих и приятелей к нам на работу устроил? И все они на должностях. На тёплых местах, — выкрикнул начальник другого отдела.

— Недвижимость в Испании имеется на какие средства?!

Улыбка с лица именинника начала спадать.

Тут чей-то голос добавил:

— Я рацпредложение внёс — в соавторы попытался примазаться!

— Детей за границей учит за счёт предприятия, — продолжил главный бухгалтер. — Да что там детей! — махнул рукой финансист. — Он фиктивные договора составляет, потом ложные документы подписывает!.. И денежки предприятия в заграничные банки рассовывает!..

Кто-то перебил бухгалтера:

— А рабочим зарплата задерживается! Пора бы и соответствующие органы подключить!..

— Стоп! — твёрдо произнёс именинник, поднимаясь со стула. Улыбка с лица враз пропала, и все увидели внезапно мрачного, осунувшегося, сурового человека.

— Зачем вы так... Это всё от зависти! Вы все врёте! Не-хо-ро-шо... Не-кра-си-во... Всё. Спасибо. Я ухожу...

И ушёл.

Совсем ушёл...

На другую руководящую работу. Мэром города.

г. Челябинск

Светлана Другова

Эта девочка верит в любовь

* * **

Я научилась тебя забывать,
Не писать тебе ни строчки.
И свои ошибки признавать,
Пока ты гулял в одиночку.
Я научилась себя любить,
Жаль, что нужно всё забыть!
По течению снова плыть.
Я научилась летать и парить!
А чему научился ты?
Может, просто мечтать о любви...

* * *

А эта девочка верит в любовь,
Читает всё время романы.
А эта девочка верит в любовь?
Смотрит в кино мелодрамы.
А эта девочка верит в любовь,
Ещё и не спит ночами.
А эта девочка верит в любовь!
И слезы льются ручьями...
А эта девочка нашла любовь!
И счастье — не за горами!

* * **

Знаешь. Я виновата. Всю картину уже расписала.
Знаешь. Я виновата. В облаках все летала.
Верила тебе. Навстречу всегда бежала.
Спотыкаясь о камни. Ждала. Тебя искала.
Зря я тогда подумала, что вот — судьба.
Жаль, что любовь моя — опять была слепа.
Убежала. Закрылась. Пыталась тебя забыть.
Опять вернулась. Простила. Пыталась с тобою быть.
Ждала. И снова искала. Но ты не писал, не звонил.
Наверное, тебе хорошо, и меня ты давно забыл?
Тишина. Гудки. Теперь я все поняла. Ушла...
Закрыла все двери. Тяжело. Опять в душе тишина.

* * *

Дружба на грани любви,
Но ты не заметил её шаги...
Дружба на грани любви,
Ты нам с тобой помоги.
Дружба на грани любви —
Мы с тобой уже не враги!

Дружба на грани любви,
В моих глазах всё прочти.
Дружба на грани любви —
Или меня отпусти...

г. Челябинск

Александр Нагога

Чтоб слово свободно дышало

* * *

Обнимать её нежно и трепетно,
Даже сердцем касаясь души.
Невозможно любить неуверенно,
Даже если внутри всё кричит.
Целовать её, как на прощание,
Не забыть, как стремился, летел.
В аккурат ко святому венчанию —
И ни капли ты не сожалел.
Ведь увидев её в белом платьице,
Без сомнений заплачешь душой.
Это слезы не грусти, а счастия
Рядом с ней, такой милой, родной.
Обнимать её нежно и трепетно,
Даже сердцем касаясь души.
Для Вселенной — всего лишь мгновение.
Для тебя словно вечность бежит.

* * *

Дайте мне выйти за рамки,
Чтоб слово свободно дышало,
Чтоб силу свободы держало
И чтоб не играть с вами в прятки.
Чтоб снова привольно мечталось
И совесть моя не терялась,
Чтоб сила вовек не кончалась.
И пусть воплощают нападки
Обмана чужого припадки.
Чтоб истину мира рождала
Его превосходная правда,
Которая всё предсказала.
Ну дайте же выйти за рамки!

с. Увельское

Юлия Писаренко

Ещё горит моя звезда

Ещё горит моя звезда,
Ещё горит она, не гаснет,
Путь освещая и даря
Любовь и счастье.
Она горит и говорит:
«Не бойся, путь твой освещу я,
И даже в самый трудный миг
Ты верь в меня — к тебе приду я.
И будет плохо — говори
И выплесни свой гнев наружу».
В минуты бури, снега, мглы,
В минуты самой лютой стужи.
Ещё горит моя звезда,
На землю тихо снег ложится,
Мерцает чудно и искрится...
Ещё горит моя звезда...

Снег

Жадно вдыхая морозный воздух и провожая взглядом снег,
Ты идёшь по дороге снежной, шаг ускоряя на бег.
Воздух вдыхая и отпуская прошлые мысли и боль,
Падая, снег приносит надежду и, несомненно, любовь.
Падая, снег уносит сомненья, былые обиды и страх,
И прорастают радость и счастье улыбкою на устах.
Падает снег — миг ускользает, словно вода в песок,
Падает снег — счастье бывает, если гляжу на восток.

г. Амвросиевка

Электронная версия журнала размещена по адресам:
www.zenon74.ru/projects; www.mv74.ru

Графоман № 3(51)/2022
Литературный журнал
Редактор *А. А. Мишутин*

Корректор *Е. С. Меньшенина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 16.08.2022 г. Гарнитура «Constantia».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×100/16. Усл. печ. *л*. 11,21.

Заказ № 79.
Тираж 95 экз.
Цена договорная.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Фотохудожник»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1.

Телефон редактора журнала «Графоман»: 8 908 570 83 97.
E-mail: mishutin1940@mail.ru